

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 2 • 2013 • АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

К 110-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева

- Иванников В. А. Алексей Николаевич Леонтьев — педагог, ученый, руководитель. 4
- Бороздина Л. В. Новая концепция личности и характера на основе теории деятельности А.Н. Леонтьева. 11
- Ромашук А. Н. Теория деятельности А.Н. Леонтьева и проблема преодоления двухфакторного подхода к детерминации психики. 26
- Битюцкая Е. В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева. . . 40
- Васюкова Е. Е., Митина О. В. Принцип деятельностной специфичности кодирования в эпизодической памяти (на материале запоминания шахматистами дебютных последовательностей) 57
- Гусев А. Н., Емельянова С. А. Роль личностной саморегуляции в решении пороговой задачи: психофизический и дифференциально-психологический анализ 76
- Фам А. Х., Леонтьев Д. А. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости (окончание) . . . 93

К 80-летию со дня рождения Олега Константиновича Тихомирова

- Клочко В. Е. Онтология смысла и смыслообразование (размышления в связи с юбилеем О.К. Тихомирова) 106

Нейропсихология

- Глозман Ж. М., Крук П. Социальный мозг: новая трактовка понятия 121

Возрастная психология

- Алмазова О. В. Типология взаимоотношений взрослых сиблингов 134

Методика

Осин Е. Н., Рассказова Е. И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте	147
Памяти Татьяны Сергеевны Кабаченко	166

VESTNIK MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA 14. PSIKHOLOGIYA. 2013. N 2

CONTENTS

To the 110th anniversary of Alexey Nikolayevich Leontiev

Ivannikov V. A. Alexey Nikolayevich Leontiev — Teacher, Scientist, Chief.	4
Borozdina L. V. The new concept of personality and character on the base of the activity theory by A.N. Leontiev	11
Romashchuk A. N. A.N. Leontiev's activity theory and the overcoming of double-factorial determination of psychic	26
Bitutskaya E. V. Cognitive appraisal of the difficult life situation in A.N. Leontiev's activity approach	40
Vassioukova E. E., Mitina O. V. Principle of activity-based encoding specificity in the episodic memory (on the material of memorizing the opening sequences by chess-players)	57
Gusev A. N., Emelianova S. A. The role of personality self-regulation in threshold task performance: Mutual analysis of psychophysical measures and individual differences.	76
Fam A. Kh., Leontiev D. A. Subjective construction of choice in situations of different scale of importance (the end)	93

To the 80th anniversary of Oleg Konstantinovich Tikhomirov

Klochko V. E. Ontology of sense and sense-formation (Reflections on the anniversary of O.K. Tikhomirov)	106
---	-----

Neuropsychology

Glozman J. M., Krukow P. The social brain: New understanding	121
--	-----

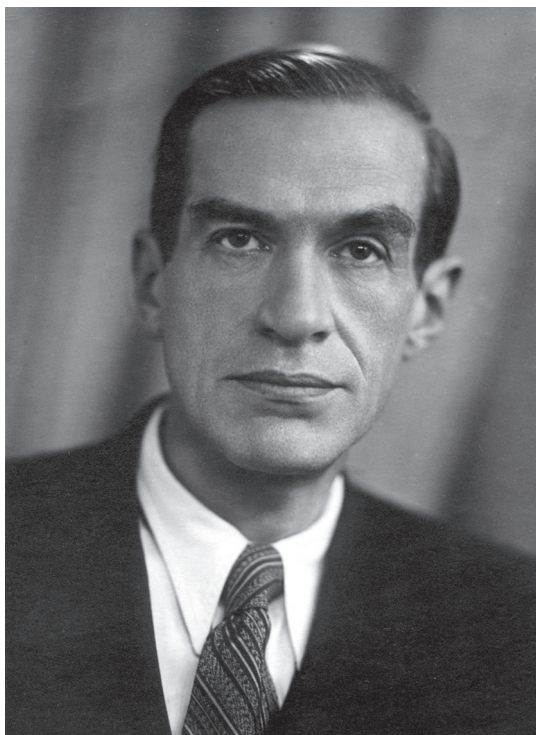
Developmental psychology

Almazova O. V. The typology of relationships among adult siblings ..	134
--	-----

Methods

Osin E. N., Rasskazova E. I. A short version of the Hardiness Test: Psychometric properties and organizational application	147
In the memory of Tatiana Sergeevna Kabachenko	166

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА



05.02.1903—21.01.1979

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛЕОНТЬЕВА

В. А. Иванников

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ — ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ, РУКОВОДИТЕЛЬ

Впервые я увидел А.Н. Леонтьева в сентябре 1961 г. на лекции, будучи студентом 1-го курса отделения психологии философского факультета МГУ. Лекции проходили в аудитории на первом этаже, где потом располагался практикум, а теперь — учебная часть для лиц с высшим образованием, желающих приобрести вторую специальность, и иностранный отдел. Вошел высокий худой человек с серьезным и загадочным выражением лица, поздравил нас с поступлением в МГУ и начал читать лекцию. Говорил он неторопливо, подбирая слова, так что создавалось впечатление, что он только что создал мысль, которую вам сообщает. Позже я узнал, что это так и было. Я неоднократно был свидетелем того, как Алексей Николаевич готовился к лекции. За 20 минут до начала он набрасывал в блокноте план и во время лекции, изложив какую-то идею, заглядывал в блокнот. У меня сохранился план одной из его лекций, написанный его рукой (на трех небольших листочках). Там было, *про что* говорить, а не *что* говорить.

Лекции были информационно насыщенными, и А.Н. читал их очень серьезно, что было похоже на доклад перед своими коллегами на эту тему. Видимо, поэтому он время от времени утвердительно, а не вопросительно обращался к кому-то из студентов, сидящих на первых рядах: «Ну вы понимаете». При этом улыбался и протягивал руку ладонью вверх, а пальцы изгибались наружу, вниз. Студенты заворожено смотрели на него.

Общую психологию тогда по очереди три года каждому курсу читали А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия. В тот год, когда мы поступили на 1-й курс, студенты 6-го курса (обучение психологов тогда длилось пять с половиной лет), намеревающиеся поступать в аспирантуру, решили вместе с нами прослушать курс Леонтьева (им лекции читал

Иванников Вячеслав Андреевич — член-корр. РАО, докт. психол. наук, профессор кафедры психологии личности ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: vaiv@mail.ru

А.Р. Лурия) и потом рассказывали, что с ужасом осознали, что лекции А.Н. им совершенно непонятны. Вскоре они перестали ходить на эти лекции.

Мне удалось прослушать полные курсы по общей психологии, которые читали А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия для психологов, и курс лекций П.Я. Гальперина для философов. Это были разные психологии, хотя и объединенные идеями культурно-исторической психологии.

А.Н. Леонтьев читал не столько эмпирику, сколько теорию и методологию психологии. При этом многие его лекции были образцовыми по логике изложения и точности формулировок (а я прослушал его лекции несколько раз, так как вел за ним семинарские занятия и считал, что я должен знать, что говорил на лекции профессор). Изданные позже его лекции потеряли «аромат» живой мысли и не передают того «шарма», который возникал при восприятии рассуждающего Леонтьева. Но, несмотря на восхищение многих студентов лекциями, понимали их немногие. Лекции А.Р. Лурия, наоборот, были понятны всем. Когда однажды А.Н. надолго заболел, нам вместо него три лекции читал А.Р. Лурия, и студенты нашего курса были в восторге от того, как просто и понятно он их читал.

Я прослушал лекции А.Р. Лурия по общей психологии тоже неоднократно, потому что вел за ним семинары и был его аспирантом, а значит, был обязан посещать все лекции своего научного руководителя и обсуждать их вместе с ним. Это была подготовка аспирантов к самостоятельной педагогической работе. Александр Романович больше рассказывал о результатах экспериментальных исследований разных авторов, но теоретические аспекты лекций были беднее и слабее, чем в лекциях А.Н. Леонтьева. При этом лекции А.Р. Лурия по нейропсихологии были блестящими, логично построенными, с использованием материалов истории психологии и ясной теорией, которую нельзя было не понять. Именно это и убедило меня, что хорошо читать лекции можно лишь по той тематике, над которой ты сам постоянно размышляешь и ищешь ответы на «проклятые» вопросы.

П.Я. Гальперин читал лекции по своей оригинальной логике. Он выделял нерешенные проблемы общей психологии, в том числе и в работах Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, и предлагал свое видение проблемы и ее решение, обещавшее прорыв в теории психологии. Это привлекало к нему многих студентов. Лекции А.Н. Леонтьева в основном отражали его работу над какими-то научными проблемами, над тем, что его интересовало в последнее время. Некоторые темы он освещал совсем кратко, а некоторые вообще пропускал, говоря: «Про это много написано и здесь нет больших проблем для понимания».

Читал он в той же манере, как и писал, — многое оставалось в подтексте, что и создавало проблемы в понимании и лекций и текстов. У слушателей и читателей возникали две крайности: либо иллюзия полного понимания, либо осознание полного непонимания того, что он говорил или писал. Однажды при мне профессор из другого вуза уверенно заявил, что все написанное Леонтьевым — чушь, нет ничего конкретного, используются странные понятия, противоречащие здравому смыслу (т.е. житейскому сознанию), и заумная логика рассуждений.

На своем собственном примере я однажды убедился, что до полного понимания идей А.Н. Леонтьева было еще далеко. Я написал статью о принципе рефлекторности в исследованиях поведения животных и попросил А.Н. оценить мое сочинение. В целом он отнесся к статье позитивно, но сделал ряд замечаний и одно пожелание. Я писал, что нельзя построить теорию поведения на основе разных принципов (рефлекс, инстинкт, навык, интеллект) и надо искать общий принцип объяснения поведения. На полях статьи А.Н. написал: «Вот здесь надо вводить понятие деятельности». Я тогда не понял, зачем надо вводить понятие деятельности, потому что в моем сознании понятия поведения и деятельности были синонимами, и даже сейчас можно встретить их употребление как равнозначных. Но это непонимание заставило меня положить статью в стол, где она лежит и сегодня. То есть слова А.Н. я знал, а следствий из его идей не понимал. Теперь, как мне кажется, понимаю. Но остался вопрос: почему А.Н. никогда не разъяснял свою позицию? А может, он разъяснял, но мы этого не понимали. И может, поэтому он никогда никого не критиковал публично за непонимание его идей. На докладе одного из наших коллег я сидел рядом с А.Н., и он неожиданно наклонился ко мне и язвительно сказал о докладчике: «Ну теоретик». После таких слов я ожидал жесткой критики докладчика со стороны А.Н., но он после доклада, подводя итоги обсуждения, сказал только, что обсуждаемая проблема сложная и требует большой теоретической работы.

Возвращаясь к понятию «деятельность», хочу привлечь внимание к тому, что А.Н. постоянно пытался внедрить его в психологию. Он не принимал понятие «поведение» в том значении, как оно сложилось в бихевиоризме и рефлексологии, но принимал его как житейское понятие, как обозначение факта наблюдаемой внешней активности живых существ — в том смысле, как мы говорим о наблюдаемом факте движения Солнца и Луны по небосклону. Деятельность была для А.Н. научным понятием, которое необходимо вводить в психологию для адекватного понимания поведения. Если поведение есть физическая картина внешней активности живого существа, то деятельность является решением приспособительных, адаптивных,

или созидательных задач живого существа, представленных в его актуализированных потребностях или в принятых человеком требованиях общества.

Вторым научным достижением А.Н. можно назвать новое понимание мотива деятельности. Не отвергая факт наличия у человека желаний и стремлений как житейских понятий, он ввел понятие мотива как предмета потребности, как того, что удовлетворяет потребность и ради чего осуществляется деятельность. Поэтому деятельностью для Леонтьева была не любая активность человека, а только такая, в которой предмет активности (то, на что она направлена) совпадал с предметом потребности, т.е. с мотивом. Мотив как предмет потребности вводился в качестве научного теоретического понятия, обобщения всего того, что может удовлетворять потребность, и поэтому мотив нельзя понимать как некий объект, в котором нуждается человек. Физический объект (в том числе предмет человеческой культуры) или осознанное желание (цель) могут приобретать для субъекта активности ситуативный временный смысл предмета потребности и тем самым временно исполнять функции мотива. Поэтому в качестве предмета потребности могут выступать несколько объектов, приобретающих временно смысл предмета потребности в конкретных условиях жизни живого существа (например, пищевые объекты), а один и тот же объект может одновременно иметь смысл предмета нескольких потребностей (например, покупаемая одежда отвечает одновременно нескольким потребностям человека — потребности в престиже, эстетической потребности и др.).

Введение понятия мотива как предмета потребности позволяет психологии уйти от постулата непосредственности и при исследовании мотивации деятельности. Вопреки распространенному мнению, мотив, как бы он ни понимался, сам по себе не может инициировать нужное поведение, а понимание мотива как предмета потребности, как того, ради чего осуществляется деятельность, в принципе исключает способность мотива прямо и непосредственно побуждать деятельность. Побуждение к деятельности, а точнее, к действиям, через которые реализуется деятельность, создается как результат особого процесса, начинающегося с актуализации потребности и предполагающего перенос побудительности на объект, приобретший смысл предмета потребности.

А.Н. Леонтьев специально обращал внимание исследователей на то, что цели действий сами по себе не могут побуждать действие, а это означает, что должен быть особый процесс построения побуждения к действию. Роль мотива заключается в запуске этого процесса, первым звеном которого является временный перенос побудительности мотива на цель действия, временно приобретающего смысл целой деятельности (а цель — смысл мотива). Смысл цели и

действия становится тем психологическим механизмом, который временно переносит побуждательность мотива на цель действия. Далее процесс построения побуждения к действию разворачивается как оценка наличия средств действия, владения субъекта навыками их использования, как оценка вероятности успеха и последствий действия для себя и других, как учет своего функционального и эмоционального состояния, как оценка и учет энергетической и временной цены действия, как учет прогноза изменений ситуации и т.д. И только в простой и привычной для субъекта ситуации этот процесс построения побуждения к действию может свернуться и создать иллюзию побуждения действия непосредственно мотивом (подробнее об этом см. в книге: *Иванников В.А. Основы психологии: Курс лекций.* СПб., 2010).

Дело историков психологии установить, кто первым сформулировал идею о развитии психики в деятельности. Я хочу обратить внимание читателей на то, что в работах А.Н. Леонтьева эта идея была центральной. В концепции А.Н. о развитии психики деятельность не только ставит перед субъектом задачу развития психических процессов, обслуживающих психику, но и создает возможности их развития. По мнению А.Н., деятельность первично управляется условиями среды, которым она вынуждена подчиняться. Но завершенная деятельность всегда порождает три результата: во-первых, продукт (предмет потребности), ради которого она и совершалась; во-вторых, образ действий и предметных условий, в которых деятельность разворачивалась; а в-третьих, последствия деятельности и отдельных действий для самого ее субъекта и других людей.

Созданный субъектом продукт используется им в такой же деятельности в следующий раз как образец для такого же продукта и тем самым развивает умение человека, что в свою очередь позволяет производить более совершенный продукт и более совершенный образ продукта, условий деятельности и отдельных действий. Порождение новых видов деятельности в жизни человека расширяет каталог умений и знаний, открывающих для него новые возможности. Последствия деятельности не только позволяют оценить степень ее успешности, но и ставят перед субъектом задачу нравственной оценки своих действий. Решение этой задачи позволяет человеку стать личностью, управляющей своей деятельностью на основе отношений к другим людям.

На своих лекциях А.Н. неоднократно говорил, что задача нашей психологии заключается в развитии идей Л.С. Выготского, которого он считал настоящим марксистским психологом. При этом он говорил, что у любой теории есть два варианта будущего: либо ее сдают в неизменном виде в архив науки, либо от нее отталкиваются и идут дальше. Я неоднократно слышал от самого А.Н. Леонтьева, что созда-

ваемую им теорию деятельности он воспринимал как работу по развитию культурно-исторического подхода Л.С. Выготского. Занимаясь в последние годы в основном теоретическими и методологическими проблемами психологии, А.Н. очень поощрял экспериментальные и прикладные исследования сотрудников, аспирантов и студентов факультета.

Мое знакомство с А.Н. как руководителем отделения, а затем и факультета произошло благодаря моей работе в Совете научного студенческого общества (НСО), которое мы (студенты) практически воссоздали в 1964 г. А.Р. Лурия в это время передал свои обязанности куратора НСО своей ученице Л.С. Цветковой, а нам удалось собрать хорошую команду. А.Н. Леонтьев поддерживал все наши инициативы, подчеркивая роль НСО в профессиональном становлении студентов как профессиональных психологов. Он всегда присутствовал на наших ежегодных отчетах НСО, он поддержал идею первой межвузовской научной конференции студентов-психологов, инициировал создание студенческой секции в составе общества психологов СССР, поддержал идею летних психологических школ и неоднократно принимал в них участие как ведущий профессор школы.

Сейчас руководитель организации понимается как менеджер. Но А.Н. не был менеджером. Он был прежде всего лидером коллектива и научным руководителем факультета. Он редко вмешивался в текущие дела и, видимо, плохо понимал эту сторону жизни факультета. Помню один эпизод, невольным участником которого я стал. Третий съезд Общества психологов СССР проходил в г. Киеве в 1968 г., и факультет должен был отправить на съезд какие-то материалы. Я в то время был аспирантом и случайно зашел на факультет. В коридоре первого этажа я встретил А.Н., который радостно сказал: «Хорошо, что вы здесь. Займитесь отправкой материалов на съезд». Я никакого отношения к этому не имел и не знал, о каких материалах шла речь. Пришлось искать человека, знающего об этих материалах, и руководителя хозяйственного отдела, чтобы передать ему это поручение А.Н.

Мало вмешивался он и в организацию учебного процесса со студентами. Когда я стал его заместителем по учебной работе, он мне сказал, что это мой участок работы и я должен его самостоятельно вести. И пожаловался, что моя предшественница Ю.В. Котелова слишком часто отвлекала его на разные случаи со студентами. Я уже был к этому готов, так как годом раньше у нас было создано отделение факультета повышения квалификации для преподавателей психологии разных вузов страны, и А.Н. назначил меня ответственным за это отделение, сказав: «Я вам помогать не буду. Решайте все сами».

Свою задачу в организации учебного процесса Леонтьев видел в подборе лекторов, способных обеспечить высокое качество лекций. При нем на факультете читали лекции А.В. Запорожец и Д.Б. Элько-

нин, В.В. Давыдов и Ф.Д. Горбов, лекции по методологии — М.К. Мамардашвили. Своей главной задачей он считал организацию науки на факультете. Он поддержал идею развития хоздоговоров, в работе которых принимали участие преподаватели, аспиранты и студенты. При этом он постоянно призывал всех думать о теории психологии, о том, чтобы она развивалась «не в куст, а в ствол». Этой цели служили и методологические семинары, которые он много лет вел на факультете.

Алексей Николаевич очень ценил людей, способных самостоятельно мыслить и работать. При этом меня удивляла его готовность полностью передавать другим важные дела, за которые он лично отвечал. Когда я стал зам. декана, то он вскоре попросил меня самостоятельно подписывать все приказы по студентам, а через какое-то время, когда я зашел к нему за подписью на кадровые приказы, он сказал: «Вы их готовите, вы и подписываете». Я удивленно ответил, что это незаконно, на что А.Н. еще раз сказал: «Подписывайте. Все равно за все я отвечаю». Потом такая практика позволила факультету почти без проблем пережить длительную болезнь А.Н.

Благодаря Алексею Николаевичу на факультете была удивительно доброжелательная и рабочая атмосфера. Не было склок, анонимок, научных и житейских конфликтов. Эту атмосферу отмечали все члены комиссий (а они все были с других факультетов) на вступительных экзаменах. И была атмосфера научного поиска, научного праздника. И это ощущение осталось в нашей памяти.

На праздновании 40-летия нашего факультета в 2006 г. кто-то из коллег из Санкт-Петербургского университета отметил: «Мы на праздниках говорим о наших успехах и планах, а вы все время вспоминаете прошлое». Да, нам есть что вспомнить. И мы жалеем, что ушли наши учителя, первым из которых был Алексей Николаевич Леонтьев.

Л. В. Бороздина

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ХАРАКТЕРА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Цель статьи — представление концепции личности и характера, построенной на основе теории деятельности А.Н. Леонтьева. Во вступительной части работы приведена краткая история характерологии, анализ которой обнаруживает очевидную неопределенность в понимании предметов психологии характера и личности, их прямое (характер) или косвенное (личность) сведение к психической индивидуальности субъекта. Однако конкретное наполнение этой индивидуальности оказывается настолько широким и разнообразным, что характерология начинает терять свои ясные очертания, личность же не находит сколько-нибудь общепринятого определения. С позиции излагаемой концепции личность рассматривается как структура жизненных смыслов, характер — в качестве инструментального уровня, принимающего к исполнению жизненные смыслы индивидуума и реализующего их в человеческих поступках. Показана неидентичность двух исследуемых образований, их различия по содержанию, назначению в человеческой психике, единицам строения, общей конструкции и генезису. На материале этнической психологии даны примеры реализации единого для разных народов смыслового образования с помощью неодинаковых характерологических приемов и, напротив, обслуживание одним поступком или их стереотипом нескольких смысловых образований. В заключение обсуждаются вопросы соотношения личности и характера, а также источник их формирования.

Ключевые слова: личность, характер, личностный смысл, жизненный смысл, смысловое образование, поступок, этническая психология.

The aim of the article is to introduce the concept of personality and character which is based on the activity theory approach by A.N. Leontiev. The introductory part of the work gives a short history of characterology whose analysis reveals apparent uncertainty in understanding the subject matters of character psychology and personality psychology. They are directly (character) or indirectly (personality) confined to a person's psychic individuality. However, the specific content of this individuality appears to be so broad and various that characterology starts losing its clear contours while personality does not find any generally accepted definition. In the framework of the developed concept, personality is regarded as a structure of life meanings while character is seen as an instrumental level which

accepts life meanings for performance and implements them in human actions. Nonidentity of the two studied formations is shown: they are different in terms of content, function in human psychics, units of structure, general construction and genesis. Some examples are given based on the data of ethnic psychology. They show how a sense formation which is the same for different nations is realized through unequal characterological techniques. On the other hand, a few sense formations can be expressed by a single action or stereotype. In conclusion problems of correlation between personality and character and the source of their generation are discussed.

Key words: personality, character, personalized meaning, life meaning, sense formation, action, ethnic psychology.

Краткий очерк истории характерологии

Понятие «характер», как не однажды упоминалось, впервые появляется в языке древних греков (Roback, 1928; Стратоновский, 1974; Бороздина, 1997, 2004, 2012), образуясь от глагола «*χαρασσω*», передающего обширный комплекс ремесленных действий. Одним из значений слова становится «оттиск, штамп, метка». В этом качестве концепт довольно рано начал применяться к человеку, у которого уникальной меткой, отличающей его от других людей, выступало лицо (Геродот, V в. до н.э. — см.: Бороздина, 1997). Позднее понятие обозначает уже не только соматические, но и психические свойства индивида, его мысли, слог, манеру устной или письменной речи. Таким образом, термин наделяется общим смыслом индивидуальных особенностей, различий и в целом **индивидуальности субъекта**.

Ясно, что подобная интерпретация делает представление о характере чрезвычайно широким. Аристотель (1984) сужает такое воззрение. Пользуясь не ремесленным «характер», а, по примеру своего учителя Платона, словом «этос» («*ἦθος*») — устойчивый нрав, Стагирит рассматривает его как констелляцию черт, созданную прижизненно, оттиснутую привычным способом действий человека и презентующую субъекта со стороны морали. Последняя задает специфику поведения индивида, с помощью которой этос может быть описан и распознан. Ученик Аристотеля Теофраст [Теофраст] (Фрейденберг, 1941; Стратоновский, 1974) последовательно реализует намеченный Стагиритом путь психогностики. В книге о характерах Теофраст впервые вводит в научный лексикон ремесленный термин в его исходном значении, и, озаглавливая труд «*Ἠθικοί χαρακτήρες*» (буквально «Этические характеры» — Аверинцев, 1971; Лосев, 1975; Ярошевский, 1976, т.е. «Поведенческие стереотипы, штампы, шаблоны» и т.п. — Бороздина, 1997), автор приводит в ней целую галерею различных стилистических клише, выделяя их по доминирующей черте: лести, тщеславию, трусости (30 этюдов) — и

показывая, как данное свойство выражается в манере поведения, ибо каждому качеству релевантен свой стандарт поступков¹. Феофраст изображает типовые характеры; его ученик, известный античный комедиограф Менандр, применяя прием Феофраста, рисует уже индивидуальные нравы.

В истории психологии новый всплеск интереса к анализу характера возникает в XVI в., когда рукописи Феофраста попадают в Западную Европу и печатаются на греческом и латинском языках. В XVII столетии сначала в Англии (Hall, [1608] 1969), потом во Франции у моралистов (Лабрюйер, [1688] 2011) появляются подражания Феофрасту (Бороздина, 1997). Наряду с увлечением феноменологией характера ставится проблема его истоков и генезиса, далее интенсивно обсуждаемая французскими материалистами (Д. Дидро, К.А. Гельвеций и др. — Бороздина, 1997), чей вывод гласил: характер человека есть продукт обстоятельств его жизни, производное влияний среды. Это мнение удерживается и в XIX в.

В итоге почти 2500-летней истории изучения человеческого нрава складывается странная ситуация. Прежде всего, не происходит какого-либо продвижения в понимании предмета психологии характера. У Аристотеля главным был вопрос о том, что такое характер, и автор отвечает на него, выделяя из всей индивидуальности **этос как моральную персону субъекта**. В интервале между XVI и XIX вв. определение характера большей частью вообще не дается, а трактовка предмета расширяется **до полной психической индивидуальности**. Признается, что характер созидаем — с ним не рождаются, он становится. Но если у Аристотеля человек и был самосозидателем, то у французских материалистов характер образуют жизненные условия, в результате чего субъект лишается значительной доли своей свободы по самосозиданию, а у Р. Оуэна (1865) теряет ее полностью, поскольку индивид мыслится в принципе не способным творить себя, оказываясь «пассивной смесью» в руках предшествующих поколений.

Вместе с тем к середине XIX—началу XX в. исследование характера становится модным. Предлагается даже учредить особую науку о нем — этологию (Дж. Ст. Милль, [1843] 1914), отделив ее от общей психологии. Позднее нечто подобное осуществляется усилиями главным образом русского психиатра А.Ф. Лазурского (1908), стремившегося построить характерологию в форме индивидуальной психологии. Предмет этой науки — полный психический облик субъекта; метод — эмпирический и экспериментальный, насколько, по

¹ «Традиционная» дофилософская этика Греции сводилась к набору поведенческих предписаний для мужчин и женщин, взрослых и юношей, знатных и простолюдинов. Этот свод регламентировал поведение на войне и в мирной жизни, в общении со старшими, младшими, иностранцами и т.д. (Стратоновский, 1974).

словам автора, это возможно в психологии личности; цель — анализ человеческой разновидности для построения типологии.

На переломе XIX и XX столетий возникают три специальных подхода к изучению характера — конституциональный (Э. Кречмер, У. Шелдон), психоаналитический (З. Фрейд и др.), идеологический (Э. Шпрангер, А. Робэк). В рамках всех подходов толкование характера остается прежним — как психической индивидуальности. В конституциональном подходе делается попытка уточнить представления об истоках характера и возможности его диагностики по соматическому типу; в психоаналитическом присутствует вопрос о специфических детерминантах характера и дается собственная разработка его развития в виде последовательного прохождения индивидом психосексуальных стадий; в идеологическом подходе поднимается проблема действия духовных ценностей на образование характера.

В зарубежной психологии, начиная с Г. Олпорта (Allport, 1937), категория «характер» постепенно изымается из научного языка как не имеющая самостоятельного содержания. Согласно Г. Олпорту, наибольшим завоеванием психологии XX в. служит открытие личности, а ее наиважнейший атрибут — индивидуальность. Характер же — это личность в ее оценке, личность — это некий «сырой» характер, вне оценки. По замечанию современных немецких авторов (Arnold, 1972), американцы произвели замену понятия «характер» на «личность», никак не меняя его смысла, и это верно. Но результатом послужило то, что в большинстве стран мира тема характера утратила свой автономный статус, а соответствующая категория либо прямо отождествляется с термином «личность», что делается чаще всего, либо считается анахронизмом, исключая ее употребление в качестве психоаналитического клише — «анализ характера», «черта характера».

К сожалению, характер весьма рано начали идентифицировать с личностью — примерно с XVIII в., что в последующие два столетия становится повсеместным: в США — М. Селигман (Seligman, 2002) и др.; в Англии — Р. Оуэн (1865), Г. Модсли (1871), А. Бэн (1866) и др.; во Франции — Т. Рибо (1886), Ф. Полан (1896), Л. Корман (Corman, 1932) и мн. др.; в Германии при образовании во второй половине XIX в. «немецкой характерологии» это словосочетание означало специальное направление философского толка, посвященное изучению человеческой личности.

В отечественной психологии наличествуют так называемые широкая и более узкая интерпретации характера. Первая сводит его к индивидуальному психическому складу (Левитов, 1969), согласно второй, характер содержит две составляющие. Одна из них — *направленность*, существующая в виде отношения субъекта к длинному ряду

различных объектов, первоначально составленному А.Ф. Лазурским в соавторстве с философом С.Ф. Франком (1912) и наиболее точно, хотя и усеченно, воспроизводимому впоследствии Б.Г. Ананьевым (1947). Это отношение к обществу, общественным идеям, труду, природе, людям, к себе и т.д. Другой составляющей служит *способ действия* индивида, обычно заменяемый на волю (Ковалев, Мясичев, 1957; Левитов, 1969; и др.). Такое представление, сформированное в первой половине XX в., еще удерживается в отдельных текстах, но не является сколько-нибудь серьезно востребованным.

Обращение к истории характерологии вскрывает два существенных факта. Прежде всего, крайнюю неопределенность трактовки предмета изучения, несмотря на монотонную апелляцию к психической индивидуальности. Вопрос разногласий — конкретное наполнение этой индивидуальности. Аристотель не вводил в этос ум, ибо он врожден человеку, за него не порицают и не хвалят, а также аффективные процессы, вследствие которых субъект утрачивает контроль над собой. Но практически уже в одно время со Стагиритом (384—322 до н.э.) Феофраст в сборник скетчей о нравах, датируемый 318—317 гг. до н.э., включает описание недостатка ума в перечень черт, детерминирующих определенный тип характера (Феофраст, 1974. XIV. Тупоумие). Позднее одни авторы рассматривают не только мышление, но и сознание в качестве наиважнейшего фактора образования характера, переменной, чье влияние именуется *«личным воздействием»*, благодаря которому и формируется собственно характер, в отличие от темперамента и прочих наследственно обусловленных свойств (Фуллье, 1896). Другие исследователи полностью отрицают какое-либо действие сознания на построение человеческого нрава, целиком помещая его в область бессознательного (Рибо, 1886). Представители английской школы закладывают в основу этоса чувства и пытаются конструировать весь характер из них (Shand, 1914). В Германии характер приравнивают к воле, во Франции он создается из различных стремлений (Полан, 1896), строится по законам ассоциаций (Малапер, 1913) или с использованием трех *«элементов характера»* А. Бэна (1866) — *«ума, чувств, воли»* и т.п. В результате возникает такая разноголосица суждений о непосредственном наполнении людского нрава как индивидуального психического склада, что он начинает терять четкие контуры.

Что касается второго, уже упоминавшегося факта — сведения характера к психической индивидуальности, — то здесь мы сталкиваемся с прямым редукционизмом, когда одно явление переносится на другое, и если следовать такой логике, неизбежно проступает странная последовательность: характер = личность = индивидуальность. Не требуется особой проницательности для выделения главной части ряда — это его последний компонент. Ни характер,

ни личность при подобной интерпретации не имеют собственного значения без индивидуальности, потому что она и составляет их суть. Но это грубое искажение действительности. Людской нрав обладает качеством уникальности, но он не есть сама уникальность, поэтому редукция характера, а далее личности к психической индивидуальности человека — не более чем подчеркивание широко известного их разнообразия и единичной неповторимости. Однако дело в том, что свойство индивидуальной вариативности касается не только полной психической структуры субъекта, но и ее отдельных компонентов — от элементарной сенсорики до выбора жизненных ценностей. Это непреложный факт, объективно фиксируемый, например, при измерении порогов чувствительности. Индивидуальное своеобразие — качество номотетическое, закономерность общего действия, и только оно неадекватно для выражения сущности феноменов характера или личности, столь же интериндивидуальных, как и составляющие их психические функции и процессы, а потому указанное свойство, пронизывающее всю психику, как и телесность, не в состоянии быть сколько-нибудь строго выделенным предметом ни характерологии, ни науки о личности. Здесь необходимо ясное понимание содержания названных феноменов, их места и назначения в человеческой психике.

О предмете психологии личности и характера

В отечественной психологии с конца 70-х гг. XX в. все более упрощается воззрение на личность как на структуру мотивационно-смысловых образований, или *структуру личностных смыслов* (Асмолов и др., 1979). При всей продуктивности вводимого и разрабатываемого подхода определение личности кажется слишком широким, ибо заимствованное из теории деятельности понятие «личностный смысл» в авторской редакции составляет «значение для себя» (Леонтьев, 1975, с. 145). В действительности личность человека — это структура не просто личностных, а «жизненных смыслов» (Бороздина, 1989, 2002, 2004, 2012), т.е. таких, которые не только значимы для индивидуума, но которые детерминируют, программируют и реально строят его линию жизни. Комплекс жизненных смыслов несет в себе то, ради чего существует данный субъект, на что он тратит свою жизнь, что включает ее центральное содержание.

Единицей анализа личности, т.е. анализа на данном уровне человеческой психики, служит единичный смысл, все они образуют иерархическую конструкцию, где жизненные смыслы занимают наиболее высокие позиции, дифференцируясь по степени накала этого «значения для себя». Изложенное представление не подразумевает, однако, какого-то аксиологического подтекста, привносимого по критерию социальной валентности отдельных смыслов, в результате

чего один индивид наделяется личностью, а другой — нет. Личность есть у каждого человека, не исключая делинквентов, вопрос в том, чем она наполнена, какое непосредственное содержание имеют главным образом жизненные смыслы.

Сеансы клинического интервью с испытуемыми в возрасте от 10 до 90 лет показывают, что, в отличие от просто личностных, жизненные смыслы относительно немногочисленны, но отнюдь не единичны. Уже в ранней взрослости они достаточно осознаны людьми, хотя часть смысловой структуры может оставаться в латентном состоянии. Названные смыслы способны перестраиваться в ходе жизни, меняя место в иерархии. Последнее с очевидностью обнаруживается в геронтогенезе, когда смысл продления собственного существования, самосохранения приобретает для субъекта чрезвычайную значимость, продуцируя соответствующий мотив и деятельность по самообереганию, самоподдержанию, самоукреплению, когда обследуемые начинают приписывать наивысшую ценность жизни как таковой, чего нет или почти нет у молодых взрослых (Бороздина, Молчанова, 2001). Итак, личность — это часть человеческой психики, представляющая мотивационно-смысловую структуру субъекта, и прежде всего его **жизненные смыслы**.

Разумеется, любой единичный смысл можно реализовать по-разному. Способ их воплощения презентрует иной слой психики человека — его характер в качестве уровня, принимающего к исполнению жизненные смыслы, поэтому для него релевантен вопрос: не «что, ради чего?», а «как, каким образом?» Единицей анализа на уровне характера служит **поступок**. В теории деятельности А.Н. Леонтьева, на которой базируется концепция, развиваемая автором данной статьи, такого элемента нет, и А.Н. Леонтьев нечасто пользуется им в текстах. В предлагаемой концепции под поступком понимается вид действия, обеспечивающего локомоцию индивидуума в особой области его жизненного пространства — области субъект-субъектных отношений. Объектом здесь выступает не предмет, а иное лицо. Поступок — это действие, в котором человек обращается к другому или с другим, либо действие, адресованное другому и способное иметь социальный резонанс. Кристаллизация системы поступков, их организация в устойчивую поведенческую схему, обретение индивидуального стандарта таких актов и являет собой отработку характера. Это поведенческий шаблон, стилистическая особенность, представляющая стабильный, свойственный конкретному человеку модус деяний.

Принцип строения здесь отличен от предыдущего. На уровне личности постулируется иерархия смыслов, в слое характера логично предположить центризм. Если весь репертуар поступков субъекта расположить на концентрических окружностях по критерию боль-

шей близости к центру в зависимости от частоты использования, то характер будет складываться из тех действий, которые чаще всего применяются, становясь привычкой, второй натурой человека, поэтому шаблон поступков войдет в ближний сектор концентриа, занимая примыкающие к нему окружности. В слое характера первостепенна не высота, т.е. амплитуда индивидуальной значимости жизненного смысла, как в личности, а привычность, доступность того или иного акта в форме техники исполнения. Это образование, имеющее статус устойчивого гештальта приемов, позволяющее субъекту осуществлять свою жизненную линию, не задумываясь в силу автоматизации привычки о том, как это делать (Adler, 1927).

Нетождественность личности и характера

Два образования человеческой психики — личность и характер — явно не идентичны и являются таковыми прежде всего по определению мотивов и целей в теории деятельности А.Н. Леонтьева (1975), на которой базируется вся система приведенных положений. Сопровождаясь смыслами, мотивы порождают деятельность, цели — действия. Личность — это ценностно-смысловая структура субъекта, характер — целевая, слой создания или выбора целей человеком. Как видим, по своему содержанию и функции рассматриваемые образования различны, что в контексте настоящего обсуждения достаточно аксиоматично. Однако это различие прямо подкрепляется фактическим материалом при использовании приема, с помощью которого А.Н. Леонтьев разводил феномены действия и деятельности. Автор пишет: «Одно и то же действие может осуществлять разные деятельности, может переходить из одной деятельности в другую, обнаруживая таким образом свою относительную самостоятельность... Очевидно и обратное, а именно, что один и тот же мотив может конкретизоваться в разных целях и соответственно породить разные действия» (Леонтьев, 1975, с. 105).

В свете приведенных рассуждений необходимо проанализировать отдельные жизненные примеры, а также, и главное, данные этнической психологии.

Что касается первых, то поступок вроде острого спора одного человека с другим или другими способен служить реализацией смысла защиты себя, своего достоинства, семьи, близких, имущества и т.д. — словом, всего того, что в языке У. Джемса (1991) входит в понятие «мое» или «Я» (эмпирическое), — т.е. применительно к данному контексту в смысловую структуру «Я». Однако аналогичным поступком — участием в ожесточенной полемике — человек способен отстаивать справедливость как часть смыслового содержания его личной нравственности, даже если справедливость нарушается по отношению не к нему, а к иному лицу или лицам. Это отстаивание

принципов субъектом как моральной персоной. Итак, один и тот же поступок может воплощать разные смыслы индивидуума, а один и тот же смысл, например свободолюбия, — осуществляться за счет неждественных действий, что наблюдается в различных культурах.

Столь значимый жизненный смысл, как любовь и стремление к свободе, типичный для многих народов мира, всегда входил неизбежной ценностью в интегральную личность древних греков. В своем воплощении свободолюбие получило совершенно определенное отражение в каноне полисной морали, т.е. в требованиях к гражданину города-государства, первыми из которых были храбрость, стойкость, отвага. Особенно ярко это проявилось в античной Спарте, где наиболее почитаемыми считались сила духа (наряду с физической), бесстрашие, доблесть, готовность человека защитить независимость своего полиса и собственную свободу, не щадя жизни (Боннар, 1958; Бороздина, 1997).

В смысловой структуре представителей современной Греции, вопреки осознанию того, что они не в состоянии возродить лучезарную «Великую Грецию», вопреки их «комплексу неполноценности» даже по отношению к византийским грекам, свободолюбие служит одним из высокоценных смысловых образований нации и отдельных людей. По описанию И.В. Зиньковской (2005, с. 83) греки «смогли пройти через 400-летнее турецкое завоевание² — одно из самых жестоких в истории, сохранив практически в неприкосновенности самосознание, религию, обычаи и язык. Мимо них прошла эпоха Возрождения, их не коснулись научные открытия Просвещения, социальные и промышленные революции и многое другое». Греки были, по выражению автора, выброшены в современность примерно 150 лет назад и с тех пор стараются догнать Запад. Переход оказался болезненным, ибо народ живет в стране, потерявшей более трех четвертей территории и постоянно находящейся на грани банкротства. Но тот факт, что за 400 лет турецкого владычества греческий этнос не утратил национального самосознания, культуры, религии, обычаев и языка, является серьезнейшим доводом в пользу неприятия греками положения подчинения и их стойкого стремления к независимости. На уровне реализации этой смысловой структуры можно видеть ее полное и прямое воплощение. «Обнаруживая чрезвычайную страсть к свободе выбора, греки совершенно не восприимчивы к пониманию слов: “дисциплина”, “координация” или “система”» (там же, с. 84). Но дело здесь, разумеется, не в перцептивных или когнитивных трудностях, а в полном отказе от условных ограничений, от той или иной регламентации жизни и деятельности: «свободный человек должен

² С XV в. Греция находилась под властью Турции. Благодаря Греческой революции 1821—1829 гг. и поражению Турции в войне с Россией 1828—1829 гг. с 1830 г. Греция обрела независимость.

жить свободно!» По словам Зиньковской (2005, с. 85), «греки путают хорошие манеры и подобострастное повиновение, которое они были вынуждены усвоить, чтобы выжить под турецким игом». Вследствие этого они убеждены, что проявление вежливости как некой цивилизованной формы предупредительного угодничества подобает рабу, но не свободному человеку. В результате стиль поведения греков отличается неприятием конвенциональных норм, тяготением к свободе без искусственных в их понимании ограничений и включает в себя элементы небрежности и необязательности в межличностных контактах. Нельзя сказать, что современные греки не знают и не признают своих недостатков, они вполне критичны, но готовы моментально «поставить на место» любого, особенно иностранца, который нелестно отзовется о Греции или усомнится в том, что «греки — соль земли» (там же, с. 83).

Англичанам также в полной мере присущи независимость и ощущение себя свободной нацией (Зиньковская, 2005), впервые отвергнувшей диктат Ватикана и вообще католицизма, впервые ограничившей абсолютную власть монарха, а помимо того — нацией, не столько входящей в народонаселение планеты, сколько стоящей над ним, потому что в своей истории Великобритания имела длительный период существования в виде крупной колониальной империи, владевшей огромными территориями вне метрополии. Современный англичанин сознает себя свободным в свободной стране и крепко держится за свою свободу. Его пристрастие к домашнему очагу служит символом личной независимости. Но если обратиться к тому, как поведенчески осуществляется это свободолобие, то мы видим высокомерие британцев и чувство превосходства, отстраненность, отражающую самодостаточность, а кроме того, и главное, особое внимание англичан к неукоснительному соблюдению их гражданских прав, оберегание последних от любого посягательства со стороны государства, каких-либо организаций внутри него или частных лиц.

Таким образом, в первом из анализируемых случаев (древние греки) свободолобие воплощается в храбрости, бесстрашии, доблести; во втором (современные греки) — в поведенческой раскованности, нередкой бестактности и быстром соскальзывании в вербальную агрессию; в третьем (англичане) — в надменности, замкнутости и своеобразной «прикованности» людей к своим гражданским правам. Можно видеть, что один и тот же жизненный смысл, т.е. единый элемент личности, имеет неодинаковую характерологическую конкретизацию в разных этносах.

Конечно, специальные исторические и этнические условия, а помимо того, частное толкование обсуждаемого смысла, будучи небезразличными для его реализации, отчасти и продуцируют отмеченные дифференциальные особенности. Древним грекам надо

было защищать свои государства, поэтому формировался в основном характер воина. Современные греки, обретя свободу, переполнены желанием пользоваться ею в полной мере. Англичане, испытывая гордость за державу, рано получившую и длительно удерживающую свой суверенитет, зорко следят за соблюдением собственных гражданских прав как гарантии личной независимости. Но какие бы оттенки значения ни принимало свободолюбие при трех описанных обстоятельствах, ядерным, корневым в этом, безусловно, жизненном смысле для народа каждой страны остается одно — свобода и независимость, что и подлежит осуществлению, сопровождающемуся, как можно было видеть, характерологической вариацией, следующей за частной смысловой задачей (защита территории и проч.) или не только за ней.

Приведенные примеры были призваны показать, что один и тот же жизненный смысл может воплощаться с помощью разных акций на уровне характера, т.е. разных поступков, формирующих черты. Но действительно и обратное: один и тот же поступок способен «служить» нескольким смысловым образованиям. Храбрость, бесстрашие древних греков реализует не только смысл свободолюбия, но и любовь к Родине, сверхценный смысл патриотизма. Деяния людей, свидетельствующие об их неустранимости, доблести, героизме, прямо касаются смысла «Я» субъекта, резко поднимая потенциал его самовосприятия и создавая отношение человека к себе как к персоне, окруженной ореолом славы. А это в свою очередь делает индивида не только само-, но и социально ценным, что в небольшом по размеру городе-государстве, которым был полис, обеспечивало субъекту определенный статус, который непосредственно задевал смысл общественной или профессиональной деятельности. Подобные примеры несложно продолжить, но важно то, что одинаковый смысл или структура имеют разное характерологическое выражение в стереотипе поступков, а один и тот же поступок обслуживает ряд смысловых структур, т.е. комплекс элементов личности.

Соотношение личности и характера.

Источник их формирования

По своему назначению и функции в психике человека личность и характер представляют собой достаточно самостоятельные структуры. Но все же ведущим в известной мере оказывается уровень личности, ибо конкретный смысл с его частным толкованием, несомненно, задает вектор поиска средств реализации, подбор способов воплощения в жизнь данной смысловой единицы или структуры.

Очевидно, что обсуждаемые образования не идентичны, но они и не разведены. Напротив, оба уровня связаны: поступок как любое действие всегда имеет цель, которая есть сколок смыслов. Такое по-

нимание не означает тем не менее, что мотив разбивается на цели, подобные его более мелким фрагментам. Определенный смысл, рождающий мотив, или мотив, сопровождающийся определенным смыслом, вызывает процесс либо целеобразования, целепостроения, т.е. создания цели, либо ее выбора, если она присутствует в поле альтернатив.

Источник формирования личности и характера один: смыслы существования человек черпает в мире людей, там же он находит и способы их исполнения. Ни с личностью, ни с характером индивид не рождается, то и другое он выбирает и усваивает в культуре социума. Но сказанное не предполагает параллельности генезиса обоих образований. Напротив, в процессе развития между ними возможны смещения. Какие-то формы поступков ребенок усваивает раньше его способности осознать и присвоить их значение. На протяжении жизненного цикла человека вероятны периоды более интенсивного построения личности или характера.

Расхожее мнение о возможности сочетания хорошей личности с плохим характером всего лишь иллюзия: высокие смыслы не реализуются в низких поступках, как и наоборот. Однако в жизни мы иногда видим более или менее заметное несоответствие обсуждаемых конструктов. Чем оно порождается? Чаще всего установкой «казаться, а не быть», когда человек создает внешний, социально одобряемый рисунок поведения и лишь в экстремальной ситуации обнаруживает свое «истинное лицо», открывая личность и/или характер. Помимо этого, отклонения первой в лучшую сторону по сравнению со вторым нередко являются результатом недостатка средств исполнения (плохо сформированных или неадекватных смыслов). Следующая причина может крыться во влиянии темперамента на характер: эмоционально неустойчивый, импульсивный человек оказывается не в состоянии последовательно выдерживать линию поведения, соответствующую его смыслам. Важны и качества интеллекта. Последний не входит в характер, как учил Аристотель, но, по его же мнению, решение о поступках принимается при прямом, непосредственном интеллектуальном участии, и это фактор, способный тормозить не только воплощение, но и возникновение смыслов.

Уместно внести уточнение о том, как соотносятся известные психические функции человека с двумя рассматриваемыми образованиями. Если к личности предъявляется вопрос «что, ради чего?», к характеру — «как?», то к прочим функциям — «чем?» Их сумму Л. Клягес (Klages, 1910) называл материалом характера, комплексом естественных дарований, прирожденным капиталом. Последний, несомненно, обладает разной мощностью, и его воздействие на оба конструкта трудно переоценить. У субъекта, избравшего музыкальную карьеру, но не избавленного от ограничений звуковысотного слуха,

рушится смысл стать серьезным профессионалом. У амбициозного человека, стремящегося к самовозвышению, но обделенного достаточной силой интеллекта, из-за неоптимальной стратегии срывается исполнение многих замыслов, возникает конфликт с социальным окружением, развивается тревожность, агрессивность, фрустрированность, что мы воочию наблюдаем при так называемой «триаде риска» (Бороздина, 2011).

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что отождествление понятий «личность» и «характер» неправомерно, поскольку это неодинаковые компоненты человеческой психики, различающиеся по своему содержанию, месту и назначению в человеческой психике, единицам анализа, строению и генезису. Исключение характера из сферы исследования делает общую структуру психики человека неполной, а идентификация личности с психической индивидуальностью столь же бесперспективна, как и ее идентификация с характером, в чем убеждает 2500-летняя история изучения характера в указанной интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С.С. «Греческая» литература и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязь литератур древнего мира / Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наука, 1971. С. 206—266. [Averincev, S.S. (1971). «Grecheskaja literatura i blizhnevostochnaja «slovesnost'». In: P.A. Grincer (otv. red.). *Tipologija i vzaimosvjaz' literatur drevnego mira* (ss. 206—266). Moskva: Nauka]

Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII—XIX веков. Л.: Госполитиздат, 1947. [Anan'ev, B.G. (1947). *Očerki istorii russkoj psihologii XVIII—XIX vekov*. Leningrad: Gospolitizdat]

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. IV. М.: Наука, 1984. С. 73—127. [Aristotel'. (1984). *Nikomahova jetika*. In: Aristotel'. Soch.: V 4 t. T. IV (ss. 73—127). Moskva: Nauka]

Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В., Петровский В.А., Субботский Е.В., Хараш А.У., Цветкова Л.С. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 35—46. [Asmolov, A.G., Bratus', B.S., Zejgarnik, B.V., Petrovskij, V.A., Subbotskij, E.V., Harash, A.U., Cvetkova, L.S. (1979). O nekotoryh perspektivah issledovanija smyslovyh obrazovanij lichnosti. *Voprosy Psihologii*, 4, 35—46]

Боннар А. Греческая цивилизация. М.: Иностранная литература, 1958. [Bonnar, A. (1958). *Grecheskaja civilizacija*. Moskva: Inostrannaja literatura]

Бороздина Л.В. Личность и характер // Активизация личности в системе общественных отношений: Тез. докл. VII Всесоюз. съезда Общества психологов СССР (Москва, август 1988 г.). М., 1989. С. 57—59. [Borozdina, L.V. (1989). Lichnost' i harakter. In: *Aktivizacija lichnosti v sisteme obshhestvennyh otnoshenij: Tez. dokl. VII Vsesojuz. s'ezda Obschestva psihologov SSSR* (Moskva, avgust 1988 g.). Moskva, 1989. S. 57—59]

Бороздина Л.В. Психология характера. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. [Borozdina, L.V. (1997). *Psihologija haraktera*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta]

Бороздина Л.В. Различие личности и характера // Ежегодник РПО «Психология и ее приложения». Т. IX. Вып. 2. М., 2002. С. 222—225. [Borozdina, L.V. (2002). *Razlichie lichnosti i haraktera*. *Ezhegodnik RPO «Psihologija i ee prilozhenija»*, IX, 2, 222—225]

Бороздина Л.В. О предмете психологии характера и личности: Учеб. пособие. М.: Проект-Ф, 2004. [Borozdina, L.V. (2004). *O predmete psihologii haraktera i lichnosti: Ucheb. posobie*. Moskva: Proekt-F]

Бороздина Л.В. Уровень притязаний: классические и современные исследования. М.: Акрополь, 2011. [Borozdina, L.V. (2011). *Uroven' pritjazanij: klassicheskie i sovremennye issledovanija*. Moskva: Akropol']

Бороздина Л.В. Проблема характера в психологии // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 36—43. [Borozdina, L.V. (2012). *Problema haraktera v psihologii*. *Voprosy Psihologii*, 1, 36—43]

Бороздина Л.В., Молчанова О.Н. Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых. М.: Проект-Ф, 2001. [Borozdina, L.V., Molchanova O.N. (2001). *Samoocenka v raznyh vozrastnyh gruppah: ot podrostkov do prestarelyh*. Moskva: Proekt-F]

Бэн А. Об изучении характера. СПб.: Изд. Заленского и Любарского, 1866. [Bjen, A. (1866). *Ob izuchenii haraktera*. Sankt-Peterburg: Izd. Zalenskogo i Ljubarskogo]

Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. [Dzhems, U. (1991). *Psihologija*. Moskva: Pedagogika]

Зиньковская И.В. Этническая психология. Воронеж: Истоки, 2005. [Zin'kovskaja, I.V. (2005). *Jetnicheskaja psihologija*. Voronezh: Istoki]

Ковалев А.Г., Мясицев В.Н. Характер. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. [Kovalev, A.G., Mjasischev, V.N. (1957). *Harakter*. Leningrad: Izd-vo LGU]

Лабрюйер Ж. Характеры [1688]. СПб.: Азбука, 2011. [Labrjujer, Zh. (2011). *Haraktery* [1688]. Sankt-Peterburg: Azbuka]

Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. СПб.: Изд. К.Л. Риккера, 1908. [Lazurskij, A.F. (1908). *Ocherk nauki o harakterah*. Sankt-Peterburg: Izd. K.L. Rikкера]

Лазурский А.Ф., Франк С.Ф. Программа исследования личности в ее отношении к среде // Русская школа. 1912. Кн. 1. С. 1—24. [Lazurskij, A.F., Frank, S.F. (1912). *Programma issledovanija lichnosti v ee otnoshenii k srede*. *Russkaja shkola*, 1, 1—24]

Левитов Н.Д. Психология характера. М.: Педагогика, 1969. [Levitov, N.D. (1969). *Psihologija haraktera*. Moskva: Pedagogika]

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. [Leont'ev, A.N. (1975). *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moskva: Politizdat]

Лосев А.Ф. История античной эстетики: В 8 т. Т. 4. М.: Наука, 1975. [Losev, A.F. (1975). *Istoriya antichnoj jestetiki*: V 8 t. T. 4. Moskva: Nauka]

Малапер П. Элементы характера и законы их сочетаний. М.: Изд. К.И. Тихомирова, 1913. [Malaper, P. (1913). *Jelementy haraktera i zakony ih sochetanij*. Moskva: Izd. K.I. Tihomirova]

Милль Дж.Ст. Система логики [1843]. М.: Изд. Г.А. Лемана, 1914. [Mill, Dzh.St. (1914). *Sistema logiki* [1843]. Moskva: Izd. G.A. Lemana]

Модсли Г. Физиология и патология души. СПб.: Изд. О. Бакста, 1871. [Modсли, G. (1871). *Fiziologija i patologija dushi*. Sankt-Peterburg: Izd. O. Baksta]

Оуэн Р. Образование человеческого характера. СПб.: Изд. Н.И. Билибина, 1865. [Ouĵen, R. (1865). *Obrazovanie chelovecheskogo haraktera*. Sankt-Peterburg: Izd. N.I. Bilibina]

Полан Ф. Психология характера. СПб.: Ф. Павленков, 1896. [Polan, F. (1896). *Psihologija haraktera*. Sankt-Peterburg: F. Pavlenkov]

Рибо Т. Болезни личности. СПб.: А.Е. Рябченко, ценз., 1886. [Ribo, T. (1886). *Bolezni lichnosti*. Sankt-Peterburg: A.E. Rjabchenko, cenz.]

Стратоновский Г.А. Феофраст и его «характеры». Л.: Наука, 1974. [Stratonovskij, G.A. (1974). *Feofrast i ego «haraktery»*. Leningrad: Nauka]

Феофраст. Характеры. Л.: Наука, 1974. [Feofrast. (1974). *Haraktery*. Leningrad: Nauka]

Фрейдбергер О.М. «Характеры» Феофраста // Уч. зап. ЛГУ. Сер. Филол. науки. 1941. № 63. Вып. 7. С. 129—164. [Frejdenberg, O.M. (1941). «Haraktery» Feofrasta. *Uchenye zapiski LGU. Ser. Filologicheskie nauki*, 63, 7, 129—164]

Фулье А. Темперамент и характер. М.: Книжное Дело, 1896. [Full'e, A. (1896). *Temperament i karakter*. Moskva: Knizhnoe Delo]

Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1976. [Jaroshevskij, M.G. (1976). *Istorija psihologii*. Moskva: Mysl']

Adler, A. (1927). *The Practice and theory of individual psychology*. New York: Harcourt, Brace & World.

Allport, G. (1937). *Personality: A Psychological Interpretation*. New York: Hole.

Arnold, W. (1972). Character. In: H. Eysenk (Ed), *Encyclopedia of Psychology* (pp. 177—180). London: Fontana Collins.

Corman, L. (1932). *Visages et caracteres*. Paris: Plon.

Hall, J. (1969). *Characters of Virtues and Vices* [1608]. London: Works, 1608. Ed. Philip Wynter. Volume VI. New York: reprinted by AMS Press, 1969. 89—125.

Klages, L. (1910). *Prinzipien der Charakterkunde*. Bonn: Bouvier.

Seligman, M.I.P. (2002). *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. New York: Free Press.

Shand, A.F. (1914). *Foundations of character*. London: Macmillan.

Roback, A.A. (1928). *Psychology of character*. London; New York: Harcourt Brace & Company.

А. Н. Ромашук

ТЕОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА И ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ ДВУХФАКТОРНОГО ПОДХОДА К ДЕТЕРМИНАЦИИ ПСИХИКИ

В статье проводится рассмотрение теории деятельности А.Н. Леонтьева сквозь призму породившей ее научной проблемы, которую часто описывают как необходимость выхода за рамки «словоцентризма» Л.С. Выготского. Но есть аргументы в пользу того, что решаемая теорией деятельности проблема была поставлена именно Выготским, и она же обусловила многократное изменение им собственной теории, в частности переход в конце жизни от теории высших и натуральных психических функций к теории системного строения сознания и межфункциональных связей. Решаемая Выготским проблема формулировалась им как необходимость преодоления двухфакторного подхода к детерминации психики, что для культурно-исторической концепции означало переход от социальной к собственно психической детерминации. Данная проблема была воспринята харьковской школой, а различие между теорией деятельности и теорией Выготского состояло лишь в предлагаемых способах ее решения. Если Выготский в качестве единицы психики предлагал рассматривать переживание, то харьковчане в качестве посредника, преломляющего влияние на психику как социального, так и физиологического факторов, предлагали понятие деятельности. Понимание подлинной проблемы, для разрешения которой создавалась теория деятельности Леонтьева, влияет на понимание значения как основных положений теории деятельности, так и выполненных в ее русле исследований. Из анализа некоторых таких исследований выводится и подчеркивается такая характеристика деятельности, как целостность.

Ключевые слова: теория деятельности А.Н. Леонтьева, культурно-историческая психология Л.С. Выготского, социальная детерминация, психическая детерминация, единица психики, целостность деятельности.

It is commonly accepted that the theory of activity by A.N. Leontiev was the attempt to overcome so called "word-centrism" developed by L.S. Vygotsky. At the same time there are some arguments, that theory of activity was developed to solve the problem, which had been formulated by Vygotsky. He tried to overcome double-factorial determination of psychic, i.e. to go from social to psychological

Ромашук Александр Николаевич — канд. психол. наук, ассистент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ofitsran@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-06-00437а).

determination. To solve the problem Vygotsky modified his own theory and changed the main concept from high mental function to system structure of conciseness and interfunctional interactions. Vygotsky suggested emotional experience as the unit of psychic. Group of psychologists worked in Kharkov tried to solve this problem in another way. They supposed that activity mediates as social, as physiological factors. This decision was more materialistic from their point of view. Revealing the real basic theoretical problem of theory of activity is important for understanding its main statements and experimental results. Analysis of investigations, conducted by the adepts of the theory of activity, leads to understanding of holistic nature of activity.

Key words: theory of activity by A.N. Leontiev, cultural-historical theory by L.S. Vygotsky, social determination, psychological determination, unit of psychic, holistic nature of activity.

Введение: теория деятельности А.Н. Леонтьева сквозь призму породившей ее научной проблемы

Научная теория является фиксацией средств и результатов решения определенной научной задачи (проблемы). Поэтому для полноценного анализа научной теории необходимо учитывать ту проблему, для разрешения которой эта теория создавалась. Без понимания этой проблемы возникают примерно такие же трудности понимания теории, какие возникают при попытке анализа способов и результатов решения обыденной задачи в ситуации, когда сама задача остается неизвестной.

Относительно теории деятельности А.Н. Леонтьева данный «принцип проблемности» хоть и используется, но противоречиво. В качестве исходной проблемы часто называют (см., напр.: Леонтьев А.А., 2001) противопоставление «словоцентризму» Л.С. Выготского «делоцентризм» харьковской школы (XIII). В нашей статье будет разрабатываться несколько парадоксальная по отношению к культурно-исторической традиции в психологии мысль: и Выготский и харьковчане искали способ выйти за рамки положения о социальной детерминации психики человека, чтобы разработать принцип психической детерминации. В общей форме проблема ставилась как необходимость преодоления двухфакторного подхода, но поскольку один из факторов (физиологический) изначально для культурно-исторического и деятельностного подходов в психологии был малозначим, то преодоление двухфакторности свелось к преодолению положения о детерминации психики вторым фактором — социальным.

М.Г. Ярошевский, для которого исследование развития принципа детерминизма в психологии было одной из центральных тем творчества, писал: «Разработка особой формы причинности — пси-

хической, в качестве отличной от физикалистской, биологической и социальной, определила историологический вклад Выготского» (Ярошевский, 1993, с. 287). При этом Ярошевский подчеркивал, что Выготский не только активно противостоял разным идеалистическим (теории творческой эволюции, жизненного порыва и т.п.), но и тем квазимарксистским психологическим подходам, которые в качестве главной движущей силы психического развития рассматривали окружающую социальную среду (там же, с. 263). Проблема ухода от социального детерминизма задала и возникновение деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, поскольку XIII напрямую восприняла эту проблему от Выготского как центральную. Расхождение между Выготским и XIII произошло не в постановке проблемы, а в предлагаемых вариантах ее решения: тогда как Выготский предлагал для ее разрешения понятие «переживание», в XIII в качестве альтернативы разрабатывалось понятие «деятельность».

Основная цель данной статьи — анализ проблемы, для решения которой изначально предназначалась теория А.Н. Леонтьева, а также выявление значения этой проблемы для адекватной интерпретации основных положений, результатов исследований и хода развития теории деятельности.

Л.С. Выготский: многократное изменение теории с целью решить проблему двухфакторности

Как известно, за короткий период собственно научной работы в психологии Выготский успел последовательно создать несколько принципиально разных теорий (см., напр., Ярошевский, 1993). Последним его шагом считается переход от концепции опосредствования высших психических функций словом к концепции системного строения сознания. Смерть застала его на этапе еще одного перехода — к концепции переживания как единицы развития психики. Работой, в которой концепция опосредствования одновременно и непротиворечиво сосуществует с концепцией изменения межфункциональных связей, является книга «Этюды по истории поведения» (Выготский, Лурия, 1993). В ней разница между «примитивом» и культурным человеком, между младенцем и более старшим ребенком описывается двусторонне — и с точки зрения ведущей роли натуральных и высших психических функций, и с точки зрения превалирования тех или иных функций в системных взаимосвязях (у первых членов пар — восприятия или памяти, у вторых — мышления и речи).

Наиболее четко свою системную концепцию Выготский выразил в книге «Мышление и речь». В ней не случайно из всех психических функций выбрано взаимодействие мышления и речи, поскольку именно в возникновении речевого мышления Выготский начал

видеть суть культурного развития психики. Соответственно речь приобретает функцию мышления, а мышление становится опосредствованным словом и само развитие рассматривается через развитие значения (как единицы речевого мышления). Характерно, что в книге лишь в нескольких местах встречается понятие «высшая психическая функция», а прямое использование методики двойной стимуляции не сопровождается «параллелограммом развития» (в данном случае комплексного мышления). Отсутствие параллелограмма — одного из символов исследований в рамках концепции опосредствования словом (см., напр., Леонтьев, 2003а) — объясняется тем, что в концепции системного строения сознания опосредствованности натуральных функций внешним средством нет. Врачивается тут уже не слово, а эгоцентрическая речь как этап развития значения и приобретения речью мыслительных функций планирования и регулирования. С другой стороны, форма параллелограмма развития применяется в «Мышлении и речи» (Выготский, 1999) при интерпретации результатов исследования развития научных и житейских понятий, проведенного Ж.И. Шиф. Но данный параллелограмм опять же не включает в себе опосредствованность внешним средством и его интериоризацию, а две линии развития олицетворяют взаимодействие (не опосредствование!) формы научного и содержания житейского понятий. Слово как внешнее средство относится к обоим типам понятия, и они оба формируются извне: житейское — в практической жизни, а научное — в школьном обучении. Симптоматично также, что в этом исследовании методика двойной стимуляции не применялась (см. там же).

Концепцию Выготского о системном строении сознания подхватил, развил и в определенной мере ею ограничился А.Р. Лурия, о чем много в последнее время пишет его ученица Т.В. Ахутина (2007, 2012). В теории Лурия этот аспект воплотился в принципе системного строения высших психических функций. Показательно, что в рамках проекта «романтической науки» (идиографического описания) Лурия выбрал для исследования людей, прямо противоположных по системному взаимодействию функций: у Шерешевского наиболее развитой оказалась эйдетическая память (согласно «Этюдам по истории поведения», она характерна для «примитива»), и эта функция подчинила всю его личность; а у Засецкого, наоборот, сильная личность смогла минимизировать непоправимый урон для восприятия, памяти и внимания (и как следствие — для речи и мышления), нанесенный пулевым ранением головы (см.: Лурия, 1996).

Однако для нас важен вопрос не о том, как менял свою концепцию Выготский, а о том, почему он это делал. Поскольку переходы между его теориями никогда не проходили резко и в течение определенного периода каждая следующая теория формировалась

в недрах предыдущей, то кажется очевидным, что переход на новый этап связан лишь с критическим анализом содержания результатов предыдущего этапа и не имеет общего для всех этапов источника. Между тем для Выготского существовала общая основная причина неудовлетворенности каждой из сформированных им теорий: ни одна из них не давала ответа на интересовавший его вопрос о «клеточке» психики, т.е. о собственно психической причинности развития психики. Для него было важно, оставаясь в рамках культурно-исторического подхода (т.е. показывая историческую изменчивость исходной «клеточки»), не подменять детерминацию психики социальными, культурными детерминантами. И собственные варианты теории не устраивали Выготского как раз тем, что они в вопросе детерминации отдавали пальму первенства «культурным» (социальным) факторам. В концепции развития психики через опосредствованность словом последнее понималось целиком как социальный предмет. Концепция системного взаимодействия психических функций представлялась более психологической, поскольку в ней развитие значений рассматривалось не в плане социальных изменений, а в плане онтогенетического развития, имеющего собственные детерминанты и этапы (Выготский, 1999). Но и данный вариант оставался для Выготского «слишком социальным», поскольку это развитие имеет своей целью общественно закрепленное значение, и поэтому «Мышление и речь» заканчивается тезисом о необходимости идти глубже, в мотивацию. В последние годы как вариант «собственно психологической клеточки» он рассматривал «переживание». Таким образом, центральной причиной, которая двигала Выготского к изменению теории, являлось стремление уйти от социальной к собственно психологической детерминации, но без потери идеи культурно-исторической обусловленности психики.

Поставленная Выготским проблема преодоления принципа двухфакторности была основной и для XIII в момент ее возникновения. В статье 1937 г. «Учение о среде...» А.Н. Леонтьев подробно анализирует специфику подхода Выготского, включая в свой анализ цитаты из его работ: «Значит, говорит Л.С. Выготский, “никакое развитие не складывается из механического сочетания двух факторов — двух внешних сил, которые, комбинируясь друг с другом, продвигают это развитие вперед” (Выготский, 1934, с. 89 и след.), и роль среды может быть выяснена всякий раз лишь из анализа тех конкретных отношений, в которые вступает ребенок со средой» (Леонтьев, 2003в, с. 252)¹.

¹ Мы специально даем цитаты из работ Л.С. Выготского по работам А.Н. Леонтьева, чтобы подчеркнуть преемственность понимания проблемы преодоления двухфакторности у этих двух исследователей.

Но в тот же харьковский период произошло существенное изменение в постановке этой проблемы. Оно заключалось в том, что единица анализа, содержащая в себе «порождающее отношение» (по Выготскому) между обоими факторами, трансформировалась благодаря Леонтьеву в понятие посредника между ними. Результат этой трансформации обсуждался в рамках критики постулата непосредственности и введения деятельности как такого посредника, который преломляет воздействие на психику и физиологических и социальных факторов.

В принципе сам переход к понятию посредника был подготовлен тоже Выготским, поскольку в его концепции последних лет переживание также выполняло посредническую функцию. Не случайно Леонтьев приводит целый ряд цитат из книги Выготского «Основы педологии» о преломляющей функции переживания. Например: «Переживание какой-нибудь ситуации, — пишет Л.С. Выготский, — переживание какой-либо среды определяет то, какое будет иметь влияние эта ситуация или эта среда на ребенка. Таким образом, не сам тот или иной момент, взятый безотносительно к ребенку, но этот момент, преломленный через переживание ребенка, может определить, как этот момент будет влиять на ход дальнейшего развития» (Леонтьев, 2003в, с. 251). И в качестве вывода Леонтьев подчеркивает главное в приведенной цитате: «Переживание — это, следовательно, то, в чем преломляется для ребенка окружающая среда» (там же). Однако для Леонтьева переживание, являясь сугубо психологическим образованием, тем самым замыкало психологическую детерминацию в самой себе, тогда как деятельность выводила детерминацию за рамки психики и тем самым более соответствовала материализму.

Деятельность как средство исследования внутренних механизмов психики и как форма проявления социального влияния

Начиная с харьковского периода, Леонтьев подчеркивал необходимость перехода от двухфакторных моделей (и соответственно в неявной форме — от социальной детерминации) к собственно «внутренним механизмам». В 1935 г. он писал: «Ни указание на факт непосредственного столкновения ребенка с миром вещей, ни указание на факт общения, сотрудничества и подражания не могут сами по себе раскрыть развитие значения слова. В каком бы сложном переплетении они ни выступали, они остаются лишь внешними движущими моментами процесса; задача же всякого исследования развития заключается в исследовании именно внутренней природы этого развития, в раскрытии его внутренних противоречий» (Леонтьев, 2003б, с. 333). В качестве такого внутреннего противоречия предполагается

и экспериментально исследуется противоречие между деятельностью и образом: «За значением слова открываются нам обобщение как образ действительности и обобщение как деятельность, как система психологических операций. Они не совпадают друг с другом, но противоположны друг другу. Значение слова и есть единство этих противоположностей» (там же, с. 340)². Нам важно зафиксировать, что выявленное Леонтьевым основное противоречие служит для него решением той же самой задачи перехода от социальной детерминации как вида средовой детерминации к детерминации внутренними для развития психики механизмами.

Отметим, что в харьковский период развития деятельностного подхода деятельность часто понималась как «способ употребления» предметов, под которыми прежде всего имелись в виду слова³. Напрямую это значение термина «деятельность» подчеркивается в аналогии с законом Гартига, по которому движущей силой развития орудия является «противоречие между самим орудием и способом его употребления» (там же, с. 341). И тут же Леонтьев, уточняя аналогию с законом Гартига, критикует этот закон за то, что он рассматривает развитие орудий труда как процесс, «независимый от социальной организации производственной деятельности, от производственных отношений» (там же, с. 343). Перенос содержания этой критики на развитие психики ребенка, Леонтьев указывает на важность понимания того, что «деятельность ребенка, лежащая за развитием его сознания, организуется специально и таким образом внутренне определяется общественным бытием ребенка» (там же). В этом уточнении заключена вся специфика и сложность постановки проблемы выделения психической причинности в рамках подходов Вygотского и теории деятельности, поскольку эта постановка требует одновременно и разработки психической детерминации, и удержания значения социального влияния. Леонтьев подчеркивает, что только в таком случае «этот процесс, сохраняя спонтанный характер и свою специфику, вместе с тем утрачивает видимость самостоятельности, т.е. свой абстрактный характер» (там же).

Как раз с попыткой разрабатывать единство спонтанного характера психического развития и социальной его обусловленности связано, на наш взгляд, то обстоятельство, что в харьковской школе основными предметами исследуемой деятельности являлись слова,

² Как известно, противоположность между уровнем психического отражения и уровнем деятельности стала для А.Н. Леонтьева (1981) одним из базовых принципов развития психики в филогенезе.

³ В статье есть прямое указание на то, что слова можно рассматривать как используемый предмет, и прямое описание деятельности со словом как «употребление ребенком соответствующего слова» (Леонтьев, 2003б, с. 342).

картинки и т.п., а в качестве исследуемых деятельностей часто использовались игровая и учебная, в которых нет преобладающей роли практической активности. В статье, написанной в 1935 г., в качестве введения к готовившемуся к выходу, но так и не опубликованному сборнику работ XIII, Леонтьев следующим образом характеризует основной технический прием всех включаемых в сборник исследований: «Исследование процесса овладения учащимися научными понятиями, предпринятые нашей лабораторией, построены на одном и том же, общем для них, методическом приеме — приеме сравнительного изучения речевого раскрытия понятий учащимися и их употребления, их “переноса” на конкретные явления действительности» (Леонтьев, 2003б, с. 347). В качестве модельного примера исследования с подобным приемом Леонтьев наиболее подробно разбирает исследование Л.И. Божович, в котором изначально с использованием картинки из сказки в игровой ситуации дошкольнику сообщалось значение нового для него слова «падчерица», а потом в игровой же ситуации употребление этого слова распространялось не только на девочек, но и на мальчиков, для которых жены отцов не были родными матерями (там же, с. 339—342). Таким образом, исследовался перенос обобщения, стоящего у ребенка за словом «падчерица», на новое содержание, но и до и после переноса обобщения деятельность в данном случае рассматривалась как употребление слова в игровой ситуации.

Даже в исследовании освоения закона Архимеда было зафиксировано, что между практическими действиями погружения разных тел в жидкость и рассуждением ребенка об этой ситуации с возрастом в определенном смысле отношение переворачивается. Это проявляется в том, что «ребенок своими действиями пытается подчинить факты своим рассуждениям» (Праці..., 1941, с. 145). «Например, если ребенок сказал про какой-то предмет, что он потонет, то дальше он пытается опустить его в воду так, чтобы предмет на самом деле потонул. Для этого ребенок погружает предмет в воду, кидает его или набирает воды и т.п. Ребенок пытается, так сказать, помочь предметам и фактам не противоречить его суждениям» (там же). Подобное переворачивание отношения практики и рассуждений ребенка связано таким понятием, как «предметность деятельности». Предметность, которая подчеркивалась в большинстве исследований XIII, характеризовалась так: «Ребенок в процессе своей жизни имеет дело не просто с физическими телами или раздражителями, а с предметами, за которыми закреплена определенная система действий и которые имеют свое практическое назначение в применении человеком» (там же, с. 147). И именно предметностью объяснялась ситуация определенного раздвоения жизненного отношения ребенка на практическую и теоретическую деятельность, при этом последняя

связана с овладением своими действиями в отношении предметов. По мысли харьковчан, эта обусловленная предметностью раздвоенность деятельности ребенка объясняет ошибочность позиции Пиаже в отношении развития рассуждений ребенка, поскольку Пиаже «рассматривает развитие психики ребенка как некоторый процесс, который самостоятельно происходит и подвергается влиянию внешних сил или факторов биологического или социального порядка» (там же). Таким образом, ошибку Пиаже они видели в абсолютизации самостоятельности развития психики ребенка (т.е. в абсолютизации психической причинности), тогда как собственные исследования рассматривали и как объяснение причин возможности такой абсолютизации, и как раскрытие более гармоничного отношения между психической причинностью и социальной обусловленностью развития психики.

Деятельность как целостность: интерпретация ряда исследований деятельностного подхода с учетом проблемы выделения психической причинности

Несомненно, что в рамках деятельностного подхода Леонтьева были выявлены собственно деятельностные механизмы, через которые должно преломляться любое социальное влияние. Но понимание деятельности как посредника становится очевидным, только если брать более широкий план развития теории и иметь в виду само наличие «проблемы преодоления двухфакторности». Для примера рассмотрим значение проведенного в 1935 г. А.Н. Леонтьевым и А.Н. Розенблюмом (1999) «исследования деятельности и интересов посетителей Парка культуры и отдыха имени Горького».

Данное исследование определялось необходимостью подчинения развлекательной функции парка его образовательной функции, а в методическом плане в исследовании деятельностный подход был отчасти противопоставлен теории поля К. Левина. Само исследование состояло из двух больших частей — констатирующей и формирующей. В констатирующей части различными способами исследовались потоки посетителей парка: то, в какие отделы парка, с какими целями и на какое время они заходили. В качестве одного из основных был сделан вывод, что в целом результаты первого этапа исследования можно объяснить положениями теории Левина: поток посетителей во многом подчиняется «топографическому моменту парка», который составляла и исходная структура интересов посетителей. Собственно принципами деятельностного подхода определялся второй этап исследования, результаты которого объяснялись не просто взаимодействием каких-либо полевых факторов, а видом деятельности испытуемых. На этом этапе уже ставилась задача создания новых интересов. В качестве экспериментальной площадки была взята лишь одна структурная часть

парка — авиамодельный кружок на территории Детского городка. В качестве индикатора силы «политехнического» интереса к авиационной тематике была избран параметр времени остановки участников кружка возле стендов с аэрофизической информацией, а в качестве формирующей процедуры использовался прием формирования нового вида деятельности через создание определенных типов преград при осуществлении старого вида. В частности, поскольку участникам кружка нравилось клеить авиамodelи, но это не приводило к заинтересованности аэрофизической информацией, то для создания нового интереса им было предложено участвовать в соревновании созданных ими моделей в полете на дальность. При этом оказалось, что красивые модели редко летят далеко и прямо (т.е. возникла преграда), и для того чтобы исправить эти проблемы, ребята уже более внимательно слушали объяснения руководителя кружка, а также значительно больше времени проводили перед стендами. Таким образом, был сделан вывод, что интересы определяются не столько топологией парка и начальной структурой интересов, сколько характером деятельности посетителей. Если деятельность оставалась развлекательной, то человек останавливался возле стендов с аэрофизической информацией крайне редко и непродолжительно, а если деятельность становилась учебно-познавательной, то он подходил к тем же стендам часто и проводил около них больше времени. Данное исследование можно было бы интерпретировать как выявление той «единицы» (деятельности), через которую преломляется влияние на психику как социальной среды, так и физиологии. Но если анализировать это исследование в отрыве от других, то легко потерять специфику теории деятельности, поскольку его выводы можно свести к фиксации влияния мотивации на содержание и результаты поведения, отождествив последнее с деятельностью (неслучайно некоторые современные авторы оценивают теорию деятельности как определенную редукцию, «мутант» гештальтпсихологии — см., напр.: Ясницкий, 2012).

Специфика теории деятельности Леонтьева, т.е. несводимость детерминации психики к влиянию на нее каких-либо «частей» деятельности (пусть даже и мотивов!), проступает в описанном исследовании только с учетом дальнейших работ по формированию учебной деятельности. Все исследования по формированию учебной деятельности (как в «московском направлении» под руководством Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, так и в поздней XIII под руководством В.В. Репкина) строились по типу, апробированному в исследовании Леонтьева и Розенблюма: с помощью специально встраиваемых в процесс деятельности преград формировалась мотивация для иной деятельности — учебно-познавательной. Основное отличие было в том, что формирование целостной учебной деятельности не начиналось и не заканчивалось формированием новой мотивации.

Обучение начиналось с последовательного перевода практической задачи в учебную (через ряд промежуточных форм), и на протяжении всего младшего школьного возраста главной его целью ставилось последовательное формирование учебных действий, состав и порядок которых специально выделялись и проверялись в исследовании (см.: Давыдов, 2004; Репкин, Репкина, 1997). В данном случае деятельность никак не сводилась к содержанию мотивации, а преломляла внешние и внутренние факторы как конкретная целостность всех трех уровней (деятельности, действий и операций).

Принципиальность рассмотрения деятельности как особой преломляющей целостности четко проанализирована в работах П.И. Зинченко. Суть проведенных им исследований заключалась в «анализе зависимости произвольного запоминания от предметного содержания и структуры (строения) деятельности, в которой оно осуществляется» (Зинченко, 1961, с. 136). Конкретнее исследовалась зависимость произвольного запоминания от «целей, мотивов и способов деятельности» (там же). Тем самым фиксировалось преломление влияния социальных факторов психическими образованиями (целями, мотивами и способами). Отличие этих работ от многочисленных других, учитывающих, например, значимость содержания и силы мотивации, заключалось в том, что подчеркивался не сам по себе эффект мотивации, а взаимодействие этого фактора с фактором типа задач («способов деятельности»). Другими словами, фиксировалось, что только взаимодействие этих факторов определяет содержание и эффективность произвольного запоминания. Так проверялось утверждение, что произвольное запоминание определяется не самим по себе мотивом («учебным» или «игровым») или типом задач, а только целостной деятельностью, которая и характеризуется определенным сочетанием (взаимодействием) этих факторов. Это, действительно, как подчеркивает и сам П.И. Зинченко (там же, с. 225), выражает отличие деятельностного подхода от всех аналогичных исследований (например, от работ школы К. Левина)⁴.

Методология «третьего фактора»

Необходимость выхода за рамки двухфакторных моделей и даже за рамки взаимодействия «натурального» и «социального» закономерно порождает вопрос о содержании «третьего фактора»,

⁴ Со временем данное понимание специфики теории деятельности стало настолько неявным, что одному из современных последователей А.Н. Леонтьева пришлось даже ввести специальное понятие «гештальт деятельности» (Дормашев, 2006). Правда, необходимость введения данного понятия Ю.Б. Дормашев обосновывает не столько целостностью взаимодействия всех уровней деятельности, сколько подчиненностью «объекта» и «субъекта» деятельности ей как целому (там же).

поскольку, оставаясь материалистом и не скатываясь в мистику, вроде бы сложно понять, о каком материальном факторе идет речь. Между тем совершенно не обязательно связывать материализм лишь с физиологическим или социальным фактором. Из самого факта существования экономической детерминации никак не следует, что она целиком вытекает из детерминации физической или ей противоречит (см., напр.: Ильенков, 1997). Проблема разных типов детерминации в рамках материализма решалась как проблема разных уровней движения материи (Ф. Энгельс) и в отечественной психологии наиболее явно использовалась Я.А. Пономаревым в книге «Психика и интуиция» (1967) для обоснования идеи психического уровня движения материи, который, не переставая быть материальным, имеет свою качественную специфику.

Роль «посредника», «преломителя» в структуре деятельности больше всего подходит такому понятию, как «личностный смысл», поскольку оно обозначает внутридеятельностное образование, тогда как другие образования детерминированы либо социально (например, значения и мотивы), либо физиологически (например, чувственная ткань сознания). Поэтому по отношению к проблеме выхода за рамки двухфакторности (социальной детерминации, преодоления постулата непосредственности и т.п.) с особой стороны выделяется тенденция позднего Леонтьева к разработке таких понятий, как «личностный смысл», «борьба мотивов», «личность» и «поступок» (Леонтьев, 1975). Но эти понятия не могут разрешить проблему раскрытия собственно психологической причинности, поскольку они слишком привязаны лишь к одной части психики — личности, тогда как важно найти общую «психологическую единицу». Долгое время эту роль выполняло понятие «деятельность», и чтобы оценить эффективность выполнения этой роли, необходимо проанализировать, насколько теории деятельности удалось выделить и конкретизировать психическую причинность. Пока такой анализ специально никем не производился.

Ориентация на выявление психической причинности сближает теорию деятельности А.Н. Леонтьева с такими классическими подходами в психологии, как психоанализ З. Фрейда, теория поля К. Левина и теория развития интеллекта Ж. Пиаже. Так, З. Фрейд противопоставлял вневременные и внепространственные законы бессознательного временным и пространственным законам физического мира и подчеркивал приверженность принципу психического детерминизма. К. Левин, выделяя в собственном подходе динамический аспект психики, именно в нем видел специфику психической причинности. Ж. Пиаже, сосредотачиваясь на внутренних механизмах развития интеллекта, пытался таким образом отграничить психологическое исследование от биологического, логического и т.п. Специфика постановки про-

блемы психической причинности в рамках культурно-исторического подхода Выготского и теории деятельности Леонтьева связана с тем, что для них, в отличие от тех же З. Фрейда, К. Левина и Ж. Пиаже, социальное влияние играет роль детерминанты развития психики. Свою основную проблему Выготский и Леонтьев видели не просто в переходе от социальной к психической причинности, а в переходе к собственно психической причинности с удержанием идеи большого значения социального влияния для развития психики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахутина Т.В.** Роль Л.С. Выготского в развитии нейропсихологии // Методология и история психологии. 2007. № 4. С. 57—68. [**Ahutina, T.V.** (2007). *Roľ L.S. Vygot'skogo v razvitii neropsihologii. Metodologija i Istorija Psihologii*, 4, 57—68]
- Ахутина Т.В.** Комментарии к двум документам из архива А.Р. Лурии // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 71—85. [**Ahutina, T.V.** (2012). *Kommentarii k dvum dokumentam iz arhiva A.R. Lurii. Voprosy Psihologii*, 4, 71—85]
- Выготский Л.С.** Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. [**Vygotskij, L.S.** (1999). *Myshlenie i rech'* [1934]. Moskva: Labirint]
- Выготский Л.С., Лурия А.Р.** Этюды по истории поведения [1932]. М.: Педагогика-Пресс, 1993. [**Vygotskij, L.S., Lurija, A.R.** (1993). *Jetjudy po istorii povedenija* [1932]. Moskva: Pedagogika-Press]
- Давыдов В.В.** Проблемы развивающего обучения. М.: Академия, 2004. [**Davydov, V.V.** (2004). *Problemy razvivajushego obuchenija*. Moskva: Akademija]
- Дормашев Ю.Б.** Гештальт деятельности // Уч. зап. кафедры общей психологии МГУ. Вып. 2 / Под общ. ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 60—76. [**Dormashev, Ju.B.** (2006). *Geshtal't dejatel'nosti*. In: B.S. Bratus', E.E. Sokolova (Red), *Uchenye zapiski kafedry obshhej psihologii MGU*, 2 (ss. 60—76). Moskva: Smysl]
- Зинченко П.И.** Непроизвольное запоминание. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. [**Zinchenko, P.I.** (1961). *Neproizvol'noe zapominanie*. Moskva: Izd-vo APN RSFSR]
- Ильенков Э.В.** Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЕН, 1997. [**Iľenkov, Je.V.** (1997). *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii*. Moskva: ROSSPEN]
- Леонтьев А.А.** Деятельный ум. М.: Смысл, 2001. [**Leontiev, A.A.** (2001). *Dejatel'nyj um*. Moskva: Smysl]
- Леонтьев А.Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. [**Leontiev, A.N.** (1975). *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moskva: Politizdat]
- Леонтьев А.Н.** Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. [**Leontiev, A.N.** (1981). *Problemy razvitija psihiki*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]
- Леонтьев А.Н.** Развитие памяти [1931] // Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2003а. С. 27—198. [**Leontiev, A.N.** (2003a). *Razvitie*

пам'яті [1931]. In: Leontiev A.N. *Stanovlenie psihologii dejatel'nosti: Rannie raboty* (ss. 27—198) / A.A. Leontiev, D.A. Leontiev, E.E. Sokolova (Red). Moskva: Smysl]

Леонтьев А.Н. Овладение учащимися научными понятиями как проблема педагогической психологии [1935] // Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2003б. С. 316—350. [**Leontiev, A.N.** (2003b). *Ovladenie uchashchimisja nauchnymi ponjatijami kak problema pedagogicheskoy psihologii* [1935]. In: Leontiev, A.N. *Stanovlenie psihologii dejatel'nosti: Rannie raboty* (ss. 316—350) / A.A. Leontiev, D.A. Leontiev, E.E. Sokolova (Red). Moskva: Smysl]

Леонтьев А.Н. Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского (критическое исследование) [1937] // Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2003в. С. 245—260. [**Leontiev, A.N.** (2003v). *Uchenie o srede v pedologicheskikh rabotah L.S. Vygotskogo (kriticheskoe issledovanie)* [1937]. In: Leontiev A.N. *Stanovlenie psihologii dejatel'nosti: Rannie raboty* (ss. 245—260) / A.A. Leontiev, D.A. Leontiev, E.E. Sokolova (Red). Moskva: Smysl]

Леонтьев А.Н., Розенблюм А.Н. Психологическое исследование деятельности и интересов посетителей Центрального парка культуры и отдыха им. Горького (Предварительное сообщение) [1935] // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 370—425. [**Leontiev, A.N., Rozenbljum, A.N.** (1999). *Psihologicheskoe issledovanie dejatel'nosti i interesov posetitelej Central'nogo parka kul'tury i otдыхa im. Gor'kogo (Predvaritel'noe soobshchenie)* [1935]. In: *Tradicii i perspektivy dejatel'nostnogo podhoda v psihologii: shkola A.N. Leontieva* (ss. 370—425) / A.E. Vojskunsij, A.N. Zhdan, O.K. Tihomirov (Red). Moskva: Smysl]

Лурия А.Р. Романтические эссе. М.: Педагогика-Пресс, 1996. [**Lurija, A.R.** (1996). *Romanticheskie jesse*. Moskva: Pedagogika-Press]

Пономарев Я.А. Психика и интуиция. М.: Политиздат, 1967. [**Ponomarev, Ja.A.** (1967). *Pshika i intuicija*. Moskva: Politizdat]

Репкин В.В., Репкина Н.В. Развивающее обучение: теория и практика. Томск: Пеленг, 1997. [**Repkin, V.V., Repkina, N.V.** (1997). *Razvivajuschee obuchenie: teorija i praktika*. Tomsk: Peleng]

Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1993. [**Jaroshevskij, M.G.** (1993). *L.S. Vygotskij: v poiskah novoj psihologii*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Mezhdunar. fonda istorii nauki]

Ясницкий А. К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 60—97. URL: <http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a2/2012n1a2.1.pdf> [**Jasnickyj, A.** (2012). *K istorii kul'turno-istoricheskoy geshta'l'tpsihologii: Vygotskij, Lurija, Koffka, Levin i dr. Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obschestva i cheloveka «Dubna»*, 1, 60—97]

Праці кафедри психології (Труды кафедры психологии). Харків: ХДПІ, 1941. [*Praci kafedri psihologii* (1941). Harkiv: HDPI]

Е. В. Битюцкая

КОГНИТИВНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ С ПОЗИЦИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

В наиболее цитируемой психологической теории стресса и копинга Р. Лазаруса понятие «когнитивное оценивание» описано как «угроза», «потеря», «вызов», «контроль над ситуацией»; а также дан анализ возможностей копинга. Этот подход базируется на разделении когнитивной оценки и эмоции. В статье представлена иная точка зрения, теоретическими основаниями которой являются концепция образа мира А.Н. Леонтьева, принцип единства когнитивного и эмоционального компонентов оценки, процесс категоризации как основа оценивания. В опоре на работы А.Н. Леонтьева и его последователей описаны процессы формирования и структура образа трудной жизненной ситуации. Восприятие формирует чувственный образ ситуации, когниция — значение, что связано с пониманием ситуации, ее осмыслением. Рефлексия репрезентирует в сознании личностный смысл, рассматриваемый как отношение мотива к цели. В процессе категоризации ситуация относится к категории трудных путем соотнесения с признаками — критериями. На основе теоретического анализа и эмпирических данных автора показано, что результатом оценивания являются: а) значимость ситуации; б) установление соответствия происходящего мотивам и личностному смыслу; в) определение успешности реализации деятельности в отношении к цели; г) оценки степени подконтрольности, понятности, прогнозируемости ситуации, ее влияния на будущую жизнь; д) соизмерение своих возможностей с условиями; е) степень трудности ситуации.

Ключевые слова: когнитивное оценивание, трудная жизненная ситуация, образ мира, чувственный образ ситуации, значение, личностный смысл, эмоция, мотив, цель.

In the most cited psychological theory of stress and coping by R. Lazarus the concept of “cognitive appraisal” includes evaluation of “threat”, “loss”, “challenge”, “control”, as well as the analysis of the possibilities of coping. The approach is based on separation of cognitive appraisal and emotion. The article presents a different point of view, the theoretical foundations of which are world image concept by A.N. Leontiev, the principle of unity of the cognitive and emotional components of the appraisal, and the categorization as the basis of evaluation. The processes

Битюцкая Екатерина Владиславовна — канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* bityutskaya_ew@mail.ru

of formation and the structure of the image of a difficult situation are described on the basis of the works by A.N. Leontiev and his followers. Perception creates a sensual image of the situation; cognition creates a meaning, which is linked with understanding of the situation. Reflection represents in one's conscious a personal meaning, understood as the ratio between the motive and the goal. In the course of categorization the situation is classified as difficult on the basis of certain features (criteria). Based on the theoretical analysis and empirical data, the author shows that the results of evaluations are: a) the significance of the situation; b) matching the events with motives and personal meaning; c) the definition of success of the activities in relation to the goal; d) assessment of accountability, clarity, predictability of the situation, and its impact on the future life; e) the comparison of one's capabilities with the conditions; f) level of the situation difficulty.

Key words: cognitive appraisal, difficult life situation, world image, the sensual image of the situation, meaning, personal meaning, emotion, motive, goal.

1. Возникновение понятия «когнитивное оценивание» в теории стресса и копинга

Разработка понятия "*Cognitive Appraisal*" — «когнитивное оценивание» связана с изучением стресса и процесса, направленного на его преодоление, — копинга (совладания). Одним из первых на когнитивную природу стресса обратил внимание Ричард Лазарус. До 1960-х гг. в психологии считалось, что объективные стрессоры вызывают предсказуемые реакции. Опыты Р. Лазаруса и его сотрудников с демонстрацией кинофильмов о кровавых ритуалах аборигенов доказали, что уровень испытываемого стресса у зрителей (измеряемый по физиологическим и психологическим показателям) существенно зависит от полученной предустановки (Lazarus et al., 1962). Важным результатом этих исследований было то, что стресс стал рассматриваться как результат субъективной оценки стимула индивидом.

Сам Р. Лазарус признавал первенство в постановке проблемы когнитивного оценивания за Р.Р. Гринкером и Дж.П. Шпигелем, которые еще в 1945 г. отметили, что «оценка ситуации требует умственной активности, включающей анализ, установление различий и выбор действий, основанный в значительной степени на прошлом опыте» (цит. по: Lazarus, Folkman, 1984, p. 25). Еще одна предшественница Р. Лазаруса, Магда Арнолд, разрабатывая в 1950—1960-е гг. теоретические вопросы психологии эмоций, пришла к выводу о том, что оценка ситуации порождает эмоцию, является ее когнитивной детерминантой. Автор описала когнитивное оценивание как быстро и автоматически протекающий интуитивный процесс, отличающийся от более длительных и осознанных процессов мышления, рефлексии. В то же время интуитивная оценка ситуации не исключает высокого

уровня когнитивной активности субъекта. Эти процессы могут протекать параллельно (Arnold, 1960).

Взяв за основу описанные идеи, Р. Лазарус в 1960-е гг. сформулировал и в течение всей своей жизни развивал (при участии многочисленных коллег) концепцию, до сих пор являющуюся самой цитируемой в психологии совладания. В этом подходе когнитивное оценивание стресса понимается как «процесс категоризации внешних воздействий с учетом их значения для благополучия» субъекта (Lazarus, Folkman, 1984, p. 31). Р. Лазарус и С. Фолкман выделяют три формы этого процесса.

Первичная оценка (*Primary Appraisal*) может быть трех видов: 1) *благоприятная* (*benign-positive*): предвосхищаемый исход события воспринимается как благополучный; 2) *незначимая* (*irrelevant*): происходящее не несет угрозы благополучию, но и не связано с положительными последствиями (ничего значимого не происходит); 3) *стрессовая* (*stressful*), которая может быть связана с потерей, угрозой или вызовом.

Оценка, названная «*ущерб/потеря*» (*harm/loss*), предполагает, что нанесен вред благополучию личности. Например, в ситуациях болезни, а также утраты чего-то ценного (разрыв отношений с близким человеком, известие о том, что сгорел дом, и др.). Оценка «*угроза*» (*threat*) имеет отношение к антиципации неприятных последствий: событие пока еще не произошло, но прогнозируется как неблагоприятное, несущее возможные потери. Наконец, оценка «*вызов*» (*challenge*) также связана с предвосхищаемыми ситуациями, но при этом на первый план выступают возможные достижения, победа, положительные приобретения, приятные эмоции. Эта оценка предполагает контроль над собой (своими эмоциями) и над условиями внешней среды.

Таким образом, если оценка «*потеря*» касается события, которое уже состоялось и нанесло вред благополучию человека, то в случае оценок «*угроза*» и «*вызов*» результат ситуации еще неизвестен и локализован в будущем. При этом Р. Лазарус и С. Фолкман подчеркивают, что последние две оценки не исключают друг друга, а в ряде ситуаций (например, экзамена, поиска работы) могут возникать одновременно.

Вторичная оценка (*Secondary Appraisal*) связана с анализом возможностей изменения ситуации, планированием своих действий, прогнозированием последствий при разных вариантах развития событий.

Третий вид представляет собой **переоценку** ситуации (*Reappraisal*), которая базируется на анализе развития ситуации в сопоставлении с действиями, направленными на ее преодоление. Это может привести к изменению первичной оценки (например, угроза

модифицируется в вызов), вследствие чего корректируется представление субъекта о своих ресурсах и способах копинга.

По образному выражению авторов, «первичные оценки того, что поставлено на кон, и вторичные оценки способов копинга, взаимодействуя друг с другом, формируют уровень стресса, силу и качество эмоциональной реакции» (Lazarus, Folkman, 1984, p. 35). То есть *сила стресса* зависит от соотношения значимости события, степени угрозы благополучию с возможностями повлиять на стрессор.

Таким образом, понятие когнитивной оценки (стресса у Р. Лазаруса, эмоции у М. Арнолд) изначально предполагает разделение рационального и аффективного компонентов восприятия ситуации. Более того, авторы указывают, что когнитивное оценивание предшествует эмоции и детерминирует ее возникновение. Именно ввиду такого разделения в термине *когнитивная* оценка выделен ментальный компонент.

2. Развитие взглядов на когнитивное оценивание и современное состояние проблемы

В более поздних исследованиях Р. Лазаруса и его коллег (1980—1990-е гг.) зафиксированы многочисленные связи когнитивных оценок с конкретными эмоциями. Вариации сочетания таких компонентов оценки, как релевантность (соответствие личным интересам), конгруэнтность (соответствие целям), локус ответственности, ресурс копинга, обуславливают проявление тех или иных эмоций. Например, в случае, когда события оцениваются как релевантные и неконгруэнтные, а ответственность за происходящее лежит на других людях, вероятнее всего, возникает гнев. Если же события релевантны и неконгруэнтны, но ответственность за происходящее человек берет на себя, то он испытывает вину (Lazarus, Smith, 1988).

Другая линия исследований оценивания стресса связана с изучением контроля над ситуацией. Так, контроль рассматривается как важный фактор оценки (Affleck et al., 1987; Hudek-Knezevic, Kardum, 2000; Peacock, Wong, 1990; Puente-Diaz, Anshel, 2005). Е. Пикок и П. Вонг (Peacock, Wong, 1990) выделили следующие уровни контроля: ситуация подконтрольна мне, контролируется другими, не контролируется никем. Б. Вайнер (Weiner, 1992) показал, что воспринимаемая подконтрольность ситуации влияет на проявление таких эмоций, как вина, стыд, гнев, жалость, гордость. Если причины неудачи воспринимаются субъектом как неподконтрольные, то вызывают смирение, жалость; в противоположном случае человек испытывает гнев или самообвинение.

В ряде работ Р. Лазаруса и его сотрудников ранее предложенная модель оценки была описана более подробно. Так, во вторичной оценке были выделены 4 компонента: 1) возможность изменения

ситуации; 2) возможность принятия (приспособление к обстоятельствам, изменение своих переживаний и оценок); 3) объяснение локуса ответственности (кто ответствен за сложившуюся ситуацию — я, другие люди или обстоятельства); 4) создание прогнозов о развитии ситуации (что и каким образом изменится) (Folkman et al., 1986; Lazarus, Smith, 1990). Данная классификация широко применяется в современных исследованиях при изучении связи оценок и разных типов совладания.

В отечественной психологии, несмотря на всплеск интереса к проблеме совладания, тема когнитивного оценивания представлена немногочисленными исследованиями. В.А. Бодров (2006) выделяет следующие факторы оценки события как стрессогенного: *эмоции*, связанные с данным событием; *неопределенность ситуации*, вызванная дефицитом информации или непредсказуемостью; *значимость* события, отражающая степень его опасности для человека (или окружающих) и важность для достижения конечного результата.

В работе Ф.Б. Березина (1988) изучена связь ощущения угрозы в ситуации с личностной тревожностью и предшествующим опытом человека. Автор отмечает, что «возникновение психического стресса в определенной ситуации может отмечаться не в силу ее объективных характеристик, а в связи с субъективными особенностями восприятия и сложившимися индивидуальными стереотипами реагирования» (там же, с. 10).

В исследовании Е.Р. Исаевой (1999) показано, что формирование у больных шизофренией активных проблемно ориентированных копинг-стратегий затруднено в связи с ограниченностью внутренних ресурсов совладания. По мнению автора, проблема заключается не в том, что такие больные не могут конструктивно реагировать, а в том, что они «не способны *адекватно оценить* стрессовую ситуацию и степень своих возможностей по совладанию с ней» (там же, с. 74; курсив мой. — Е.Б.). Автор отмечает, что характерные для больных шизофренией когнитивные расстройства затрудняют адекватное восприятие жизненных событий и как следствие нарушают оценку собственных возможностей. Именно это и определяет дефицит копинг-стратегий и неумение конструктивно выражать свои эмоции.

Теоретический анализ работ в области совладания позволяет сделать следующий вывод. Определения когнитивного оценивания, используемые российскими авторами (Л.А. Александровой, Ф.Б. Березиным, В.А. Бодровым, Т.Л. Крюковой и др.), в значительной степени опираются на подход Р. Лазаруса, в частности апеллируют к понятию угрозы. При этом разделение когнитивной оценки и эмоции, базовое для данного подхода, не учитывается. С нашей точки зрения, в отечественной психологии имеется основа для иного понимания когнитивного оценивания трудной жизненной

ситуации. Так, Л.И. Анцыферова характеризует данный процесс как «распознавание особенностей ситуации, выявление негативных и позитивных ее сторон, определение смысла и значения происходящего» (Анцыферова, 1994, с. 7). А.А. Реан и соавторы определяют субъективную оценку ситуации как «индивидуальное отражение объективной реальности в сознании человека, восприятие ситуации посредством обработки на когнитивном и эмоциональном уровнях» (Реан и др., 2002, с. 131). По нашему мнению, привнесение категории смысла (Л.И. Анцыферовой) и рассмотрение когнитивного оценивания в контексте отражения и восприятия переводит анализ этого понятия на другие методологические позиции. В этой связи мы сочли возможным предложить понимание когнитивного оценивания трудной жизненной ситуации как одного из процессов, формирующих субъективный образ ситуации в индивидуальном сознании, а также представить его разработку, основанную на традиции теории А.Н. Леонтьева.

3. Деятельностный подход к изучению когнитивного оценивания трудной жизненной ситуации

3.1. Концепция образа мира как теоретическая основа изучения оценивания ситуации

Рассмотрение анализируемой проблемы в контексте деятельностного подхода предполагает обращение к понятию *образа мира*. А.Н. Леонтьев формулирует проблему восприятия как «проблему построения многомерного образа мира». При этом принципиально важно положение об активности субъекта: психическое отражение как «переход материального в идеальное» является процессом деятельности субъекта, которая первоначально существует во внешнем, практическом плане, затем приобретает форму внутренней деятельности сознания (Леонтьев, 1977). «Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» (там же, с. 125). Важнейшими характеристиками сознательного образа мира являются свойства осмысленности, устойчивости и категориальности. Развивая идею, С.Д. Смирнов определяет образ мира как «совокупность или упорядоченную систему знаний человека о мире, о себе, других людях, которая опосредует, преломляет через себя любое внешнее воздействие» (Смирнов, 1985, с. 142). По словам С.Н. Ениколопова, «картина мира представляет собой систему образов (представлений о мире и о месте человека в нем), связей между ними и порождаемые ими жизненные позиции людей, их ценностные ориентации, принципы различных сфер деятельности. Она определяет своеобразие восприятия и интерпретации... событий и явлений» (Ениколопов, 1997, с. 35, 36).

Структура сознания как образа, по А.Н. Леонтьеву, включает три «образующие» — чувственную ткань, значения и личностный смысл. Первый компонент составляет чувственную основу, «материю» образов реальности различной модальности. Особая функция *чувственной ткани* состоит в том, что благодаря ей образы воспринимаются как реальные, объективные, существующие «вне сознания» — как объект деятельности. «В *значениях* представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» (Леонтьев, 1977, с. 141). С одной стороны, значения выступают для субъекта в качестве «объектов его сознания»; с другой — как «способы и механизмы осознания», поскольку функционируют в процессах познания. «Особую субъективность значений, которая выражается в приобретаемой ими пристрастности», А.Н. Леонтьев называет *личностным смыслом* (там же, с. 148). Иными словами, смысл — это значение предмета, явления или события для субъекта.

Поскольку конкретная жизненная ситуация выступает фрагментом, частью мира человека, то можно применить эту структурную модель и к изучаемой нами области. Как уточняет В.А. Петровский (в личной беседе), «Образ ситуации есть целокупность *перцептов* как непосредственно видимого (являющегося результатом восприятия), а также *значений и смыслов*, которые приписываются перцептам. Эти значения и смыслы суть результат когнитивного оценивания: когниция основывается на значениях, а оценка производит смыслы. Сам процесс когнитивного оценивания представляет собой действие или, в терминах В.П. Зинченко, — живое движение».

3.2. Процессы формирования и структура образа трудной жизненной ситуации

При обсуждении понятия субъективного образа трудной жизненной ситуации в традициях теории А.Н. Леонтьева нам представляется важным подробно рассмотреть компоненты образа и процессы его «порождения». Процесс восприятия формирует *чувственный образ ситуации*. Объективные события, предполагающие пространственно-временной контекст, определенные условия (в том числе социальные), «переходят» в субъективный план в виде ощущений разной модальности, приобретающих форму чувственного образа. Через процессы восприятия, мышления, познания в целом образ становится осмысленным, означивается. При этом познание выступает как целостный процесс. «Знания, мышление не отделены от процесса формирования чувственного образа мира, а входят в него, прибавляясь к чувствительности» (Леонтьев, 1979, с. 12). Поскольку значения выражают «познанные объективные связи предметного мира», сложившиеся в

общественной практике (там же, с. 6), можно описать значение *ситуации* как понимание и осмысление происходящего; как рациональное определение ситуации, предполагающее «взгляд со стороны», будто с позиции наблюдателя. В отличие от значения *личностный смысл* обладает пристрастностью, определяя субъективную значимость жизненной ситуации. Отметим, что смысл ситуации может быть осознан человеком либо нет: «Смысл не всегда понятийно репрезентирован, не всегда осознан и не всегда может быть четко выражен доступными средствами» (Леонтьев Д.А., 2007, с. 78). Доступным же для осознания смысл становится в процессе рефлексии.

Личностный смысл отражает мотивы, «порождаемые действительными жизненными отношениями человека» (Леонтьев, 1977, с. 154). В теории деятельности *мотив* — «то, ради чего совершается действие» (Леонтьев А.Н., 2007, с. 432). Функция мотивов «состоит в том, что они как бы “оценивают” жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах, придают им личностный смысл, который прямо не совпадает с понимаемым объективным их значением» (Леонтьев, 1977, с. 150). Как правило, мотив актуально не осознается (в отличие от мотивировки — не соответствующего действительному мотиву объяснения значения собственного действия). Формой презентации мотива и личностного смысла в сознании выступают переживаемые человеком *эмоции*: «Сами переживания... еще не открывают субъекту своей природы; хотя они кажутся внутренними силами, движущими его деятельностью, их реальная функция состоит... в том, что они сигнализируют о личностном смысле событий, разыгрывающихся в его жизни» (Леонтьев, 1977, с. 157). Этот механизм Д.А. Леонтьев (2007) называет «эмоциональной индикацией» смысла. Анализируя различия между последней и «рефлексивным осознанием личностного смысла» автор отмечает конкретность смысла: «...он содержит указание на те мотивы, которые придают личностную значимость данному объекту или явлению, и на содержательное отношение между ними». В противоположность этому, эмоция «дает лишь общую, поверхностную характеристику личностного смысла; ... упрощает реальную сложность жизненных отношений» (Леонтьев Д.А., 2007, с. 169). Другим механизмом презентации личностного смысла в образе, по мнению Д.А. Леонтьева, являются «эффекты трансформации психического образа». Имеются в виду трансформации пространственных, временных параметров действительности, причинно-следственных отношений, субъективная интерпретация неопределенной информации как «структурирование образов целостной ситуации» (там же, с. 170).

Таким образом, говоря о личностном смысле в понимании А.Н. Леонтьева, мы приходим к необходимости включения в струк-

туру образа ситуации мотивов и эмоций. Кроме того, важным компонентом является *цель* (по одному из определений автора, смысл выражает отношение мотива к цели). Сравнивая мотивы с целями, А.Н. Леонтьев отмечает, что «цели и отвечающие им действия необходимо сознаются» (Леонтьев, 1977, с. 204). Цель — предвосхищаемый осознанный результат деятельности. Процесс достижения результата направлен на «осуществление» деятельности, которая удовлетворит потребность, определенную в соответствующем мотиве. Любая цель «объективно существует в некоторой предметной ситуации» и предполагает, по меньшей мере, два аспекта: что должно быть достигнуто (конкретизация цели); каким способом и в каких условиях это может быть достигнуто (операционный аспект действия) (там же). О.К. Тихомиров (2005) выделил ряд значимых для понимания целеобразования положений. При соотнесении целей и результатов действий последние разделяются на успешные и неуспешные. Образ будущего результата связан с оценкой значимости и достижимости предполагаемого результата. Само психическое отражение будущих результатов характеризуется разной степенью ясности, определенности, может выступать в разных формах (не только цель, но и перцептивный образ, представление). Вводится понятие «операциональный смысл цели», под которым понимается «конкретное (контекстуальное) значение, которое выбирает сам испытуемый из множества возможных значений» (там же, с. 117). Анализируя осознанность целенаправленного действия, О.К. Тихомиров выделяет следующие параметры: осознанный характер самого результата, его предвосхищения, последствий; осознание отношения целей к объективной ситуации (возможные и невозможные цели), к потребностям (приемлемые и неприемлемые цели), к способностям (легкие и трудные цели); осознание самого процесса целеобразования.

3.3. Понимание оценивания с позиций деятельностного подхода

Рассмотрев процессы, формирующие субъективный образ ситуации в индивидуальном сознании и структуру образа, проанализируем вопрос о том, что представляет собой при таком подходе оценивание.

Как было показано выше, А.Н. Леонтьев описывает *оценивание «жизненного значения»* ситуации как функцию мотивов. Человек либо создает, либо стремится (осознанно или нет) к таким ситуациям, которые соответствуют его потребностям; условия, позволяющие реализоваться потребностям, окрашиваются личностным смыслом и становятся значимыми. Кроме того, значение трудной ситуации может определяться утратой, разрушением (реальным или предпо-

лагаемым) того важного, что есть в жизни человека. Так, Л.И. Анцыферова (1994) подчеркивает: «Ценность, которая в определенных условиях может быть потеряна или уничтожена», является главным при определении жизненных трудностей. Значимость — это одна из наиболее важных оценок трудной жизненной ситуации (Л.А. Александрова, В.А. Бодров, Ф.Е. Василюк, Р.С. Лазарус, Н.И. Наенко и др.), что подтверждено эмпирически (Битюцкая, 2007).

Функцию оценки *соответствия происходящего мотивам и личностному смыслу* выполняют эмоции, что проявляется в механизме «эмоциональной индикации» смысла. Кроме того, «особенность эмоций состоит в том, что они отражают отношения между мотивами (потребностями) и успехом или возможностью успешной реализации отвечающей им деятельности субъекта. При этом речь идет не о рефлексии этих отношений, а о непосредственно-чувственном их отражении, о переживании. Таким образом, они возникают вслед за актуализацией мотива (потребности) и до рациональной оценки субъектом своей деятельности» (Леонтьев, 1977, с. 198). То есть, с одной стороны, эмоции являются довербальной оценкой соответствия развития ситуации мотиву; с другой стороны, они «сигналят» об *успешности движения деятельности к осуществлению цели*. Эмпирические доказательства этого утверждения представлены в ряде работ, выполненных под руководством О.К. Тихомирова (2005). Например, Ю.Е. Виноградовым показано, что эмоциональные оценки осуществляют «эмоциональное наведение» на объективно правильные действия. Это является необходимым условием для принятия их как правильных; при отсутствии же эмоционального предвосхищения объективно верные действия не определяются как таковые, затрудняется формирование общего замысла решения. И.А. Васильев описал механизм формирования личностного смысла цели мыслительной деятельности. В качестве важной составляющей этого процесса выступают интеллектуальные эмоции, выполняющие функцию внутренних сигналов о формировании смысла конечной цели на отдельных этапах ее конкретизации. В исследованиях В.Е. Ключко представлены доказательства того, что переход от потребности к осознанию предметной цели есть переход от эмоциональных оценок к вербальным; эмоциональная оценка определяет «зону», в которой нужно искать противоречие задачи. Н.Б. Березанская обосновала значимость оценок достижимости результата для процесса формирования цели. В случаях, когда внушалась трудность достижения результата, резко снижалась продуктивность деятельности, испытуемые отказывались от реализации цели. Автором показано, что цель включает не только осознанный образ будущего результата, но и неосознанную оценку достижимости этого результата. Такие параметры, как время решения задачи, структура поиска решений,

достижимость цели, могут быть функцией оценок. Согласно результатам исследования Т.В. Корниловой, оценка задачи как интересной и положительное эмоциональное отношение к ней коррелируют с эффективностью решения. В то же время результаты деятельности (найден ли решение) могут влиять на переоценку: несправившиеся испытуемые были склонны оценивать задачу как неинтересную, неумную, т.е. использовали мотивировки для оправдания неудачи. Таким образом, исследования школы О.К. Тихомирова показывают значимость эмоциональных и рациональных оценок для разных этапов конкретизации и достижения целей, формирования замысла решения и его реализации. При этом особо подчеркивается и подтверждается эмпирическими данными единство и взаимодействие когнитивного и эмоционального аспектов при целеобразовании, поиске решений и анализе ситуации. Ввиду важности и неоднозначности вопроса о единстве или разделении этих двух аспектов остановимся на определении позиции деятельностной теории А.Н. Леонтьева и его последователей.

3.4. Единство когнитивного и эмоционального компонентов как методологический принцип оценивания

Традиция рассмотрения данного вопроса основывается на методологической платформе, заложенной Л.С. Выготским и известной как «принцип единства аффекта и интеллекта». При обосновании этого принципа важна идея «динамической смысловой системы» (Выготский, 1982, с. 22), которая позже, в работах школы Тихомирова, была описана как «функциональная система интегрированных эмоциональных и когнитивных процессов» (Тихомиров и др., 1999). Идеей единства этих процессов «пропитан» ряд терминов деятельностного подхода. Например, личностный смысл, по А.Н. Леонтьеву, выражает пристрастность. Развивая этот концепт, В.К. Вилюнас определяет эмоциональные отношения как основу смысловых образований. Понятия «эмоциональное решение», «интеллектуальные эмоции», «эмоциональная регуляция мыслительной деятельности», разрабатываемые представителями смысловой теории мышления, также подчеркивают неразделенность когнитивных и эмоциональных процессов. Как отмечает О.К. Тихомиров, «с мыслительной деятельностью связаны (в ней участвуют) все виды эмоциональных явлений – и аффекты, и собственно эмоции, и чувства... Можно также говорить об интеллектуальной агрессии, интеллектуальном стрессе, интеллектуальной фрустрации» (Тихомиров, 2005, с. 93—94).

Таким образом, понимание оценивания ситуации в системе понятий теории А.Н. Леонтьева предполагает единство когнитивного, эмоционального, а также мотивационного компонентов:

мотив образует личностный смысл через установление жизненной значимости события, эмоция репрезентирует мотив в сознании, а также указывает на успешность действий в отношении к цели. Это единство разных компонентов оценки ставит вопрос о более дифференцированном использовании термина «когнитивное оценивание», поскольку он указывает на ментальную сферу решений, суждений, умозаключений.

3.5. Категоризация как основа оценивания

Такой представляется общая схема анализа оценивания жизненных событий, выполненная в рамках теории А.Н. Леонтьева. Однако отметим, что речь идет об определенной категории жизненных событий — о трудных ситуациях. Трудность — это не просто «объективная данность, с которой приходится иметь дело, реальность “по ту сторону” нашего сознания, которую можно впустить в сознание или, проявляя сопротивление, исключить из поля осознания» (Битюцкая, Петровский, 2010, с. 87). Характеристика трудности ситуации — это результат процесса оценивания, но прежде — категоризация ситуации как трудной. Рассмотрим категоризацию в контексте формирования образа трудной жизненной ситуации.

Являясь психологической основой процессов создания субъективного образа объективного мира, категоризация представляет собой процесс активного восприятия внешнего мира и предполагает анализ информации, выделение существенных признаков предмета и включение его в соответствующую систему категорий (Лурия, 1977). Дж. Брунер (1977) рассматривает категоризацию как отнесение воспринимаемого предмета (события) к какому-то классу или идентификацию его с неким множеством, обладающим характерными признаками, что определяется как категория. Понятие категоризации важно для психосемантического подхода. А.Г. Шмелев (1983) утверждает, что психологический смысл категоризации заключается в подготовке решения путем отнесения объекта к определенной категории, что существенно сокращает время принятия решения. Исходя из определения сознания А.Н. Леонтьева, В.Ф. Петренко (1988) характеризует категориальную структуру индивидуального сознания как иерархизированный набор наиболее обобщенных категорий, определяющих построение и содержание значения. Н.В. Гришина указывает, что когнитивные категории являются «активными конструктами, влияющими на наше восприятие и интерпретацию входящей информации» (Гришина, 1997, с. 129). Таким образом, можно полагать, что, категоризация — важный этап восприятия и оценивания ситуаций. Признаки, на основе которых ситуации категоризируются как трудные жизненные, могут считаться критериями когнитивного оценивания. Каковы же эти критерии?

3.6. Эмпирическое исследование когнитивного оценивания трудных жизненных ситуаций

Мы провели серию эмпирических исследований для выявления критериев категоризации ситуаций как трудных и создания методики «Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций». Методика состоит из двух частей. В *первой* респонденту предлагается описать актуальные для него ситуации, которые он воспринимает как трудные, и указать (по предложенной шкале), насколько часто каждая из них происходит в жизни. *Вторая часть* состоит из 34 утверждений, соответствующих критериям оценивания, которые нужно соотнести с описанными ситуациями по шкале от 0 (утверждение совершенно не соответствует ситуации) до 6 баллов (абсолютно верно). Для выявления обозначенных критериев в 2005—2013 гг. были проведены исследования с помощью специально разработанных незаконченных предложений (общая выборка составила 1245 человек в возрасте от 17 до 43 лет, 738 женщин и 507 мужчин). Первоначально в перечень утверждений методики было включено 20 наиболее типичных, отобранных экспертами признаков, на основе которых люди категоризируют ситуации как трудные жизненные (Битюцкая, 2007); позже добавлено еще 14 пунктов. При создании методики использован психосемантический прием субъективного шкалирования ситуаций по параметрам, соответствующим критериям когнитивного оценивания. Важной особенностью является обращение к субъективному опыту респондента: испытуемому предлагается проанализировать конкретные, актуальные для него жизненные трудности.

В исследовании по апробации методики приняли участие 704 человека (403 женщины и 301 мужчина) в возрасте 17—45 лет, проживающие в разных регионах России. Согласно результатам эксплораторного факторного анализа, методика делится на шкалы: общие признаки трудных жизненных ситуаций; неподконтрольность; непонятность ситуации; необходимость быстрого активного реагирования; затруднения в принятии решения; недостаточная прогнозируемость; сильные эмоции; перспектива будущего. Значение коэффициента внутренней согласованности альфа Кронбаха составляет 0,826. Полученные факторы соответствуют критериям оценивания. Общие признаки (к которым относятся значимость, беспокойство, повышенные затраты ресурсов) характеризуют трудные жизненные ситуации как категорию, частные признаки варьируют в зависимости от типа ситуации и личностных особенностей. Перечисленные критерии можно назвать когнитивными «шкалами», на основе которых совершается оценка трудности ситуации.

В заключение отметим, что описание образа трудной жизненной ситуации и «порождающих» его процессов было бы неполным без упоминания *психологической защиты*, которая, как неоднократно

было показано (Б.Д. Карвасарским, И.М. Никольской, Е.Т. Соколовой, З. Фрейдом, Н. Хаан и др.), «автоматически запускается», когда человек сталкивается с конфликтной/стрессогенной/трудной ситуацией. Результатом влияния механизмов психологической защиты всегда является искаженная картина ситуации в сознании человека. Мы предполагаем, что действие защитных механизмов может осуществляться на разных уровнях и этапах построения образа. Так, психологическая защита может исказить перцепт. При этом утрачивается способность ясно воспринимать ситуацию, например, человек может не замечать предмет, вызывающий конфликт. При воздействии механизмов защиты на осмысление образа возникают затруднения в понимании происходящего, определении характеристик ситуации. Влияние защитных механизмов на категоризацию и когнитивное оценивание проявляется в том, что ситуацию, несущую реальную опасность, человек не определяет как трудную (а порой, наоборот, воспринимает эйфорически). Совместно с В.А. Петровским мы описали когнитивное оценивание трудной ситуации как «антизащитный механизм»: человек должен оценить ситуацию как трудную, иначе он не преодолет ее (Битюцкая, Петровский, 2010). Наконец, психологическая защита может препятствовать осознанию смыслов. Подробный анализ и эмпирическое изучение формирования и трансформаций образа ситуации под влиянием психологической защиты составляют перспективу исследований в данном направлении.

Выводы

Проведенный анализ позволяет рассматривать когнитивное оценивание как процесс, участвующий в формировании и функционировании субъективного образа ситуации в индивидуальном сознании. Исходя из анализа положений теории А.Н. Леонтьева структура образа ситуации состоит из чувственного образа, значения ситуации, личностного смысла (как соотношения мотива и цели), репрезентируемого в сознании эмоцией. На наш взгляд, при изучении образа трудной жизненной ситуации важными элементами являются оценки как заключения о трудности ситуации. Кроме того, важно учитывать действие механизмов психологической защиты, изменяющих образ ситуации.

Теоретическими основаниями для понимания когнитивного оценивания как процесса построения образа ситуации являются следующие положения: концепция образа мира А.Н. Леонтьева; принцип единства когнитивного и эмоционального аспектов оценивания (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, школа О.К. Тихомирова); категоризация как основа процессов восприятия (Дж. Брунер, В.Ф. Петренко) и оценивания.

В опоре на эти положения и эмпирическое исследование результатом оценивания трудной жизненной ситуации являются:

- значимость ситуации как функция мотивов;
- установление соответствия происходящего мотивам и личностному смыслу как функция эмоций (механизм «эмоциональной индикации» смысла);
- определение успешности достижения цели, поставленной в ситуации;
- оценки степени подконтрольности, понятности, прогнозируемости ситуации, ее влияния на будущую жизнь;
- соизмерение своих возможностей с условиями;
- степень трудности как комплексная характеристика ситуации.

Такое понимание оценивания принципиально отличается от концепта Р. Лазаруса по методологическим основаниям (разделение *vs* единство когнитивного и эмоционального; теория стресса *vs* теория восприятия и концепция образа мира А.Н. Леонтьева), по описанию механизма (когнитивная оценка как детерминанта силы стресса *vs* оценивание как процесс формирования образа трудной жизненной ситуации) и по содержанию понятия (оценки «угроза», «потеря», «вызов», «контроль над ситуацией» *vs* оценивание в соотношении с мотивом, личностным смыслом, целью; оценка как заключение о трудности ситуации).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3—19. [**Ancyferova, L.I.** (1994). *Lichnost' v trudnyh zhiznennyh usloviyah: pereosmyslivanie, preobrazovanie situacij i psihologicheskaja zashchita*. *Psikhologicheskij Zhurnal*, 15, 1, 3—19]

Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. [**Berezin, F.B.** (1988). *Psichicheskaja i psihofiziologicheskaja adaptacija cheloveka*. Leningrad: Nauka]

Битюцкая Е.В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания // Психологическая наука и образование. 2007. № 4. С. 87—93. [**Bitjuckaja, E.V.** (2007). *Trudnaja zhiznennaja situacija: kriterii kognitivnogo ocenivaniya*. *Psihologicheskaja Nauka i Obrazovanie*, 4, 87—93]

Битюцкая Е.В., Петровский В.А. Когнитивное оценивание, психологическая защита и тревожность в структуре субъективного образа трудной жизненной ситуации // Психология индивидуальности: Мат-лы третьей Всеросс. науч. конф. (Москва, 1—3 декабря 2010 г.): В 2 ч. / Отв. ред. А.Б. Орлов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. Ч. 1. С. 87—88. [**Bitjuckaja, E.V., Petrovskij, V.A.** (2010). *Kognitivnoe ocenivanie, psihologicheskaja zashchita i trevozhnost' v strukture subektivnogo obraza trudnoj zhiznennoj situacii*. *Psihologija individual'nosti: Materialy tret'ej Vseross. nauch. konf. (Moskva, 1—3 dekabrja 2010 g.): V 2 ch.* / Отв. ред. А.Б. Орлов. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ. Ч. 1, 87—88]

Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: Пер Сэ, 2006. [Bodrov, V.A. (2006). *Psihologicheskij stress: razvitie i preodolenie*. Moskva: Per SE]

Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977. [Bruner, Dzh. (1977). *Psihologija poznaniya*. Moskva: Progress]

Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5—361. [Vygotzsky, L.S. (1982). *Myshlenie i rech'*. *Sobr. soch.*: V 6 t. T. 2. M.: Pedagogika, 5—361]

Гришина Н.В. Психология социальных ситуаций // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 121—132. [Grishina, N.V. (1997). *Psihologija social'nyh situacij*. *Voprosy Psihologii*, 1, 121—132]

Ениколопов С.Н. Три образующие картины мира // Модели мира / Отв. ред. Д.Н. Пospelов. М.: РАНС, 1997. С. 35—40. [Enikolopov, S.N. (1997). *Tri obrazujuschie kartiny mira*. In: D.N. Pospelov (Otv. red.), *Modeli mira* (ss. 35—40). Moskva: RANS]

Исаева Е.Р. Копинг-механизмы в системе приспособительного поведения больных шизофренией. Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 1999. [Isaeva, E.R. (1999). *Koping-mehanizmy v sisteme prispособitel'nogo povedenija bol'nyh shizofreniej*: Diss. ... kand. psihol. nauk. Sankt-Peterburg]

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. [Leontiev, A.N. (1977). *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. 2-e izd. Moskva: Politizdat]

Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3—13. [Leontiev, A.N. (1979). *Psihologija obraza*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2, 3—13]

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд. М.: Смысл, Академия, 2007. [Leontiev, A.N. (2007). *Lekcii po obshhej psihologii: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij*. 4-e izd. Moskva: Smysl, Akademija]

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. [Leontiev, D.A. (2007). *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti*. 3-e izd., dop. Moskva: Smysl]

Лурия А.Р. Предисловие редактора русского издания книги Брунера // Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977. С. 5—7. [Lurija, A.R. (1977). *Predislovie redaktora russkogo izdaniya knigi Brunera*. In: Bruner Dzh. *Psihologija poznaniya* (ss. 5—7). Moskva: Progress]

Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности: Учебно-научное издание. СПб.: Мед. пресса, 2002. [Rean, A.A., Kudashev, A.R., Baranov, A.A. (2002). *Psihologija adaptacii lichnosti: Uchebno-nauchnoe izdanie*. Sankt-Peterburg: Med. pressa]

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. [Petrenko, V.F. (1988). *Psihosemantika soznaniya*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. [Smirnov, S.D. (1985). *Psihologija obraza: problema aktivnosti psichического otrazhenija*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Тихомиров О.К. Психология мышления: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. [Tikhomirov, O.K. (2005). *Psihologija myshlenija: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij*. Moskva: Akademija]

Тихомиров О.К., Бабаева Ю.Д., Березанская Н.Б., Васильев И.А., Войскунский А.Е. Развитие деятельностного подхода в психологии мышления // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 191—234. [Tikhomirov, O.K., Babaeva, Ju.D., Berezanskaja, N.B., Vasiliev, I.A., Vojskunsij, A.E. (1999). Razvitie dejatel'nostnogo podhoda v psihologii myshlenija. In: *Tradicii i perspektivy dejatel'nostnogo podhoda v psihologii: shkola A.N. Leontieva* (ss. 191—234) / A.E. Vojskunsij, A.N. Zhdan, O.K. Tihomirov (Eds.). Moskva: Smysl]

Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. [Shmelev, A.G. (1983). *Vvedenie v jeksperimental'nuju psihosemantiku: teoretiko-metodologicheskie osnovanija i psihodiagnosticheskie vozmozhnosti*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Affleck, G., Tennen, H., Pfeiffer H., Fifield, J. (1987). Appraisals of control and predictability in adapting to a chronic disease. *Journal of Personality Social Psychology*, 53, 2, 273—279.

Arnold, M.B. (1960). *Emotion and personality*. Volume I: Psychological aspects. Volume II: Neurological and physiological aspects. New York: Columbia University Press.

Folkman, S., Lazarus, R.S., Gruen, R.J., DeLongis, A. (1986). Appraisal, coping, health status and psychological symptoms. *Journal of Personality Social Psychology*, 50, 3, 571—579.

Hudek-Knezevic, J., Kardum, I. (2000). The effects of dispositional and situational coping, perceived social support, and cognitive appraisal on immediate outcome. *European Journal of Psychological Assessment*, 16, 3, 190—201.

Lazarus, R.S., Folkman, S. (1984). *Stress, Appraisal and Coping*. New York: Springer Publishing Company.

Lazarus, R.S., Smith, C.A. (1988). Knowledge and appraisal in the cognition-emotion relationship. *Cognition and Emotion*, 2, 281—300.

Lazarus, R.S., Smith, C.A. (1990). Emotion and adaptation. In: L.A. Pervin (Ed), *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 609—637). New York: Guilford.

Lazarus, R., Speisman, J., Mordkoff, A., Davison, L. (1962). A laboratory study of psychological stress produced by a motion picture film. *Psychological Monographs: General and Applied*, 76, 34. Whole No. 553. Washington, D.C.: American Psychological Association.

Peacock, E.J., Wong, P.P. (1990). The stress appraisal measure (SAM): a multi-dimensional approach to cognitive appraisal. *Stress Medicine*, 6, 227—236.

Puente-Diaz, R., Anshel, M.H. (2005). Sources of acute stress, cognitive appraisal, and coping strategies among highly skilled Mexican and U.S. Competitive tennis players. *Journal of Social Psychology*, 145, 4, 429—446.

Weiner, B. (1992). *Human Motivation: Metaphors, Theories, and Research*. Newbury Park, CA: Sage.

Е. Е. Васюкова, О.В. Митина

ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ СПЕЦИФИЧНОСТИ КОДИРОВАНИЯ В ЭПИЗОДИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПОМИНАНИЯ ШАХМАТИСТАМИ ДЕБЮТНЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ)

В работе показана плодотворность идеи А.Н. Леонтьева о структуре деятельности для развития представлений о принципах, действующих в эпизодической памяти. Изучалось влияние шахматного мастерства, возраста и условий запоминания на эффективность воспроизведения последовательностей дебютных ходов. 39 шахматистов разной квалификации (от 2-го разряда до гроссмейстера) и возраста (от 17 до 81 года), разделенных на 4 группы (Эло¹>2000 до и после 40 лет; Эло<2000 до и после 40 лет), запоминали последовательности ходов в трех условиях (пассивное восприятие, физическое совершение ходов, воображение) и затем воспроизводили эти ходы на экране компьютера. Предполагалось, что в шахматах, предъявляющих большие требования к памяти, такое воспроизведение зависит не столько от соответствия условий запечатления и воспроизведения (принцип специфичности кодирования), сколько от возраста и от мастерства, опосредованного преднамеренной практикой, и в частности изучением дебютов. Установлено: а) базовый уровень воспроизведения (при пассивном запечатлении) зависит от возраста отрицательно и от рейтинга положительно и является максимальным у экспертов до 40 лет; б) рост результатов, по мере того как сближаются условия запечатления и воспроизведения, главным образом детерминируется межфакторным взаимодействием возраста и мастерства и оказывается наибольшим у шахматистов-экспертов после 40 лет; в) у экспертов запоминание в большей степени опосредуется знанием дебютных схем по сравнению с менее опытными шахматистами.

¹ Система рейтингов Эло — метод расчета относительной силы игроков в играх, в которых участвуют двое (например, сёги, го или шахматы). Эту систему разработал американский (венгерского происхождения) профессор физики Арпад Эло (венг. Árpád Élő; 1903—1992), и она была официально принята Международной шахматной федерацией (ФИДЕ) в 1970 г. Эло отражает успешность выступлений шахматистов в соревнованиях и является «золотым стандартом» их мастерства. Эло=2000 — водораздел между экспертами (Эло>2000) и не-экспертами (Эло<2000).

Васюкова Екатерина Евгеньевна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: katevass@yandex.ru

Митина Ольга Валентиновна — канд. психол. наук, вед. науч. сотр. лаборатории психологии общения ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. лабораторией количественной психологии МГППУ. E-mail: omitina@inbox.ru

This research was supported in part by NIA grant 5R01 AG13969 to Neil Charness.

Подтверждена и конкретизирована гипотеза о деятельностной специфичности кодирования информации в эпизодической памяти. Обнаружено, что внутренние переменные (квалификация и возраст) детерминируют эффект запоминания опосредованно — через внешние переменные (условия запечатления). Сделан вывод о единстве двух принципов кодирования информации в эпизодической памяти.

Ключевые слова: эпизодическая память, принципы специфичности и деятельностной специфичности кодирования, шахматное мастерство, возраст, структурное моделирование.

The effect of chess skill, age and memorizing's conditions on the efficiency of recall of sequences of opening chess moves was studied. 39 chess players of different skill (from 2 category to the grandmaster) and age (from 17 to 81 years old), divided into 4 groups (ELO>2000 before and after the age of 40; ELO<2000 before and after the age of 40), memorized the sequences of moves in three conditions (passive perception, physical making of moves, imagination) and recalled them, making the moves. It turned out that: a) in the passive perception condition more young chess players, on the one hand, and more highly skilled, on the other, significantly better recalled the moves; b) almost in all groups of players the success of the memory grows to the extent that, as converging conditions of memorizing and reproduction, with the highest growth rate found among chess players with ELO>2000 after 40 years; c) the current memorizing of chess experts (in comparison with intermediate players) to a greater extent mediated by opening schemes and knowledge. Confirmed and concretized the hypothesis about the activity-based encoding specificity in the episodic memory. But chess skill and age determine the effect of remembering by mediator – conditions of imprinting, so the principles of the encoding specificity and activity-based specificity act in unity.

Key words: episodic memory, the principles of encoding specificity and activity-based encoding specificity, chess skill, age, structural equation modeling.

От принципа специфичности кодирования к принципу деятельностной специфичности кодирования информации в эпизодической памяти

Согласно сформулированному в когнитивной психологии принципу «специфичности кодирования» в эпизодической памяти, при совпадении ключевых характеристик ситуаций запечатления (кодирования) и воспроизведения (извлечения) доступ к информации из прошлого облегчается. Однако «принцип специфичности предполагает пассивность субъекта и соответственно признает обусловленность точности работы эпизодической памяти внешними ситуативными причинами», — пишет В.В. Нуркова (2008, с. 211) и предлагает говорить о «принципе деятельностной специфичности»: стабильно кодируются те аспекты информационного потока, которые соответствуют развивающейся деятельности.

Представление А.Н. Леонтьева (1975) о структуре деятельности (в деятельности выделяются действия и осуществляющие их операции; деятельности соответствует мотив, действиям — цели, операциям — условия) оказалось плодотворным для изучения мышления и памяти в русле деятельностного подхода, для анализа и развития положений когнитивной психологии, а также для интеграции этих подходов. Последователями А.Н. Леонтьева была обоснована регулирующая роль структурных компонентов деятельности в мышлении и памяти, раскрыто единство мышления и памяти в деятельности.

В научной школе О.К. Тихомирова была выявлена структурирующая функция мотива в мышлении (Арестова, 2006; Богданова, 1978; Васюкова, 1985; Гурьева, 1973) и эвристическая функция эмоций (Виноградов, 1972); доказана важная роль аффективной памяти в подготовке и порождении новых целей (там же); изучено влияние нагрузки на кратковременную (преимущественно образную и действенную) память, создаваемую конкретными особенностями деятельности, на содержательные и динамические характеристики формулируемых целей (Знаков, 1978), а именно выявлена зависимость процессов целеобразования от нагрузки на оперативную память (как одно из проявлений единства памяти и мышления в реальной деятельности человека). Было обнаружено, что мыслительная деятельность состоит из процессов, подчиненных не только сознательной цели, но и невербализованному предвосхищению будущих результатов, а также из процессов формирования этих предвосхищений, которые нельзя сводить к операциям (Тихомиров, 1984).

В ряде работ отечественных и зарубежных психологов отмечалась зависимость продуктивности памяти от специфики актуальной деятельности. З.М. Истомина (1998) изучала развитие произвольного запоминания у дошкольников и показала, что в игровой деятельности продуктивность запоминания выше, чем в лабораторных опытах.

Применительно к непроизвольному запоминанию П.И. Зинченко (1998) показал, что его основная форма является продуктом целенаправленной деятельности, и лучше запоминается то, что соответствует цели деятельности, а не ее условиям. Ссылка на внимание недостаточна для объяснения этих результатов, что убедительно продемонстрировали материалы дополнительных опытов, проведенных П.И. Зинченко. Оказалось, что именно деятельность с объектами является основной причиной их непосредственного запоминания. Сделан вывод, что субъект отражает действительность как субъект действия, а не пассивного созерцания. Работы П.И. Зинченко послужили отправной точкой для создания уровневого подхода к исследованию памяти (Ф. Крэйк и Р. Локхарт), согласно которому запоминание является побочным продуктом процессов обработки информации. Выделено несколько уровней этой обработки — сен-

сорный, перцептивный, семантический и уровень отнесения к себе. Утверждается, что чем глубже обработка, тем прочнее след в памяти (см.: Величковский, 2006, т. 1, с. 375—382).

В исследовании Б.М. Величковского, Ф. Крейка и Б. Чэллиса ставился вопрос, можно ли установить соответствие между различными уровнями обработки при кодировании и уровневými механизмами при тестировании памяти (там же, с. 408—411). Разные формы кодирования (от перцептивного до семантического и метакогнитивного) были соотнесены с результатами многочисленных тестов памяти. Сделан вывод о более выраженном влиянии собственно уровней обработки по сравнению с эффектами специфического кодирования, но только для прямых тестов.

Исследуя в 2002 г. феноменологические особенности автобиографической памяти в зависимости от смыслового аспекта актуальной деятельности на материале воспоминаний москвичей о террористических актах в Москве в сентябре 1999 г., В.В. Нуркова (2009) обнаружила, что с ростом потребности в безопасности воспоминания об этих событиях становятся более яркими и детальными. Уточняя сформулированный ранее «принцип деятельностной специфичности кодирования», автор пишет, что данный принцип «предполагает детерминацию мнемических процессов соотносением материала с содержанием разноуровневых регуляторов актуально осуществляемой деятельности (ценностей, мотивов, целей, смыслов, способов реализации)» (там же, с. 66).

По нашему мнению, «принцип деятельностной специфичности кодирования» может быть распространен не только на актуальную, но и на предшествующую деятельность (кодирование материала может происходить в соответствии со спецификой предшествующей деятельности, и доступ к этому материалу может облегчаться при его совпадении с содержанием этой деятельности). Принцип деятельностной специфичности выступает не просто как комбинированная трактовка «принципа специфичности кодирования», а как самостоятельный. Более того, возникает вопрос о соотношении этих принципов. С нашей точки зрения, соответствие материала содержанию предшествующей деятельности может оказаться более существенным, чем совпадение условий запечатления и воспроизведения.

Шахматная игра как модель изучения деятельностных и ситуативных факторов, обуславливающих результат запоминания

Каким образом деятельностные и ситуативные факторы обуславливают результат запоминания? Поиск ответа на этот вопрос велся нами на материале шахматной игры, предъявляющей большие требования к памяти. Успех в этой игре обусловлен рядом особенностей

субъекта, среди которых хорошая шахматная память и сила воображения (о чем свидетельствует первая психограмма, а точнее, профессиограмма шахматиста, предложенная И.Н. Дьяковым, П.В. Петровским и П.Я. Рудиком — см.: Дьяков, 1926). Анализ природы шахматного мастерства и влияющих на него факторов показал следующее.

Высшие уровни шахматного мастерства не могут быть теоретически объяснены *ограниченным числом механизмов*, например объемом и организацией знаний. Так, в соответствии с факторной моделью приобретения шахматного мастерства (Charness et al., 1996), внешние (социальные и информационные) и внутренние (мотивационно-личностные) факторы воздействуют на когнитивную систему (совокупность «программного обеспечения» и «железа») **посредством практики**, что и приводит к мастерскому исполнению. Авторы модели, а также другие исследователи особо подчеркивают, что некоторые виды шахматной практики (например, серьезный самостоятельный анализ позиций) значимы не только для приобретения мастерства, но и для сохранения его с возрастом. К числу значимых компонентов такой «преднамеренной практики» (см.: Ericsson, 1996) можно отнести изучение дебютов (Васюкова, 2012б)².

Еще раз подчеркнем, что шахматная игра как модельный объект изучения общепсихологических закономерностей удобна тем, что в ней есть объективный критерий оценки мастерства — международная рейтинговая система. Индивидуальные рейтинги регулярно подсчитываются по результатам выступления шахматистов в рейтинговых турнирах на основе расчета ожидаемого результата. Существует градация индивидуальных коэффициентов в соответствии с общепринятыми представлениями об уровне игры шахматиста и сопутствующим разрядам и званиям. Например, Эло < 1000 ед. характеризует новичков, 2000 < Эло < 2199 — кандидатов в мастера, Эло > 2700 — гроссмейстеров, претендующих на звание чемпиона мира по шахматам.

Итак, среди факторов, влияющих на эффективность запоминания дебютных последовательностей ходов, могут быть **мастерство**, связанное с преднамеренной практикой в данной предметной области, **возраст** и **условия запоминания информации** (пассивное восприятие, физическое совершение ходов, воображение), которые в разной степени соответствуют условию воспроизведения — физическому совершению ходов.

² Как показали наши исследования (Васюкова, 2012а), в условиях компьютеризации шахмат возникли новые проблемы, связанные с памятью. Вот как формулирует проблему наш испытуемый, шахматный эксперт, международный гроссмейстер США: «Появление компьютеров привело к лавинообразному увеличению дебютной теории. Многие варианты, которые прежде считались сложными, непонятными, игровыми, ныне проанализированы до четкой, однозначной оценки или даже до голых королей. И все это надо помнить. То есть всем амбициозным шахматистам приходится очень много зубрить. Это тяжело...»

Исследование эффективности воспроизведения шахматистами разной квалификации и возраста дебютных последовательностей, запечатленных в разных условиях

Цель работы — определить эффективность воспроизведения последовательностей дебютных ходов в различных условиях их запоминания шахматистами, различающимися по квалификации (мастерству) и по возрасту. *Задачи*: 1) исследовать соотношение способа запечатления последовательностей дебютных ходов, возраста и уровня мастерства шахматистов с эффективностью доступа к данным последовательностям в наиболее типичной для шахматистов ситуации воспроизведения — совершения ходов на доске; 2) исследовать соотношение принципов «специфичности кодирования» и «деятельностной специфичности кодирования».

Испытуемые. 39 шахматистов разной квалификации (от 2-го разряда до международного гроссмейстера) и разного возраста (от 17 до 81 года, средний возраст $44,87 \pm 17,26$) были распределены в четыре группы: 1) с Эло < 2000, возраст < 40 лет (10 человек); 2) с Эло < 2000, возраст > 40 лет (10); 3) с Эло > 2000, возраст < 40 (9); 4) с Эло > 2000, возраст > 40 лет (10 человек). Среди наших испытуемых не было тех, чей Эло в точности равен 2000, а также тех, чей возраст в точности равен 40 годам, поэтому не было трудностей отнесения испытуемых к той или иной группе.

Метод исследования — анализ эффективности воспроизведения последовательностей шахматных дебютных ходов, запечатленных в трех условиях: 1-я серия — **пассивное восприятие ходов** на экране компьютера; 2-я серия — **физическое совершение ходов**, зрительно представленных в шахматной нотации³, самим испытуемым с помощью светового пера⁴; 3-я серия — **последовательное воображение ходов**, зрительно представленных в нотации, перед их совершением компьютером.

В 1-й серии очередной ход последовательно за белых и за черных на экране компьютера появлялся через 5 с. Во 2-й серии на совершение хода с помощью светового пера испытуемому давалось 5 с, и если он не укладывался в это время, ход делался компьютером автоматически. В 3-й серии испытуемому давалось 4 с на воображение хода, на 5-й с ход совершался автоматически. С точки зрения гипотезы о зависимости воспроизведения от совпадения условий запечатления

³ Шахматная нотация — это система условных обозначений полей доски и самих фигур, применяемая для записи ходов в партии или той или иной позиции. В эксперименте мы обозначали только перемещения (откуда и куда фигура осуществляет ход, например g1—f3).

⁴ Световое перо — это подключенное к экрану компьютера устройство типа ручки, с помощью которого можно перемещать фигуры с одного поля шахматной доски на другое.

и воспроизведения максимальное совпадение обеспечивалось во 2-й серии, минимальное — в 1-й серии.

Также проводился анализ субъективных отчетов, в которых испытуемые оценивали легкость серий, знание последовательностей и т.д. (Vasyukova, Mitina, 2013), но в рамках данной статьи результаты этого анализа не освещаются.

Экспериментальным материалом служили 6 длинных (по 20 полуходов)⁵ дебютных последовательностей (проб) в каждой серии.

Результаты

Для анализа влияния выделенных нами факторов на запоминание последовательностей, а также для анализа динамики воспроизведения и зависимости характеризующих ее параметров от возраста и шахматной квалификации использовались дисперсионный анализ со схемой повторных измерений и структурное моделирование.

Проверка на согласованность показала, что результаты воспроизведения различных проб внутри каждой серии высоко согласованы (показатель альфа Кронбаха не ниже 0.85). Этот факт позволяет усреднить оценки и рассматривать их в качестве показателей запоминания ходов каждой серии.

В табл. 1 видно: чем больше согласованность между условиями запечатления и воспроизведения, тем лучше происходит воспроизведение практически во всех группах испытуемых. Исключение составляет лишь группа экспертов до 40 лет. В 1-й серии (минимальная согласованность условий) результаты выше, чем в 3-й серии (промежуточной). Однако различия между этими сериями в данной выборке не являются значимыми. Тем не менее можно предположить, что молодые шахматисты, достигшие высокого уровня квалификации, в большей степени тренируются за компьютером именно в режиме, представленном в 1-й серии, и этот режим для них не менее привычен, чем воображение ходов по нотации.

Далее был проведен **дисперсионный анализ смешанной модели**. В качестве факторов, которые могли бы влиять на качество запоминания, учитывались возрастная группа, квалификационная группа и ситуация запоминания. Последний фактор был повторяющимся (*within subject*), т.е. каждый испытуемый в ходе эксперимента попадал в ситуацию реализации каждого уровня фактора, последовательно выполняя задания в случае пассивного воспроизведения, физического совершения и воображения ходов. Все эти факторы оказались

⁵ В шахматах «белые» и «черные» ходят по очереди. Под полуходом понимают ход одной из сторон.

Таблица 1

Средние показатели воспроизведения ходов и стандартные отклонения в подгруппах в зависимости от квалификации и возраста в различных условиях запоминания (серии упорядочены согласно возрастанию степени соответствия условий запечатления и воспроизведения)

Квалификация (Эло)	Возрастная группа (лет)	Серия 1. Пассивное восприятие ходов на экране компьютера		Серия 3. Воображение ходов, зрительно представленных в нотации		Серия 2. Физическое совершение ходов		Значимость попарных различий между сериями 1, 2, 3		
		Сред.	Ст. откл.	Сред.	Ст. откл.	Сред.	Ст. откл.	1 ↔ 2	1 ↔ 3	2 ↔ 3
<2000	<40	13.07	3.69	13.68	4.49	15.12	4.96	.022	.919	.285
<2000	>40	7.88	4.34	8.45	4.67	9.97	6.56	.083	.541	.214
>2000	<40	17.37	2.18	16.78	3.04	19.37	1.22	.012	.484	.028
>2000	>40	12.08	4.54	15.02	4.42	15.85	4.98	.008	.028	.236

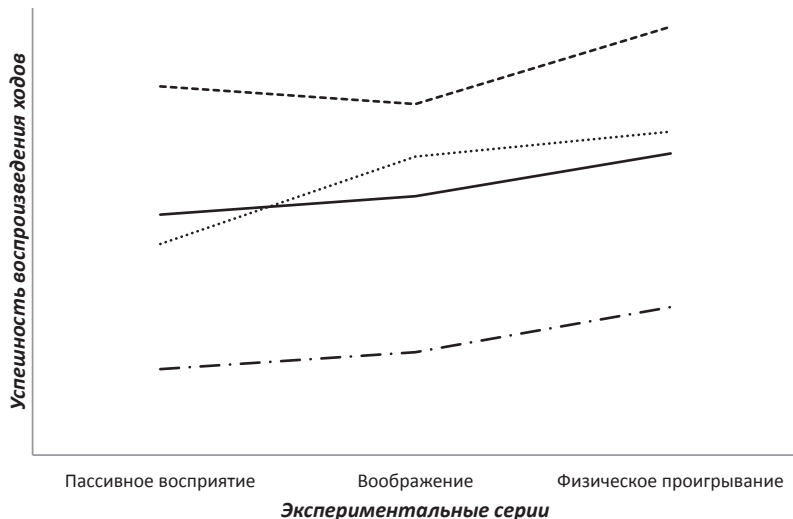


Рис. 1. Зависимость успешности воспроизведения ходов от ситуации запоминания. Условные обозначения: сплошная — не-эксперты до 40 лет; штриховая — эксперты до 40 лет; пунктирная — эксперты старше 40 лет; штрих-пунктир — не-эксперты после 40 лет

значимыми на уровне $p < 0.01$. Во всех трех сериях установлено значимое влияние факторов возраста и квалификации. Испытуемые до 40 лет воспроизводят ходы лучше, так же как и испытуемые с ЭЛО>2000 (рис. 1).

Для попарного сопоставления успешности воспроизведения в каждой серии внутри каждой группы использовался непараметрический критерий Уилкоксона. Стоит отметить, что в каждой группе был свой набор значимых и незначимых различий. В группе не-экспертов старше 40 лет динамика воспроизведения с увеличением согласованности условий запоминания и воспроизведения хоть и присутствует, но не является значимой ни в каком случае. То есть результирующие показатели в 1-й серии оказываются самыми плохими, далее по результативности идет 3-я, и самые лучшие результаты выявлены во 2-й серии (при физическом совершении ходов). Однако мы не можем уверенно утверждать, что выявленные различия между сериями не обусловлены случайными факторами. В группе экспертов того же возраста зафиксирован значимо низкий результат по 1-й серии, а различия между 2-й и 3-й серией статистически незначимы. У молодых экспертов получен статистически более высокий результат во 2-й серии, а у молодых не-экспертов значимо различаются между собой результаты 1-й и 2-й серии.

Для выявления и более наглядного представления определенных закономерностей в воспроизведении ходов, запечатленных в различных условиях, был использован **метод структурного моделирования** (Митина, 2006).

На первом этапе мы рассмотрели модель, в которой результаты воспроизведения ходов в каждой серии зависят от тех же *внутренних* (т.е. характеризующих испытуемых) переменных, что и в дисперсионном анализе, — возраста, квалификации (опыта) и взаимодействия этих переменных. Переменная, задающая это взаимодействие, была вычислена как произведение возрастной группы и квалификации. Модель была задана следующей системой уравнений:

Воспроизведение в 1-й серии = a_{11} *возраст* + a_{12} *опыт* + a_{13} *возраст* × *опыт* + E_1 ;

Воспроизведение во 2-й серии = a_{21} *возраст* + a_{22} *опыт* + a_{23} *возраст* × *опыт* + E_2 ;

Воспроизведение в 3-й серии = a_{31} *возраст* + a_{32} *опыт* + a_{33} *возраст* × *опыт* + E_3 .

Очень низкие показатели, характеризующие согласованность модели с экспериментальными данными ($\chi^2 = 81.494$, $df = 4$, p -значение = 0.000, CFI= 0.532, RMSEA= 0.714) свидетельствовали о недостаточности модели и необходимости ее усовершенствования.

С этой целью были введены дополнительные переменные, позволяющие учесть влияние **внешних** переменных, характеризующих условия экспериментальных серий (т.е. характер запоминания). Для проверки была выбрана модель, отражающая латентный рост воспроизведения в зависимости от характера запоминания (Митина, 2008). Серии были упорядочены по степени согласованности условий запечатления и воспроизведения.

Для анализа динамики воспроизведения и зависимости параметров, характеризующих эту динамику, от возраста и шахматной квалификации (опыта) была использована следующая система уравнений:

$$\text{Воспроизведение в 1-й серии} = 1 F_1 + 0 F_2 + E_1;$$

$$\text{Воспроизведение в 3-й серии} = 1 F_1 + 1 F_2 + E_3;$$

$$\text{Воспроизведение во 2-й серии} = 1 F_1 + 2 F_2 + E_2;$$

$$F_1 = a_1 \text{ возраст} + a_2 \text{ опыт} + a_3 \text{ возраст} \times \text{опыт} + D_1;$$

$$F_2 = b_1 \text{ возраст} + b_2 \text{ опыт} + b_3 \text{ возраст} \times \text{опыт} + D_2.$$

Данная модель соответствует предположению, что **для каждого испытуемого динамику воспроизведения в зависимости от условий можно записать как линейную функцию, характеризуемую некоторой константой** (соответствующей уровню воспроизведения в 1-й серии) **и скоростью роста** (углом наклона). Константе соответствует латентная переменная F_1 , углу наклона — латентная переменная F_2 . При этом предположили, что в 1-й серии множитель при угле наклона характеризовался 0, во 2-й серии +2, в 3-й (промежуточной) +1. Множитель при угле наклона соответствует выраженности независимой переменной, определяющей динамику (в нашем случае совпадения условий запечатления и воспроизведения). Чтобы проверить, как возраст и квалификация влияют на указанные латентные переменные, были включены уравнения 4 и 5. Величины коэффициентов a_i и b_i и их значимости вычислялись в процессе проверки согласованности модели с экспериментальными данными. Таким образом, согласно модели, латентные переменные F_i реализуют влияние внешних переменных на результаты деятельности и опосредствуют (являются медиаторами) влияние внутренних переменных.

Данная модель очень хорошо согласована с экспериментальными данными: $\chi^2 = 8.501$, $df = 7$, p -значение = 0.29, CFI= 0.991, RMSEA= 0.075 (рис. 2). Оказалось, что **уровень воспроизведения отрицательно зависит от возраста** (чем младше, тем уровень воспроизведения лучше) и **положительно — от квалификации** (чем она выше, тем воспроизведение лучше). А вот **наклон зависит исключительно от межфакторного взаимодействия**; он наибольший у экспертов старше 40 лет. Это значит, что именно у данной категории шахматистов

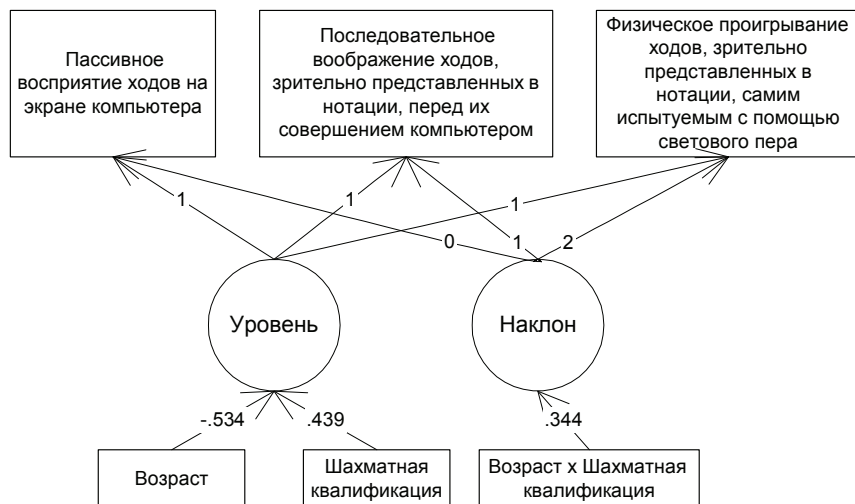


Рис. 2. Структурная модель динамики воспроизведения последовательностей дебютных ходов в зависимости от условий запоминания, возраста и квалификации шахматистов

идет наиболее быстрый рост успешности при воспроизведении при большем соответствии характера запоминания и воспроизведения, а базовый уровень воспроизведения (при пассивном запечатлении) лучше всего у молодых и квалифицированных. В итоге при максимальном соответствии воспроизведения и запоминания старшие эксперты обгоняют младших экспертов, а в воспроизведении при пассивном восприятии младшим экспертам нет равных.

Также были вычислены значимости опосредствованного влияния (через медиаторы) возраста и шахматной квалификации на результаты воспроизведения. В табл. 2 представлены значимые (на уровне $p < 0.05$) коэффициенты косвенной детерминации результатов

Таблица 2

Значимые косвенные детерминации результатов воспроизведения внутренними характеристиками

Серия	Возраст	Шахматная квалификация	Возраст x Шахматная квалификация
1-я	-.526	.433	
2-я	-.462	.380	.072
3-я	-.470	.386	.146

воспроизведения ходов внутренними переменными в каждой серии. Отметим, что они с точностью до третьего знака совпадают с аналогичными показателями, полученными нами при проверке модели непосредственного влияния. Однако введение дополнительных переменных, отражающих внешнее медиаторное воздействие, дало те же детерминационные коэффициенты (что подтверждает надежность вычислений), но существенным образом улучшило согласованность модели.

Согласно результатам, воспроизведение в 1-й серии ухудшается с возрастом и растет по мере роста шахматной квалификации:

$$\text{Воспроизведение в 1-й серии} = -0.526 \text{ возраст} + 0.433 \text{ опыт.} \quad (1)$$

Однако на результаты воспроизведения во 2-й и 3-й серии дополнительно влияет взаимодействие независимых переменных между собой. Чтобы лучше понять смысл этого влияния, можно указанные детерминации представить в виде уравнений

$$\text{Воспроизведение во 2-й серии} = -0.462 \text{ возраст} + 0.380 \text{ опыт} + 0.072 \text{ возраст} \times \text{опыт}; \quad (2)$$

$$\text{Воспроизведение в 3-й серии} = -0.470 \text{ возраст} + 0.386 \text{ опыт} + 0.146 \text{ возраст} \times \text{опыт.} \quad (3)$$

Уравнение (2) может быть преобразовано следующим образом:

$$\text{Воспроизведение во 2-й серии} = (-0.462 + 0.072 \text{ опыт}) \text{ возраст} + 0.380 \text{ опыт.} \quad (2')$$

Согласно написанному уравнению, высокая шахматная квалификация (опыт) в определенном смысле сглаживает негативное влияние возраста: негативный коэффициент становится меньше по абсолютной величине (высокий шахматный опыт кодируется положительными значениями). Можно теоретически предположить, что при очень большом значении переменной *опыт* (например, 7) возраст в итоге вместо отрицательного стал бы оказывать положительное влияние на результаты воспроизведения во 2-й серии. Но поскольку таких значений в нашей выборке нет (переменная «опыт» не превосходит 1), в имеющихся у нас случаях возраст всегда негативно влияет на результаты воспроизведения во 2-й серии.

Если же теперь уравнение (2) преобразовать иначе:

$$\text{Воспроизведение в 2-й серии} = -0.462 \text{ возраст} + (0.380 + 0.072 \text{ возраст}) \text{ опыт,} \quad (2'')$$

то можно аналогично сделать вывод: у испытуемых более старшего возраста опыт оказывает большее положительное влияние на результаты воспроизведения во 2-й серии.

По аналогии можно преобразовать уравнение (3):

$$\text{Воспроизведение в 3-й серии} = (-0.470 + 0.146 \text{ опыт}) \text{ возраст} + 0.386 \quad (3')$$

$$\text{Воспроизведение в 3-й серии} = -0.470 \text{ возраст} + (0.386 + 0.146 \text{ возраст}) \text{ опыт}. \quad (3'')$$

На рис. 3 и 4 представлены графики для уравнений (1), (2) и (3) при различных граничных значениях независимых переменных. Напомним, что эти графики представляют собой не сами данные, а **модели**, вычисленные на основе данных. Кроме того, результаты центрированы и стандартизированы относительно группы не-экспертов до 40 лет, поэтому внутри каждой серии показатели для этой подгруппы равны 0, а все остальные подгруппы измеряются в относительных показателях. Однако тенденции, представленные на рис. 1, отражающем реальные данные описательной статистики, совпадают с тенденциями, описываемыми моделью. Согласованность модельных и реальных тенденций подтверждает достоверность результатов. Графики позволяют с иной точки зрения рассмотреть взаимосвязь между анализируемыми переменными и наглядно отражают выявленные закономерности влияния внутренних переменных на успешность воспроизведения ходов в разных сериях. В большинстве

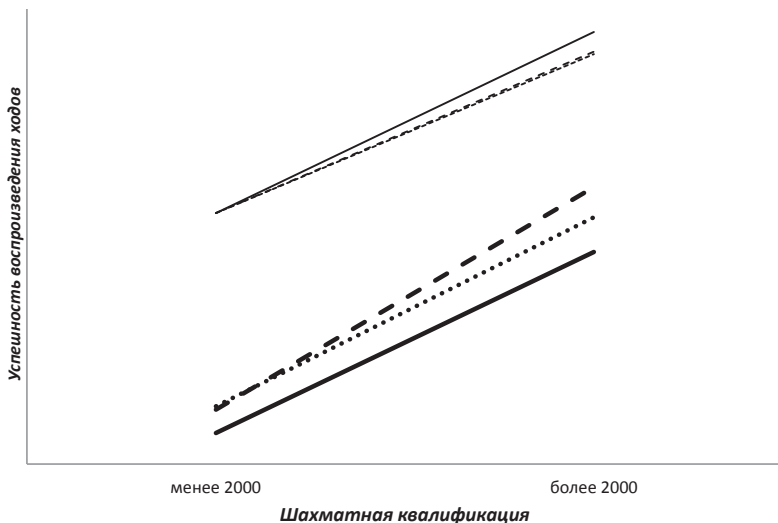


Рис. 3. Зависимость успешности воспроизведения ходов от квалификации в различных сериях в различных возрастных группах. Условные обозначения: тонкие линии соответствуют группе шахматистов до 40 лет, толстые — группе после 40 лет; сплошная — 1-я серия; пунктирная — 2-я серия; штриховая линия — 3-я серия

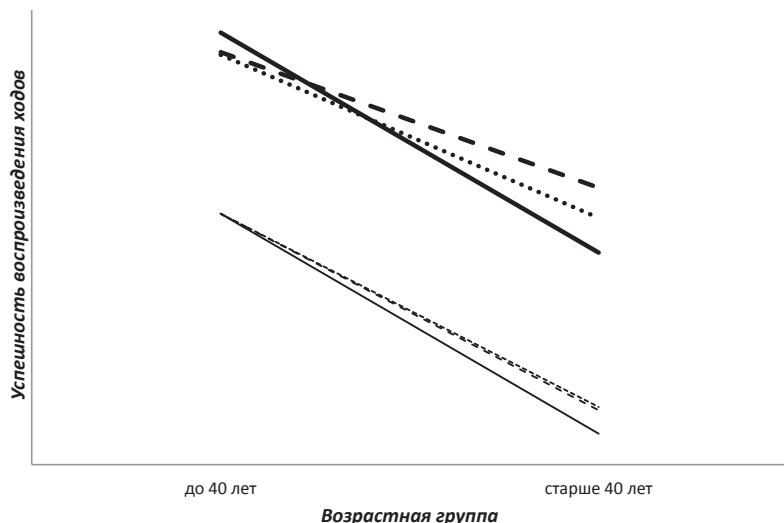


Рис. 4. Зависимость успешности воспроизведения ходов от возраста в различных сериях в различных квалификационных группах. Условные обозначения: тонкие линии соответствуют группе менее опытных, толстые — группе более опытных шахматистов; сплошная — 1-я серия; пунктирная — 2-я серия; штриховая — 3-я серия

случаев (рис. 3) люди старшей возрастной группы менее успешны в выполнении аналогичных серий, чем более молодые испытуемые. Однако в выполнении 3-й серии эксперты старше 40 лет могут быть успешнее не-экспертов до 40 лет. У младших дивергенция в ответах меньше, чем у старших испытуемых.

На рис. 4 мы видим, что более опытные испытуемые, как правило, успешнее. Но есть исключение. В 1-й серии молодые не-эксперты могут давать лучшее воспроизведение ходов, чем эксперты старшего возраста.

Обсуждение

Лучшее запоминание последовательностей дебютных ходов шахматистами-экспертами объясняется большим запасом и лучшей организацией знаний, с опорой на которые осуществляется текущее запоминание. Обширные знания принято рассматривать как общий механизм, лежащий в основе мастерства в разных областях (De Groot, 1978; Chase, Simon, 1973), либо как один из его факторов (Charness et al., 1996). В самоотчетах эксперты также подчеркивали положительную роль общих дебютных схем и знаний в запоминании последовательностей ходов, многие отмечали, что знакомы с боль-

шинством вариантов. Испытуемые также подчеркивали смысловой характер запоминания.

Наивысшую продуктивность воспроизведения дебютных последовательностей в условиях физического совершения ходов (2-я серия) можно объяснить соответствием условий запечатления и воспроизведения. Успешность экспертов старше 40 лет в данных условиях может быть связана с вовлечением моторной памяти, которая появляется первой в фило- и онтогенезе и дольше сохраняется (Блонский, 1998; Рибо, 1998). У данных шахматистов моторика, возможно, оживляет знания, с опорой на которые осуществляется текущее запоминание. И здесь можно сослаться на моторную теорию внимания Н.Н. Ланге, в соответствии с которой усиление образа памяти происходит именно за счет моторного компонента воспоминания: «...наша власть над силой наших воспоминаний объясняется только косвенным действием воли: в воспоминаниях есть тот кончик (двигательный элемент), за который мы всегда можем потащить и тем вытянуть весь клубок» (Ланге, 1976, с. 135).

Наибольший прирост в результатах экспертов более старшего возраста свидетельствует в пользу нашей гипотезы о том, что принцип «деятельностной специфичности» действует наряду и совместно с принципом «специфичности кодирования», обеспечивая кумулятивный эффект. То, что соответствие материала содержанию ранее осуществлявшейся деятельности оказывает большее влияние на запоминание, чем соответствие условий запоминания и воспроизведения, подтверждается и следующим фактом: в группе старших не-экспертов показаны плохие результаты воспроизведения во всех условиях запечатления дебютных последовательностей, хотя и имеется некоторая тенденция повышения результатов при сближении условий запечатления и воспроизведения (но значимых различий не обнаружено).

Высокий результат запоминания в условиях пассивного восприятия в группе молодых экспертов мы связываем с тем, что мастера быстрее шахматистов-разрядников и начинающих воспринимают шахматные позиции и кодируют их. По данным У. Чейза и Х. Саймона, «мастера способны быстрее воспринять позицию на доске и закодировать ее, а кроме того, они более эффективно структурируют то, что восприняли» (Клацки, 1998, с. 176). Анализ соотношения квалификации и возраста с особенностями восприятия шахматных позиций в цитируемой работе не проводился. Но логично предположить, что с возрастом скоростные показатели восприятия и кодирования у квалифицированных шахматистов могут ухудшаться и сближаться с показателями более молодых, но менее квалифицированных шахматистов. Этим можно объяснить плохие результаты

старших экспертов в 1-й серии. На результат может влиять также ослабление внимания с возрастом.

У старших экспертов визуализация хотя и ослабевает, но, как и моторная память, помогает в запоминании. Еще из работ И.Н. Дьякова, П.В. Петровского и П.Я. Рудика (Дьяков, 1926), предложивших первую профессиограмму шахматистов, было известно, что воображение — их профессионально важное качество. Эффективность этой группы во 2-й и 3-й серии позволяет заключить, что в условиях физического совершения ходов самим шахматистом, а также в условиях представления ходов мастерство может компенсировать негативные возрастные изменения. Лучшие результаты в 1-й серии у молодых не-экспертов позволяют сделать вывод, что в условиях пассивного восприятия мастерство не компенсирует возрастные снижения скорости восприятия и кодирования информации, что негативно влияет на воспроизведение.

В целом невысокая согласованность реальных результатов запоминания и оценок испытуемыми легкости запоминания соответствует тому факту, что усилия и активность субъекта в отношении какого-либо материала повышают эффективность его запоминания (Нуркова, 2008).

Построение моделей структурных уравнений показало, что на эффективность запоминания возраст и квалификация (внутренние факторы) влияют опосредованно, через условия запечатления (внешние факторы). При этом на базовый уровень воспроизведения (при пассивном запечатлении) квалификация влияет позитивно, а возраст — негативно, а рост результатов при сближении условий запечатления и воспроизведения определяется межфакторным взаимодействием. Полученные результаты подтверждают гипотезу о деятельности специфичности кодирования в эпизодической памяти, в соответствии с которой стабильно кодируются те аспекты информационного потока, которые соответствуют ранее осуществлявшейся деятельности. Исходя из «правила десяти лет необходимой подготовки» и того факта, что шахматное мастерство, эффективно оцениваемое с помощью коэффициента Эло, во многом определяется таким видом преднамеренной практики, как серьезный самостоятельный анализ шахматной информации (Charness et al., 1996, 2005; Васюкова, 2009), принцип деятельности специфичности применительно к области шахмат может быть конкретизирован следующим образом. Стабильно кодируются те аспекты информационного потока (например, те последовательности шахматных дебютных ходов), которые соответствуют содержанию регулярно осуществляемой деятельности, связанной с серьезным самостоятельным анализом в области шахмат. Результаты позволяют говорить о единстве принципов деятельности специфичности и специфичности кодирования в

эпизодической памяти: эффективность воспроизведения определяют деятельностные детерминанты и возраст посредством ситуативных детерминант.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арестова О.Н. Аффективные искажения в понимании пословиц // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 83—93. [**Arestova, O.N.** (2006). *Affektivnyje iskazhenija v ponimanii poslovic*. *Voprosy Psihologii*, 1, 83—93]

Блонский П.П. Основные предположения генетической теории памяти // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 1998. С. 380—389. [**Blonskiy, P.P.** (1998). *Osnovnye predpolozhenija geneticheskoy teorii pamjati*. In: *Psihologija pamjati* (ss. 380—389) / Yu.B. Gippenreyter, V.Ya. Romanov (Eds). Moskva: CheRo]

Богданова Т.Г. Целеобразование при различной мотивации: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1978. [**Bogdanova, T.G.** (1978). *Celeobrazovanie pri razlichnoj motivacii*: Diss. ... kand. psihol. nauk. Moskva]

Васюкова Е.Е. Уровни развития познавательной потребности и их проявления в мыслительной деятельности: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1985. [**Vasyukova, E.E.** (1985). *Urovni razvitija poznavatel'noj potrebnosti i ih projavlenija v myslitel'noj dejatel'nosti*: Diss. ... kand. psihol. nauk. Moskva]

Васюкова Е.Е. Проблемы развития и сохранения шахматного мастерства // Психологические проблемы одаренности: теория и практика: Мат-лы VI Междунар. конф.: В 2 т. / Под ред. проф. Л.И. Ларионовой. Иркутск, 2009. Т. 2. С. 272—286. [**Vasyukova, E.E.** (2009). *Problemy razvitija i sohraneniya shahmatnogo masterstva*. In: *Psihologicheskie problemy odarennosti: teorija i praktika* (materialy VI Mejdunar. konf. v 2 t.) / L.I. Larionova (Ed). Irkutsk, T. 2. S. 272—286]

Васюкова Е.Е. Познание, опосредствованное информационно-поисковыми шахматными системами // Человек в информационном обществе: Сб. науч. статей по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. 31 мая—1 июня 2012 г. / Под общ. ред. А.Е. Войскунского, Л.М. Дубового. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2012а. С. 102—111. [**Vasyukova, E.E.** (2012a). *Poznanie, oposredstvovannoe informacionno-poiskovymi shahmatnymi sistemami*. In: *Chelovek v informacionnom obshhestve: Sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 31 maya—1 iyunya 2012 goda* (ss. 102—111) / A.E. Voiskunsky, L.M. Dubovoy (Eds). Penza: PGPU im. V.G. Belinskogo]

Васюкова Е.Е. Развитие шахматного мастерства: проблемы, принципы, методы // Спортивный психолог. 2012б. № 2. С. 9—15. [**Vasyukova, E.E.** (2012b). *Razvitie shahmatnogo masterstva: problemy, principy, metody*. *Sportivnyi Psiholog*, 2, 9—15]

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. М.: Смысл, Академия, 2006. [**Velichkovskij, B.M.** (2006). *Kognitivnaja nauka: Osnovy psihologii poznaniya* v 2 t. Moskva: Smysl, Akademija]

Виноградов Ю.Е. Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1972. [**Vinogradov, Yu.E.**

(1972). *Jemocional'naja aktivacija v strukture myslitel'noj dejatel'nosti cheloveka*: Diss. ... kand. psihol. nauk. Moskva]

Гурьева Л.П. Структура умственной деятельности человека в условиях автоматизации: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1973. [Gur'eva, L.P. (1973). *Struktura umstvennoj dejatel'nosti cheloveka v uslovijah avtomatizacii*: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Moskva]

Дьяков И.Н. Психограмма шахматиста // Шахматы. 1926. № 4. URL: <http://proint.narod.ru/oldj/fromcp/psychogr.htm> [D'yakov, I.N. (1926). Psihogramma shahmatista. *Shakhmaty*, 4. URL: <http://proint.narod.ru/oldj/fromcp/psychogr.htm>]

Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание и деятельность // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 1998. С. 465—475. [Zinchenko, P.I. (1998). Neproizvol'noe zapominanie i dejatel'nost'. In: *Psihologija pamjati* (ss. 465—475) / Yu.B. Gippenreiter, V.Ya. Romanov (Eds). Moskva: CheRo]

Знаков В.В. Мнемические компоненты целеобразования: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1978. [Znakov, V.V. (1978). *Mnemicheskie komponenty celeobrazovaniya*: Diss. ... kand. psihol. nauk. Moskva]

Истомина З.М. Развитие произвольного запоминания у дошкольников // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 1998. С. 653—657. [Istomina, Z.M. (1998). Razvitie proizvol'nogo zapominaniya u doshkol'nikov. In: *Psihologija pamjati* (ss. 653—657) / Yu.B. Gippenreiter, V.Ya. Romanov (Eds). Moskva: CheRo]

Клацки Р. Мнемонисты, шахматная игра и память // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 1998. С. 166—177. [Klacki, R. (1998). Mnemonisty, shahmatnaja igra i pamjat'. In: *Psihologija pamjati* (ss. 166—177) / Yu.B. Gippenreiter, V.Ya. Romanov (Eds). Moskva: CheRo]

Ланге Н.Н. Теория волевого внимания // Хрестоматия по вниманию / Под ред. А.Н. Леонтьева, А.А. Пузыря, В.Я. Романова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 107—143. [Lange, N.N. (1976). Teorija volevogo vnimanija. In: *Hrestomatija po vnimaniju* (ss. 107—143) / A.N. Leontiev, A.A. Puzyrej, V.Ya. Romanov (Eds). Moskva.: Izd-vo Mosk. un-ta]

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. [Leontiev, A.N. (1975). *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moskva: Politizdat]

Митина О.В. Основные идеи и принципы структурного моделирования // Уч. зап. кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ. Вып. 2 / Под общ. ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 272—296. [Mitina, O.V. (2006). Osnovnye idei i principy strukturnogo modelirovaniya. In: *Uchenye zapiski kafedry obschej psihologii MGU*, 2, 272—296 / B.S. Bratus, E.E. Sokolova (Eds). Moskva: Smysl]

Митина О.В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений // Экспериментальная психология. 2008. № 1. С. 131—148. [Mitina, O.V. (2008). Modelirovanie latentnyh izmenenij s pomosh'ju strukturnyh uravnenij. *Jekspperimental'naja Psihologija*, 1, 131—148]

Нуркова В.В. Память // Общая психология: учебник для студ. высш. учеб. заведений: В 7 т. / Под ред. Б.С. Братуся. Т. 3. М.: Академия, 2008. [Nurkova, V.V. (2008). Pamjat'. In: *Obschaja psihologija: uchebnik dlja stud. vyssh. ucheb. Zavedenij*: V 7 t. T. 3. Moskva: Akademija]

Нуркова В.В. Эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 60—67. [Nurkova, V.V. (2009). Jeffekt zavisimosti fenomenologicheskikh harakteristik mnemicheskogo obraza ot motivacionno-smyslovoj dinamiki dejatel'nosti. *Kul'turno-istoricheskaja Psihologija*, 2, 60—67]

Рибо Т. Общие амнезии (потери памяти) // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 1998. С. 54—61. [Ribo, T. (1998). Obshhie amnezii (poteri pamjati). In: *Psihologija pamjati* (ss. 54—61) / Yu.B. Gippenreiter, V.Ya. Romanov (Eds). Moskva: CheRo]

Тихомиров О.К. Психология мышления: Учеб. пос. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. [Tihomirov, O.K. (1984). *Psihologija myshlenija: Uchebnoe posobie*. Moskva.: Izd-vo Mosk. un-ta]

Charness, N., Krampe, R., Mayr, U. (1996). The role of practice and coaching in entrepreneurial skill domains: an international comparison of life-span chess skill acquisition. In: K.A. Ericsson (Ed.), *The road to excellence: the acquisition of expert performance in the arts and sciences, sports and games* (pp. 51—80). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Charness, N., Tuffiash, M., Krampe, R., Reingold, E.M., Vasyukova, E. (2005). The role of deliberate practice in chess expertise. *Applied Cognitive Psychology*, 19, 151—165.

Chase, W.G., Simon, H.A. (1973). The mind's eye in chess. In: W.G. Chase (Ed), *Visual information processing* (pp. 215—281). New York: Academic Press.

De Groot A. (1978). *Thought and choice in chess*. The Hague: Mouton. (Original work published 1946).

Ericsson, K.A. (1996). The acquisition of expert performance: An introduction to some of the issues. In: K.A. Ericsson (Ed), *The road to excellence: The acquisition of expert performance in the arts and sciences, sports, and games* (pp. 1—50). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Vasyukova, E.E., Mitina, O.V. (2013). Principle of the activity specificity in episodic memory. *Psychology in Russia*, 6. (In press).

А. Н. Гусев, С. А. Емельянова

РОЛЬ ЛИЧНОСТНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ В РЕШЕНИИ ПОРОГОВОЙ ЗАДАЧИ: ПСИХОФИЗИЧЕСКИЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье представлены результаты психофизического исследования (метод двухальтернативного вынужденного выбора) по различению громкости тональных сигналов. В эксперименте участвовали 106 испытуемых — 18 мужчин и 88 женщин, средний возраст — 31 год. Задача состояла в проведении качественного и количественного анализа того, как именно личностная диспозиция «Контроль за действием» и индивидуальные особенности саморегуляции оказывают влияние на характерную для каждого субъекта структуру процесса решения двух сенсорных задач разного уровня сложности. Обнаружено влияние механизмов личностной саморегуляции (опросники: «Контроль за действием», «Стиль саморегуляции поведения», «Самоорганизация деятельности») на показатели эффективности решения пороговой сенсорной задачи. На основе самоотчетов испытуемых проведен качественный анализ индивидуальных способов различения сигналов. Выделены и описаны дополнительные сенсорные признаки сравниваемых звуковых сигналов, использовавшиеся наблюдателями в качестве средств решения сенсорной задачи. Соотнесение особенностей личностной саморегуляции (ориентация на действие и ориентация на состояние, планирование, моделирование, гибкость и др.) с результатами качественного анализа позволило объяснить характерные для разных групп испытуемых изменения количественных показателей различения (ВР, вариативность ВР, сенсорная чувствительность). В рамках системно-деятельностного подхода в психофизике (А.Н. Гусев) осуществлено приложение принципа активности субъекта к традиционному исследованию. Получила развитие идея, что варьирование стимульной неопределенности приводит к трансформации соответствующего задаче функционального органа (А.Н. Леонтьев, А.А. Ухтомский).

Ключевые слова: различение громкости тональных сигналов, сенсорная задача, саморегуляция, контроль за действием, качественный анализ, индивидуальные различия.

Гусев Алексей Николаевич — докт. психол. наук, профессор кафедры психологии личности ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* angusev@mail.ru

Емельянова Светлана Анатольевна — канд. психол. наук, мл. науч. сотр. кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* oly_e@mail.ru

The psychophysical research on loudness discrimination of tonal signals (method 2AFC) has been carried out, N=106. The influence of self-regulation (questionnaires: HAKEMP-90, Style of self-regulation of behavior, Self-organization of behavior) on RT and sensory sensitivity index A' was found out. The qualitative analysis of individual ways of discrimination of signals was carried out. The relationships between loudness discrimination effectiveness and self-regulation processes characteristics mediating the sensory task decision were revealed. The applying the principle of subject's activity to traditional psychophysical research was accomplished in the frameworks of differential-psychological approach in psychophysics (A.N. Gusev). It is developed the idea that the variation of stimuli uncertainty leads to appropriate transformation of the functional organ (A.N. Leontiev, A.A. Ukhtomskiy) relevant to sensory discrimination task.

Key words: loudness discrimination of tonal signals, sensory task, self-regulation, personality disposition «Action versus state orientation», qualitative analysis, individual differences.

Введение

Об активности субъекта при решении пороговых сенсорных задач говорится в работах многих исследователей, однако конкретное содержание этого понятия остается недостаточно изученным и ясным. В ряде исследований выявлено, что в процессе сенсорной тренировки по мере усложнения задачи различения двух сигналов наблюдатели научаются работать со стимульными различиями, первоначально относимыми ими к зоне неразличения. В работах К.В. Бардина и соавторов было показано, что решение слуховой сенсорной задачи происходит с опорой на дополнительные признаки звучания, возникающие в ходе прослушивания звуковых стимулов (Бардин, Индлин, 1993). Феноменально это проявляется в улавливании так называемых «дополнительных сенсорных признаков» (ДСП) — модально-неспецифических характеристик, представляющих сенсорные качества не только слуховой, но и других модальностей, и собственно акустических признаков — сенсорных качеств слуховой модальности (там же). В одном из последних исследований на эту тему (Войтенко, 1989) показано, что на включение ДСП в процесс сенсорного различения непосредственное влияние оказывает та степень активности, с которой испытуемый вовлекается в процесс решения сенсорных задач.

На наш взгляд, использование наблюдателем ДСП при решении околороговых и пороговых сенсорных задач свидетельствует о том, что активность проявляется в специфичной для каждого конкретного субъекта структуре сенсорного действия. Максимально полный анализ и понимание механизмов сенсорных процессов возможны только при интеграции представлений объектного и

субъектного подходов через деятельностный план анализа работы наблюдателя. Условия сенсорной задачи, ситуационные переменные, рассматриваются нами как объектные факторы ее решения, а индивидуальные свойства наблюдателя — как субъектные (Гусев, 2004). Методология нашего исследования основана на идеях Н.А. Бернштейна (1966), А.А. Ухтомского (1978) и А.Н. Леонтьева (1975) о том, что задача порождает функциональный орган — временную структуру для объединения разнообразных ресурсов, обеспечивающих целенаправленную деятельность человека. Именно с этой точки зрения наши усилия направлены на прояснение роли устойчивых механизмов личностной саморегуляции, влияющих на процесс решения наблюдателями пороговой сенсорной задачи.

Поскольку работа в околопороговой области происходит при значительном дефиците сенсорной информации, высоком темпе предъявления стимулов, центральным противоречием в случае рассмотрения деятельности испытуемого является интрапсихический конфликт между необходимостью достижения определенных целей (например, эффективно различать сигналы) и имеющимися ресурсами. Это проявляется в виде дополнительных усилий, направленных на компенсацию ресурсного дефицита, либо, наоборот, в уходе от деятельности, стремлении уменьшить ресурсные затраты (Гусев, 2004; Уточкин, Гусев, 2006). Мы полагаем, что для объяснения одного из механизмов разрешения данного конфликта полезно использовать теоретические рамки метакогнитивной концепции контроля за действием Ю. Куля (Kuhl, 1992). В соответствии с ней процесс контроля за действием (в нашем случае сенсорным действием) опосредуется активно реализуемой субъектом стратегией, выражающейся в ориентации на совершаемое действие или свое собственное состояние как на различные проявления (модусы) личностной диспозиции. Кроме того, на наш взгляд, полезным будет обращение и к другим психологическим механизмам саморегуляции деятельности, разрабатываемым в отечественной традиции В.И. Моросановой (2010).

В настоящем исследовании задача состояла в проведении качественного и количественного анализа того, как именно личностная диспозиция «Контроль за действием» и индивидуальные особенности саморегуляции оказывают влияние на характерную для каждого субъекта структуру процесса решения сенсорной задачи различения сигналов по громкости.

Методика и процедура исследования

Испытуемые. В исследовании приняли участие 106 человек (18 мужчин и 88 женщин), средний возраст — 31 год. За участие в эксперименте испытуемые получали денежное вознаграждение.

Аппаратура и программное обеспечение. Для предъявления стимулов и регистрации ответов использовался персональный компьютер со стандартной звуковой картой и стереофонические головные телефоны АКГ (К-44). Ответы испытуемого и время реакции (ВР) фиксировались с помощью специального пульта. ВР оценивалось от конца стимульной пары до начала моторного ответа.

Экспериментальные планы были созданы с помощью компьютерной программы-конструктора «*SoundMake*» (авторы — А.Н. Гусев и А.Е. Кремлев). Результаты каждой серии опытов фиксировались с помощью этой программы.

Стимуляция. В качестве стимулов использовались тональные послышки частотой 1000 Гц и длительностью 200 мс, предъявлявшиеся бинаурально через головные телефоны. Межстимульный интервал — 500 мс, межпробный интервал — 3 с. Величина межстимульной разницы в разных сериях составляла 1, 2 или 4 дБ.

Процедура. В качестве психофизической процедуры использовался метод двухальтернативного вынужденного выбора. Испытуемому предлагалось прослушать два звуковых сигнала и решить, какой из них — первый или второй — является более громким. На протяжении двух дней с каждым испытуемым последовательно проводились два опыта, соответствовавших более простой (2 дБ) и более сложной (1 дБ) задачам различения сигналов. Каждый опыт состоял из тренировочно-ознакомительной серии (20—60 проб с разницей 4 дБ) и основной серии, состоящей из четырех блоков по 100 проб. Если ознакомительная серия была выполнена испытуемым безошибочно, то ему предлагалось перейти к основной серии. Те, кто совершал ошибки, далее не участвовали в эксперименте.

После выполнения каждого блока проб испытуемого знакомили с результатами его работы. Затем устраивалась пауза, во время которой испытуемый рассказывал экспериментатору о своих впечатлениях, возникавших в процессе выполнения задания. Протокол беседы записывался с помощью диктофона. В том случае, если испытуемый улавливал в звучании стимулов характеристики, отличные от параметра «громкость», ему предлагалось заполнить бланк стандартизированного самоотчета.

В диагностический блок вошли опросники: Ю. Куля «Контроль за действием» (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина (1997); «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой (2004), «Самоорганизация деятельности» (ОСД) в адаптации Е.Ю. Мандриковой (2008).

Обработка данных и анализ результатов. Для оценки эффективности исполнения сенсорной задачи по каждой серии рассчитывались показатели: 1) непараметрический индекс чувствительности A' , 2) среднее ВР по серии в целом (показатель скорости моторных реакций), 3) среднеквадратичное отклонение ВР по серии (показатель стабильности моторных реакций), 4) среднее ВР на правильные обнаружения, 5) среднеквадратичное отклонение ВР на правильные обнаружения.

В качестве независимых переменных выступили:

1. 3 шкалы фактора «Контроль за действием» — «Контроль за действием при неудаче», «Контроль за действием при планировании», «Контроль за

действием при реализации действия»; каждый субфактор (шкала) имел два уровня — «ориентация на действие» и «ориентация на состояние»;

2. Семь шкал опросника ССПМ: «Планирование» характеризует индивидуальные особенности выдвижения целей, сформированность у человека осознанного планирования деятельности; «Моделирование» позволяет диагностировать индивидуальную развитость представлений о внешних и внутренних значимых условиях, степень их осознанности, детализированности и адекватности; «Программирование» диагностирует индивидуальную развитость осознанного программирования человеком своих действий; «Оценивание результатов» характеризует индивидуальную развитость и адекватность оценки испытуемым себя и результатов своей деятельности и поведения; «Гибкость» диагностирует уровень сформированности способности перестраивать, вносить коррекции в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий; «Самостоятельность» характеризует развитость регуляторной автономности; интегральная шкала «Общий уровень саморегуляции» оценивает общий уровень сформированности индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности человека (для определения уровней факторов использованы нормы опросника; выделены группы испытуемых с низким, средним и высоким уровнями саморегуляции);

3. Показатель «Общий уровень самоорганизации деятельности» опросника ОСД (фактор имел три уровня — высокие, средние, низкие оценки по шкале).

Для дополнительного подтверждения отнесения испытуемых к группе «Ориентированных на действие» (ОД-) или «Ориентированных на состояние» (ОС-) методом контент-анализа проводилась обработка протоколов бесед с испытуемыми (Богомолова, Стефаненко, 1992; Krippendorf, 2004). Кодировка массива исследуемого текста осуществлялась двумя независимыми экспертами — профессиональными психологами, имеющими опыт использования этого метода. Кодировочная инструкция включала: 1) количественные единицы — отдельный протокол; 2) частоту упоминаний категорий и подкатегорий в единицах контекста, которая фиксировалась как тематическая; 3) качественные единицы — ОС- или ОД-центрирование.

Индикаторы ОС-центрирования: 1) взвешивание «за» и «против» различных альтернатив действия продолжается даже тогда, когда намерение уже субъективно сформировано; 2) центрирование на цели — уменьшение внимания к аспекту самого действия; 3) фиксирование на неуспехе, персеверация его переживания; 4) персеверация переживания успеха даже после достижения цели или персеверация самой тенденции действия в течение некоторого периода после его выполнения.

Индикаторы ОД-центрирования: 1) внимание направляется на релевантные действию содержания, усиление предметного момента; 2) относительно экономная переработка информации, избегается слишком долгое взвешивание альтернатив; 3) возникающие чувства — облегчающие действия (например, гнев к неуспеху, но побуждающий к новой попытке); 4) способность произвольно или непроизвольно противостоять влиянию чувств, мешающих реализации действия.

Была проведена оценка сходства выделенных качественных категорий контент-анализа с результатами, полученными по опроснику «Контроль за действием».

Данные обрабатывались с помощью дисперсионного анализа (ANOVA) в статистической системе IBM SPSS Statistics 20.0. Использовались процедуры однофакторного и двухфакторного дисперсионного анализа.

Результаты

Специфика мотивационно-волевой регуляции процесса решения более простой сенсорной задачи (межстимульная разница 2 дБ)

Сравнение среднеквадратичных отклонений величин ВР по серии в целом показало, что ориентированным на действие (ОД-) испытуемым (по сравнению с ориентированными на состояние — ОС-) свойственна бóльшая стабильность моторных реакций (0.13 против 0.16 с; $F(1.104)=16.714$; $p=0.0001$). Также установлено, что среднее ВР значимо выше у ОС-, чем у ОД-испытуемых (0.28 против 0.19 с¹), следовательно, они в целом тратят больше времени на различение двух сигналов по громкости ($F(1.104)=10.931$; $p=0.001$).

У испытуемых с низкими оценками общего уровня саморегуляции среднеквадратичное отклонение ВР для ответов типа «правильные обнаружения» выше, чем у испытуемых с более высокими оценками ($F(2.72)=3.621$; $p=0.032$). Множественные сравнения средних по критерию НЗР показали достоверные различия между группами испытуемых с низкими и средними (0.17 против 0.14 с), низкими и высокими (0.17 против 0.13 с) оценками (НЗР, $p=0.011$ и $p=0.042$ соответственно). То есть испытуемые, у которых потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения менее сформирована, тратят больше времени на различение сигналов.

Более стабильные моторные реакции по серии в целом обнаружены у испытуемых, получивших более высокие оценки по шкале «Моделирование» ($F(2.72)=3.793$; $p=0.027$). Достоверные различия обнаружены в группах с высокими (0.12 с) и средними (0.15 с) оценками ($p=0.008$), на уровне тенденции — между группами с высокими (0.12 с) и низкими (0.15 с) оценками ($p=0.07$).

На уровне статистической тенденции более быстрые моторные реакции обнаружены также у испытуемых, получивших более высокие оценки по этой шкале ($F(2.72)=2.907$; $p=0.061$). Сравнение групповых средних обнаружило достоверные различия между испытуемыми с высокими (0.14 с) и средними (0.23 с) оценками (НЗР, $p=0.022$), на

¹ Поскольку в исследовании использовалась процедура вынужденного выбора, некоторые испытуемые могли принимать решение о различии по громкости во время звучания второго стимула или даже до начала его предъявления, поэтому средние ВР могли фактически иметь столь небольшие значения.

уровне тенденции это различие выявлено между испытуемыми с высокими (0.14 с) и низкими (0.22 с) оценками (НЗР, $p=0.09$).

На уровне статистической тенденции выявлено, что у испытуемых с высокими суммарными баллами по опроснику «Самоорганизация деятельности» среднее ВР в целом по опыту ниже, чем у испытуемых, получивших низкие суммарные баллы ($F(2.72)=2.627$; $p=0.079$). Сравнение групповых средних показало достоверные различия между группами с низкими и высокими оценками (0.24 против 0.21 с) (НЗР, $p=0.025$), а на уровне тенденции — между группами со средними и высокими оценками (0.21 против 0.09 с) (НЗР, $p=0.059$). Аналогичные результаты были получены для ВР на ответы типа «правильные обнаружения» ($F(2.72)=2.989$; $p=0.057$); достоверные различия установлены между группами испытуемых с низкими и высокими (0.25 против 0.09 с), средними и высокими оценками (0.21 против 0.09 с) (НЗР, $p=0.017$ и $p=0.050$ соответственно). Следовательно, те испытуемые, которым свойственно планировать свою деятельность, в том числе с помощью внешних средств, тратят меньше времени на различение сигналов.

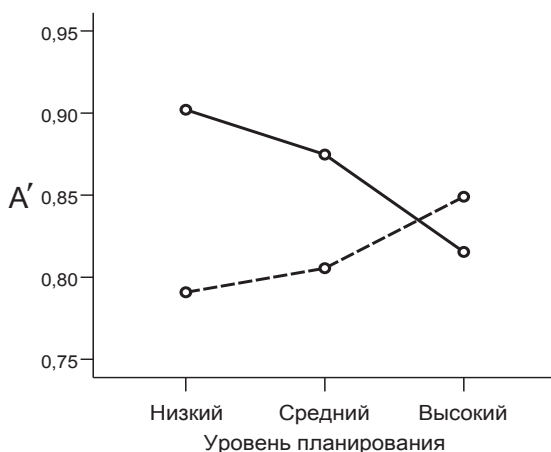
***Специфика мотивационно-волевой регуляции
процесса решения в сложной сенсорной задаче
(межстимульная разница 1 дБ)***

Выявлено, что среднее ВР по серии статистически значимо выше у ОС- (субфактор «Контроль за действием при неудаче»), чем у ОД-испытуемых (0.37 против 0.30 с) ($F(1.78)=6.691$; $p=0.011$), следовательно, они в целом тратят больше времени на различение громкости сигналов. Также установлено, что ОС- (субфактор «Контроль за действием при планировании») демонстрируют более высокий уровень дифференциальной слуховой чувствительности, чем ОД-испытуемые (0.8 против 0.85) ($F(1.78)=7.341$; $p=0.008$).

Разделение испытуемых на три группы по шкале «Оценивание результатов» опросника ССПМ выявило достоверные межгрупповые различия по стабильности моторных реакций типа «правильные обнаружения» ($F(2.72)=4.175$; $p=0.019$). У испытуемых, получивших высокие оценки по этой шкале, по сравнению с испытуемыми, получившими средние оценки, среднеквадратичные значения ВР были выше (0.17 против 0.14 с) (НЗР, $p=0.005$). Различий между испытуемыми с низкими и средними значениями не обнаружено. Следовательно, меньшая стабильность моторных реакций присуща тем испытуемым, которые руководствуются разнообразными критериями оценки, гибко адаптируясь к изменению условий.

Также установлены межгрупповые различия по шкале «Гибкость» в ВР по серии в целом ($F(2.72)=3.245$; $p=0.045$). У испытуемых с низкими показателями по этой шкале ВР значимо выше (0.41 с), чем у

испытуемых со средними (0.3 с) оценками (НЗР, $p=0.015$). Различие между группами с низкими и высокими оценками выражено на уровне тенденции (НЗР, $p=0.062$). Следовательно, менее «гибкие» испытуемые в целом тратят больше времени на различение громкости сигналов. Значимых различий между испытуемыми со средними и высокими значениями по данной шкале не обнаружено.



Зависимость величины показателя сенсорной чувствительности A' от принадлежности испытуемых к группе ОС (сплошная линия) или ОД (штриховая) и показателей по шкале «Планирование»

Исследование совместного влияния факторов «Контроль за действием при планировании» и «Планирование» на показатель сенсорной чувствительности A' выявило статистически значимый эффект межфакторного взаимодействия ($F(2.69)=3.254$; $p=0.045$) (рисунок). Данный эффект заключается в том, что в группе ОД- (штриховая линия) средняя величина сенсорной чувствительности ниже, чем в группе ОС- (0.819), и не зависит от уровня сформированности процессов осознанного планирования деятельности ($F(2.69)=0.105$; $p=0.900$). Напротив, ОС-испытуемые (сплошная линия) показали в целом более высокую сенсорную чувствительность (0.872). Кроме того, максимальная чувствительность наблюдается в группе с низким уровнем сформированности процессов осознанного планирования деятельности ($F(2.40)=3.737$; $p=0.033$). Среди ОС-испытуемых установлены статистически достоверные различия между группой с высоким уровнем планирования и группами с низким и средним уровнями планирования (НЗР, $p=0.010$, $p=0.049$ соответственно). На наш взгляд, самое яркое различие между ОС- и ОД-испытуемыми проявилось в группе с низким уровнем планирования деятельности (0.902 против 0.791).

Субъективные переживания в самоотчетах испытуемых

Для оценки сходства качественных категорий контент-анализа, фиксирующих особенности работы испытуемых как ОС- или ОД-ориентированных, с результатами, полученными по соответствующему опроснику, были построены таблицы сопряженности. Анализ полученных данных обнаружил высокую степень сходства двух типов оценок: для Эксперта 1 из 106 пар оценок расхождение было обнаружено лишь в 9 случаях, для Эксперта 2 — в 10. На наш взгляд, это свидетельствует в пользу надежности выделенных экспертами качественных категорий для предсказания устойчивых механизмов саморегуляции.

Анализ самоотчетов показал, что в целом ОС-испытуемые чаще говорили о своих эмоциях, описывали переживания, возникавшие при затруднениях и при успешном выполнении отдельных блоков проб; ссылались на особенности своих функциональных состояний. Как правило, ДСП, о которых они сообщали, представляли собой сложные зрительные, пространственные образы, цветовые ощущения, при этом некоторые улавливаемые ДСП не находили применения в решении задачи различения. Вот, например, высказывание ОС-испытуемого Б.А.: «Один из сигналов был желтым, другой — оранжевым. Желтый — сильнее. Звуки сблизилась по оттенкам, мне надо было не перепутать спектр. До этого звук был зеленый... не молния... не знаю, а сейчас цилиндры. Размер цилиндров даже можно оценить, легко. Они расположены передо мной, перед самым моим мысленным взором... Желтый — более активный, а значит, и громкий, оранжевый — менее активный... Может, это лишний расход энергии, но тем не менее мне удобнее их видеть, чтобы слышать». Работа ОС-испытуемых не ограничивалась выявлением дополнительных характеристик звучания стимулов в узком смысле, а включала также формирование способов оценки стимульных различий и уточнение впечатлений. Большинство ОС-испытуемых (67%) использовали для различения сигналов одновременно несколько наборов ДСП. С помощью одних они различали сигналы, а благодаря другим подтверждали свое решение.

По сравнению с ОС- ОД-испытуемые применяли небольшие наборы ДСП либо не применяли их вовсе, используя способы работы, которые полностью или частично исключали привлечение ДСП, а именно проговаривание вслух или про себя правильного ответа, принятие заранее (т.е. перед началом выполнения экспериментальной серии) решения о том, какую кнопку пульта нажимать в том случае, если возникнет затруднение, и т.п. Привлекаемые ими для различения признаки были относительно просты и не требовали продолжительного периода установления соответствия с параметром «громкость»: «Ориентировался на внутренний эквалайзер»

(ОД-испытуемый И.А.). Выбрав определенный способ различения сигналов, который приводил к успешному решению задачи, ОД-испытуемые, как правило, придерживались его и не пытались найти более подходящий даже тогда, когда начинали испытывать затруднения, например, при переходе от простой задачи к более сложной: «Честно говоря, чувствую, что достигла своего максимума. Остальное, мне кажется, зависит от слухового аппарата, а не от меня. Что касается стратегии, то я ее окончательно выбрала — стараюсь слушать сигналы целиком, мелодией» (ОД-испытуемая Г.Е.). Вместе с тем, если выбранная стратегия не была эффективной ранее, легко от нее отказывались.

Модально-неспецифические признаки, которые встречались в самоотчетах, приведены в таблице. В группе *модально-специфических, акустических признаков* преобладали ДСП, связанные с интонационными и тональными характеристиками. ОС- чаще ОД-испытуемых предлагали в качестве вспомогательных оригинальные признаки, набор признаков, использованных ими, разнообразнее (167 зарегистрированных случаев против 65).

Модально-неспецифические признаки. Данные самоотчетов

Модально-неспецифические признаки	Количество испытуемых (%)	
	ОС-	ОД-
Образы конкретных предметов	87.2	72.5
Графические схемы	89.0	49.0
Размер	92.7	80.3
Вербальное обозначение сигналов, название	85.4	58.8
Длина зрительного образа	30.9	35.2
Расположение в окружающем пространстве	43.6	41.1
Локализация звука в пространстве головы	50.9	25.4
Направление движения звука	69.0	9.8
Цветовые ощущения	56.3	15.6
Проприоцептивные ощущения	7.2	3.9
Кинестетические и тактильные ощущения	16.3	13.7
Продолжительность звучания	60.0	29.4
Яркость, интенсивность зрительного образа	90.9	62.7
Объем	23.6	13.7
Плотность	7.27	9.8
Скорость нарастания громкости	38.1	50.9
Ударение, особый акцент на более громком сигнале	69.0	52.9

62% ОС- и 25% ОД-испытуемых сообщили, что они пропевали или проговаривали про себя сигналы во время их звучания либо после их прослушивания; 21.8% ОС- и 3.9% ОД-испытуемых указали на то, что старались усилить впечатления от стимуляции с помощью движений. Характерно, что ОД-испытуемые, описывая сравниваемые по громкости сигналы, вдвое чаще соотносили их с сенсорными эталонами, которые они используют в своей повседневной или профессиональной жизни: 25.4% такого рода упоминаний находим в самоотчетах ОС- и 50.9% — у ОД-испытуемых. Например: «Мне стало интересно, какой это звук. Оказалось, что нота си (в перерыве подобрала его на блок-флейте). Если бы не знала, то подумала бы, что это фа-диез и тогда представляла бы ее другого цвета» (ОД-испытуемая Н.В.).

43.6% ОС- и только 13.7% ОД-испытуемых обнаруживали в звучании характеристики, отличные от параметра «громкость», но не находившие применения при решении задачи различения.

ОД-испытуемые почти вдвое чаще (52.9 против 29%) сообщали, что, решая простую задачу, могли принимать решение о том, какой из сигналов громче, уже после прослушивания первого сигнала и были готовы дать ответ раньше. 94.5% ОС- и 74.5% ОД-испытуемых указывали в самоотчетах, что пытались улавливать ритм, «мелодию звучания», поэтому давали ответ только после прослушивания обоих сигналов.

Очень характерно, что 35.2% ОД-испытуемых специально подчеркнули, что старались использовать такие приемы различения, благодаря которым им удавалось не учитывать ДСП, например: «Чтобы ориентироваться на эти характеристики, нужно думать, чтобы думать, нужно время, а времени мало. По громкости различать, так по громкости. Все остальное очень сбивает, слишком отвлекаюсь, стараюсь не вслушиваться, не обращать на них внимания» (ОД-испытуемая С.Ю.).

Обсуждение

Полученные в исследовании результаты подтвердили наше предположение о влиянии личностной диспозиции «Контроль за действием» и индивидуальных особенностей саморегуляции на эффективность сенсорного различения.

Анализ изменения моторного компонента выполнения двух сенсорных задач показал преимущество ОД- по сравнению ОС-испытуемыми, а также испытуемых с высоким уровнем саморегуляции (по опросникам ССПМ и ОСД). На наш взгляд, это вполне логично, поскольку низкие значения по шкале «Контроль за действием при неудаче» Ю. Куль интерпретирует как наиболее выраженную дисфункцию волевой регуляции и предполагает, что ОС-испытуемым

свойственна высокая отвлекаемость на посторонние раздражители, способная разрушить начатое действие (Kuhl, 1981, 1985). Данные самоотчетов также подтверждают это предположение. Рассказывая о своих ощущениях, такие испытуемые сообщали о трудностях инициирования действия, привлекали к обсуждению результатов своей работы многочисленные объяснения, приводили примеры из повседневной жизни, обсуждали причины своих успехов и неудач. В противоположность этому ОД-испытуемые не обнаруживали на уровне субъективных переживаний тех мыслей и эмоций, которые могли бы помешать реализации деятельности.

На наш взгляд, различия между ОД- и ОС-испытуемыми по величине ВР как скоростному показателю решения пороговой сенсорной задачи могут быть объяснены использованием наблюдателями разных стратегий анализа информации. Мы можем также предположить, что устойчивые индивидуальные особенности ОД- и ОС-испытуемых при решении сенсорной задачи во многом определяются мерой детализации исполнительских действий. Сходный результат, заключающийся в большей стабильности моторных реакций в простой задаче, обнаружен у испытуемых, получивших более высокие оценки по шкале «Моделирование». По-видимому, вслед за В.И. Моросановой (2004) мы можем его объяснить большей развитостью у них индивидуальной способности выделять значимые для решения задачи условия, а также степенью их осознанности.

Вместе с тем группа ОС- показала большую эффективность по сравнению с группой ОД- при решении более сложной (пороговой) задачи. Это преимущество проявилось прежде всего в сенсорном компоненте решения. По нашему мнению, более высокий уровень сенсорной чувствительности в группе ОС- может служить доказательством привлечения большего объема когнитивных ресурсов, направляемых на решение, что также подтверждается данными качественного анализа. Предполагается, что ОД-испытуемым свойственна более экономная стратегия переработки информации. Они избегают долгого принятия решения, их внимание направлено только на те впечатления, которые релевантны конечной цели действия.

Подчеркнем, что это предположение выглядит еще более убедительным, если обратиться к результатам анализа эффекта взаимодействия факторов «Контроль за действием» и «Планирование». ОС-испытуемые, которые заранее не выдвигали и не удерживали конкретных способов использования ДСП, а концентрировались на своих текущих ощущениях, возникавших по ходу решения сенсорной задачи (группа с низкими и средними оценками по шкале «Планирование»), демонстрировали более высокую сенсорную чувствительность по сравнению с теми, кто заранее определял для себя стратегию действия (высокие оценки по этой шкале). При этом

те ОД-испытуемые, которые заранее планировали, как они будут работать и при каких способах работы достигнут большего успеха, в своей группе обнаружили более высокую сенсорную чувствительность. Данные качественного анализа показали, что это происходило за счет того, что они не переставали улавливать ДСП даже в тех случаях, когда это оказывалось затруднительным. В отличие от них остальные ОД-испытуемые работали, как правило, ориентируясь на ситуативное изменение условий решения задачи и при возникновении затруднений легко отказывались от использования ДСП.

Полученная закономерность хорошо согласуется с данными других исследователей и служит свидетельством распределения ресурсов. Согласно Д. Канеману, существует единый ресурс внимания для различных задач, и расходование ресурса на выполнение текущих когнитивных операций зависит от сложности и значения этих операций для субъекта (Kahneman, 1973). В соответствии с этой идеей можно предположить, что в легкой задаче требуется минимальное усилие, при ее усложнении помимо увеличения расхода между требуемым и доступным количеством ресурсов неизбежно возрастает селективность перцептивных процессов (там же). В данном контексте недостаточное привлечение ресурсов (или более низкая активация) ОД-испытуемыми к решению сложной задачи может быть сопряженно с неадекватной оценкой ее сложности и неверной обратной связью относительно собственной продуктивности: они перестают использовать ДСП как средства, необходимые для компенсации сенсорного дефицита. Эта интерпретация хорошо согласуется с полученными данными об эффективности работы испытуемых, получивших разные оценки по шкале «Оценивание результатов» опросника ССПМ. Как полагает В.И. Моросанова (2004), люди, имеющие высокие оценки по этой шкале, в большей степени способны оценивать факт рассогласования полученных результатов с целью деятельности.

Наоборот, сверхвысокая активация ОС-испытуемых приводит к такому распределению ресурсов, при котором к дальнейшей переработке допускаются лишь некоторые стимулы, в то время как другие стимулы блокируются. Это происходит тогда, когда они начинают использовать слишком большие наборы ДСП, и некоторые из них не находят применения.

С точки зрения теории контроля за действием Ю. Куля, субъективные впечатления, которые возникают у испытуемых во время выполнения познавательной задачи, заполняют объем их кратковременной памяти (КП) (Kuhl, Helle, 1986; Kuhl, Kazen, 1994). В КП удерживается та информация, которая необходима для реализации актуального намерения. Если емкость КП уменьшена или полностью занята, то возникают затруднения в реализации основной цели —

выполнения инструкции различать сигналы по параметру громкости. ОД-испытуемые легче отказываются от тех целей и намерений, которые не осуществлены и не приводят к успеху. ОС-испытуемые, напротив, не отказываются от реализации намерений и своих целей даже тогда, когда они становятся нереалистичными. Полученные результаты хорошо согласуются с моделью М. Хамфриеса и У. Ревелла, в которой отмечаются снижение объема ресурсов КП с ростом усилия при одновременном росте ресурсов непрерывной переработки информации (Revelle, 1993).

Для обсуждения роли ситуационных факторов, снижающих доступность ресурсов, целесообразно обратиться к модели Д. Нормана и Д. Боброу и рассмотреть различие сигналов по громкости как процесс с ограничениями по данным и по ресурсам (Norman, Bobrow, 1975). По-видимому, влияние субфакторов «Контроль за действием при неудаче» и «Контроль за действием при планировании» зависит от того типа ограничений, которые содержит задача. Задавая разные уровни сложности задачи, мы манипулировали типом ограничений, накладываемых на сенсорно-перцептивную систему. Более сложное различие является задачей с ограничениями по данным, поскольку межстимульная разница достаточно мала и решение принимается на пределе сенсорных возможностей наблюдателя. Однако специфика пороговой сенсорной задачи заключается в том, что ее можно решить только при помощи средств, формирующихся именно в процессе ее выполнения (Бардин, Индлин, 1993). Поэтому полученные нами результаты о различиях в эффективности обнаружения сигнала при решении задачи различения ОД- и ОС-испытуемыми могут быть поняты как вполне закономерные. Сложная задача является для ОД-испытуемых задачей с ограничением по ресурсам, поскольку им не свойственно придавать большого значения субъективным впечатлениям и переживаниям, в то время как для ОС-испытуемых, склонных к избыточной переработке информации, степень доступности ресурсов влияет на общую продуктивность решения сенсорной задачи. Усилия, прикладываемые субъектом в процессе переработки информации, тем меньше, чем больше его цели совпадают с его текущими потребностями (Kuhl, 1992).

Заключение

Для теоретического обобщения полученных результатов мы считаем продуктивным использовать очень близкие, синонимичные понятия «воспринимающая функциональная система» (Леонтьев, 1975) или «функциональный орган» (Ухтомский, 1978). Психологические механизмы выполнения сенсорной задачи понимаются нами как своего рода функциональная воспринимающая система, выстраиваемая из наличных или потенциально имеющихся у субъекта

средств сообразно требованиям задачи (Гусев, 2004). Представленные в работе результаты хорошо согласуются с данными, полученными при исследовании психологических механизмов решения задач по обнаружению зрительных и слуховых сигналов, где показано, что варьирование типа стимульной неопределенности приводит к трансформации функциональной системы обнаружения сигнала, выражающейся в изменении операционального состава деятельности наблюдателя (Гусев, Чекалина, 2008; Уточкин, Гусев, 2006, 2007; Чекалина, Гусев, 2011). В нашем исследовании показано, что в качестве составляющих этого функционального органа могут выступать различные индивидуально-психологические особенности саморегуляции.

Как показывают классические исследования, переход к сложно опосредствованному способу выполнения сенсорной задачи в случае затруднения ее решения можно рассматривать как общепсихологическую закономерность, находящую разнообразное выражение во всех сенсорных процессах, в том числе и при решении сенсорных задач на различение (Ананьев, 1960; Веккер, 1974; Гордеева, Зинченко, 1982; Запорожец, 1986; Леонтьев, 1981). Таким образом, в нашем исследовании при анализе сенсорного процесса нашел подтверждение один из важнейших методологических принципов системно-деятельностного подхода — *принцип активности*.

Результаты дифференциально-психофизического исследования, выполненного нами в рамках методологии системно-деятельностного подхода, позволяют надеяться, что дальнейшее изучение проявлений активности субъекта в процессе решения сенсорных задач может быть перспективным в рамках не только количественного, но и качественного изучения внутренних детерминант результатов сенсорных измерений. На наш взгляд, развитие этого подхода позволяет более содержательно описывать психологические механизмы, включенные в процесс обнаружения или различения пороговых сенсорных сигналов, с учетом индивидуально-психологических особенностей наблюдателя и требований решаемой задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. [Ananiev, B.G. (1960). *Psihologija chuvstvennogo poznanija*. Moskva: Izd-vo APN RSFSR]

Бардин К.В., Индлин Ю.А. Начала субъектной психофизики: В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во ИП РАН, 1993. [Bardin, K.V., Indlin, Yu.A. (1993). *Nachala sub"ektnoj psihofiziki*: V 2 ch. Ch. 1. Moskva: Izd-vo IP RAN]

Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и активности. М.: Медицина, 1966. [Bernshjtejn, N.A. (1966). *Oчерki po fiziologii dvizhenij i aktivnosti*. Moskva: Medicina]

Богомолова Н.Н., Стефаненко Н.Г. Контент-анализ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. [Bogomolova, N.N., Stefanenko, N.G. (1992). *Kontent-analiz*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Беккер Л.М. Психические процессы: В 2 т. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. [Vekker, L.M. (1974). *Psihicheskie processy*: V 2 t. T. 1. Leningrad: Izd-vo LGU]

Войтенко Т.П. Сенсорная тренировка как фактор развития чувствительности: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1989. [Vojtenko, T.P. (1989). *Sensornaja trenirovka kak faktor razvitija chuvstvitel'nosti*: Diss. ... kand. psihol. nauk. Moskva]

Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. [Gordeeva, N.D., Zinchenko, V.P. (1982). *Funkcional'naja struktura dejstvija*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Гусев А.Н. Психофизика сенсорных задач: системно-деятельностный анализ поведения человека в ситуации неопределенности. М.: МГУ, УМК «Психология», 2004. [Gusev, A.N. (2004). *Psihofizika sensoryh zadach: sistemno-dejatel'nostnyj analiz povedenija cheloveka v situacii neopredelennosti*. Moskva: MGU, UMK «Psihologija»]

Гусев А.Н., Чекалина А.И. Влияние гибкости/ригидности познавательного контроля на эффективность решения сенсорных задач с разным уровнем информационной нагрузки // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Психологические науки». 2008. № 4. С. 27—39. [Gusev, A.N. Chekalina, A.I. (2008). Vlijanie gibkosti/rigidnosti poznavatel'nogo kontrolja na jeffektivnost' reshenija sensoryh zadach s raznym уровнем informacionnoj nagruzki. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija «Psihologicheskie nauki»*, 4, 27—39]

Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1986. [Zaporozhec, A.V. (1986). *Izbrannye psihologicheskie trudy*: V 2 t. T. 1. Moskva: Pedagogika]

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. [Leontiev, A.N. (1975). *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moskva: Politizdat]

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. [Leontiev, A.N. (1981). *Problemy razvitija psihiki*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Мандрикова Е.Ю. Опросник самоорганизации деятельности (ОСД). М.: Смысл, 2008. [Mandrikova, E.Ju. (2008). *Oprosnik samoorganizacii dejatel'nosti (OSD)*. Moskva: Smysl]

Моросанова В.И. Стиль саморегуляции поведения (ССПМ): Метод. пособие. М.: Когито-Центр, 2004. [Morosanova, V.I. (2004). *Stil' samoreguljicii povedenija (SSPM): Metodicheskoe posobie*. Moskva: Kogito-Centr]

Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010. [Morosanova, V.I. (2010). *Samoreguljacija i individual'nost' cheloveka*. Moskva: Nauka]

Уточкин И.С., Гусев А.Н. Роль активации в решении сенсорных задач различной сложности: ресурсный и функциональный подходы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2006. № 3. С. 21—32. [Utochkin, I.S., Gusev, A.N. (2006). Rol' aktivacii v reshenii sensoryh zadach razlichnoj slozhnosti: resursnyj i funkcional'nyj podhody. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 21—32]

Уточкин И.С., Гусев А.Н. Формирование функционального органа обнаружения порогового сигнала в условиях пространственной неопределенности //

Психофизика сегодня / Под ред. В.Н. Носуленко, И.Г. Скотниковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 309—319. [**Utochkin, I.S., Gusev, A.N.** (2007). Formirovanie funkcional'nogo organa obnaruzhenija porogovogo signala v uslovijah prostranstvennoj neopredelennosti. In: *Psihofizika segodnja* (ss. 309—319) / V.N. Nosulenko, I.G. Skotnikova (Eds). Moskva: Izd-vo «Institut psihologii RAN».]

Ухтомский А.А. Избранные труды. М.: Наука, 1978. [**Uhtomskij, A.A.** (1978). *Izbrannye trudy*. Moskva: Nauka]

Чекалина А.И., Гусев А.Н. Влияние импульсивности/рефлексивности на эффективность решения сенсорных задач с разным уровнем информационной нагрузки // Психологические исследования: Электрон. науч. журн. 2011. URL: <http://psystudy.ru> [**Chekalina, A.I., Gusev, A.N.** (2011). Vlijanie impul'sivnosti/reflektivnosti na jeffektivnost' reshenija sensoryh zadach s raznym urovnem informacionnoj nagruzki. *Psihologicheskie Issledovaniya: Jelektron. nauch. zhurn.* URL: <http://psystudy.ru>]

Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997. [**Shapkin, S.A.** (1997). *Jeksperimental'noe izuchenie volevyh processov*. Moskva: Smysl]

Kahneman, D. (1973). *Attention and effort*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Krippendorff, K. (2004). *Content analysis: an introduction to its methodology*. London: Sage Publications, Inc.

Kuhl, J. (1981). Motivational and functional helplessness: The moderating effect of action vs. state orientation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 40, 155—170.

Kuhl, J. (1985). Volitional mediators of cognition behavior consistency: Self-regulatory processes and action versus state orientation. In: J. Kuhl, J. Beckmann (Eds), *Action control: From cognition to behaviour* (pp. 101—128). Berlin: Springer-Verlag.

Kuhl, J. (1992). A theory of self-regulation: action versus state orientation, self-discrimination, and some applications. *Applied Psychology: An International Review*, 41, 95—173.

Kuhl, J., Helle, P. (1986). Motivational and volitional determinants of depression: The degenerated-intention hypothesis. *Journal of Abnormal Psychology*, 95, 247—251.

Kuhl, J., Kazen, M. (1994). Self-discrimination and memory: State orientation and false self-ascription of assigned activities. *Journal of Personality and Social Psychology*, 66, 6, 1103—1115.

Norman, D.A., Bobrow, D.G. (1975). On data-limited and resource-limited processes. *Cognitive Psychology*, 7, 1, 44—64.

Revelle, W. (1993). Individual differences in personality and motivation: “Non-cognitive” determinants of cognitive performance. In: A. Baddely, L. Weiskrantz (Eds), *Attention: selection, awareness and control: A tribute to Donald Broadbent* (pp. 346—373). Oxford: Oxford University Press.

А. Х. Фам, Д. А. Леонтьев

СУБЪЕКТИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ВЫБОРА В СИТУАЦИЯХ РАЗНОГО УРОВНЯ ЗНАЧИМОСТИ (ОКОНЧАНИЕ)

В статье представлено исследование процесса выбора и параметров его субъективного конструирования в реальных ситуациях разного уровня значимости. Проводится сравнение качественных и количественных особенностей ситуаций «судьбоносного» (С) и «повседневного» (П) выбора. В каждой из ситуаций выявляется связь качественных параметров деятельности выбора с устойчивыми особенностями личности. Предпринимается попытка выделения различных типов деятельности выбора в данных ситуациях. Результаты, полученные на выборке из 74 студентов (55 женщин и 19 мужчин) в возрасте 17—25 лет (ср. знач.=18.7 года, ст. отклон.=1.09) с использованием 3 основных (авторских) и 8 вспомогательных методик, позволяют сделать вывод о принципиальных качественных и количественных различиях между ситуациями С и П.

Ключевые слова: выбор, конструирование выбора, самоопределение, субъектность, спонтанность, личностные переменные.

The paper presents a study of choice process and parameters of its subjective construction in real life situations of different scale of importance. Qualitative and quantitative features of “fateful” (F) and “everyday” (E) choice situations were compared, in each situation the connection was found between qualitative parameters of choice activity with stable personality variables, an attempt was made to allocate different types of choice activity in these situations. The results obtained on a sample of 74 students (55 females and 18 males) of age 17—25 (median age = 18.7; SD = 1.09) with the use of 3 basic and 8 additional questionnaires allowed to make a conclusion about the essential qualitative and quantitative differences between situations of F and E choice.

Key words: choice, construction of choice, self-orientation, agency, spontaneity, personality variables.

Фам Анна Хунговна — аспирант кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, науч. сотр. лаборатории позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ. *E-mail:* anna.fam@gmail.com

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. лабораторией позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ. *E-mail:* dleon@smysl.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-36-01050).

В первой части статьи (Фам, Леонтьев, 2013) были рассмотрены задачи, методы и организация настоящего исследования. Было произведено сравнение качественных и количественных особенностей двух разноуровневых ситуаций выбора по следующим параметрам: содержание выбора и общий контекст ситуации, основательность, эмоциональное отношение к процессу выбора, самостоятельность, удовлетворенность выбором, сложность и значимость выбора. Полученные результаты позволяют говорить о том, что в ситуации С («судьбоносный» выбор) деятельность выбора носит более развернутый и осознанный характер, а в ситуации П («повседневный» выбор) она приобретает более свернутые, редуцированные формы.

Во второй части статьи анализируется связь качественных параметров деятельности выбора с личностными переменными, выявляются типы деятельности выбора и их связь с устойчивыми особенностями личности.

Выявление связи качественных параметров деятельности выбора с устойчивыми особенностями личности

Корреляции шкал СКВ с переменными личностных опросников

В целях исследования связи качественных параметров выбора с устойчивыми особенностями личности мы посчитали корреляции шкал опросника СКВ (в ситуациях С и П) с переменными личностных опросников, использовавшихся на обоих этапах исследования. Корреляционный анализ был проведен в программе SPSS (двумерные корреляции). Мерой взаимосвязи служил коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты корреляционного анализа (табл. 1) показывают, что *основательность выбора* связана с ориентацией на достижение и новизну, а также с наличием у человека целей в жизни. Более того, обдуманый и ответственный С-выбор совершают люди, стремящиеся к поиску положительного смысла в произошедшем событии, не склонные перекладывать на окружающих вину за пережитое и предпочитающие сложные задачи, а обдуманый П-выбор — те, которые стараются лучше выглядеть в глазах окружающих, предпочитают использовать рациональные стратегии принятия решений, верят в свои силы, считают свою жизнь достаточно осмысленной и при этом в данной конкретной ситуации выбора четко осознают критерии для сравнения имеющихся альтернатив.

Бесконфликтное отношение к процессу собственного выбора коррелирует с верой в свои силы и предпочтением такой стратегии когнитивной регуляции эмоций, как отвлечение на мысли о других, более приятных ситуациях вместо размышлений о пережитых затруднениях. Более того, люди, получающие удовольствие от С-выбора,

Таблица 1

Корреляции факторов СКВ (в ситуациях С и П) со шкалами личностных опросников. Жирным выделены корреляции, значимые на уровне $p \leq 0.01$; все остальные корреляции значимы на уровне $p \leq 0.05$

Ситуация выбора	Методика	Шкалы	Значение корреляции
Ф1: основательность выбора			
С	ТОМ	Ориентация на достижение	.349
		Ориентация на новизну	.244
	ОКРЭ	Позитивная переоценка	.247
		Обвинение других	-.260
	ШОТН	Отношение к сложным задачам	.279
П	СЖО	Цели в жизни	.272
	ТОМ	Ориентация на достижение	.324
		Ориентация на новизну	.274
		Социальная желательность	.318
	ЛФР-21	Рациональность	.255
	СЖО	Цели в жизни	.291
		Локус контроля — Я	.236
		Общий показатель осмысленности жизни	.234
	Анкета «Паспорт выбора» (П)	Очевидность критериев для сравнения альтернатив	.301
Ф2: бесконфликтность выбора			
С	ЛФР-21	Риск	.316
	ОКРЭ	Позитивная перефокусировка	.276
		Обвинение других	.278
	СЖО	Локус контроля — Я	.236
П	ТОМ	Ориентация на достижение	.259
		Ориентация на лидерство	.250
		Ориентация на новизну	.282
		Социальная желательность	.287
	РОКО-26	Автономия	.242
		Безличная каузальная ориентация	-.285
	ВСК	Общий показатель волевого самоконтроля	.314
		Настойчивость	.322
	ОКРЭ	Позитивная перефокусировка	.376
		Позитивная переоценка	.293
	СЖО	Цели в жизни	.333
		Процесс жизни	.466
		Результативность жизни	.374
		Локус контроля — Я	.348
		Общий показатель осмысленности жизни	.389

Ситуация выбора	Методика	Шкалы	Значение корреляции
Ф3: самостоятельность выбора			
С	ТОМ	Ориентация на новизну	.274
	ЛФР-21	Риск	.235
	ОКРЭ	Позитивная перефокусировка	-.270
	ШОТН	Толерантность/избегание неопределенности	-.242
П	ТОМ	Ориентация на достижение	.399
		Ориентация на новизну	.399
		Социальная желательность	.253
	РОКО-26	Автономия	.263
		Безличная каузальная ориентация	-.339
	ВСК	Общий показатель волевого самоконтроля	.343
		Настойчивость	.323
		Самообладание	.245
	ОКРЭ	Руминации	-.243
	СЖО	Цели в жизни	.288
		Процесс жизни	.252
		Результативность жизни	.256
		Общий показатель осмысленности жизни	.282
	Анкета «Паспорт выбора» (П)	Временная удаленность ситуации выбора от момента исследования	-.340
		Влияние выбора на текущую жизнь	-.332
		Эмоциональная нагруженность ситуации выбора	-.385
Ф4: удовлетворенность выбором			
С	Анкета «Паспорт выбора» (С)	Влияние выбора на текущую жизнь	.318
		Очевидность альтернатив выбора	.243
	ОКРЭ	Фокусирование на планировании	.307
	ШОТН	Отношение к сложным задачам	.257
		Предпочтение неопределенности	.242
П	ТОМ	Ориентация на достижение	.294
		Ориентация на новизну	.339
	ВСК	Общий показатель волевого самоконтроля	.246
		Настойчивость	.233
	ОКРЭ	Позитивная перефокусировка	.233
		Рассмотрение в перспективе	.284
	СЖО	Цели в жизни	.308
		Процесс жизни	.373
		Результативность жизни	.285
Общий показатель осмысленности жизни		.296	

склонны к риску (см. также: Козелецкий, 1991) и перекладыванию вины за пережитое событие на окружающих. С бесконфликтным отношением к **П**-выбору положительно коррелируют ориентация на достижение, лидерство и новизну, социальная желательность, автономная каузальная ориентация, волевой самоконтроль, настойчивость, осмысленность жизни (и такие частные ее показатели, как наличие целей в жизни, ее эмоциональная насыщенность и результативность) и поиск положительного смысла в произошедшем событии; отрицательная корреляция — с безличной каузальной ориентацией.

Самостоятельность выбора связана с ориентацией на новизну — тягой к поиску новых впечатлений, незнакомых ситуаций и сфер деятельности, изменению принятых решений и самого себя, творческому мышлению и отличию от других людей. Самостоятельный **С**-выбор также положительно коррелирует с риском и отрицательно — со склонностью отвлекаться на мысли о приятном вместо размышлений о пережитых затруднениях и толерантностью или избеганием неопределенности. Те же, кто предпочитает совершать автономный **П**-выбор, ориентированы на достижение, имеют высокие баллы по параметрам социальной желательности, автономности, волевого самоконтроля, настойчивости, самообладания, осмысленности жизни (в том числе ее эмоциональной насыщенности и результативности, а также наличия целей в жизни); в то же время наблюдаются отрицательные корреляции самостоятельного **П**-выбора с безличной каузальной ориентацией, склонностью навязчиво думать о негативном событии, большой эмоциональной нагруженностью ситуации выбора, ее временной удаленностью от момента исследования и влиянием выбора на текущую жизнь испытуемого (т.е. **П**-выборы из недавнего прошлого, а также выборы, вызывающие немного эмоций и практически не имеющие последствий для жизни, оцениваются как более самостоятельные).

Удовлетворенность С-выбором коррелирует с предпочтением сложных задач и неопределенности, со склонностью использовать такую стратегию реагирования на негативные события, как размышления о возможных шагах выхода из сложной ситуации, а также (применительно к конкретной ситуации) с очевидностью для человека вариантов, из которых предстояло выбирать, и с оценкой последствий выбора как значимых. Удовлетворенность **П**-выбором связана с ориентацией на достижение и новизну, волевым самоконтролем, настойчивостью, осмысленностью жизни (и ее частными показателями — наличием целей в жизни, ее эмоциональной насыщенностью и результативностью), а также с выбором таких способов переживания трудных ситуаций, как отвлечение на мысли о более приятных событиях и снижение исключительной значимости

произошедшего за счет сравнения его с другими, более сложными ситуациями.

Полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о принципиальном различии ситуаций выбора двух уровней значимости (на это указывают как количество, так и характер корреляций параметров деятельности выбора с личностными переменными в ситуациях С и П).

1. Параметры П-выбора оказываются связаны со многими переменными личностных опросников, в то время как в случае С столь выраженной связи не наблюдается (таким образом, С-выбор в меньшей степени предсказывается личностными характеристиками, нежели П).

Объяснение этого феномена мы видим в том, что С-выбор, происходящий в условиях большой неопределенности и риска и являющийся переломным событием в жизни человека, не предполагает обращения к готовым решениям, заранее заданным способам действия. В свете этого кажется закономерным то, что толерантность (и предпочтение) к неопределенности — одна из немногих личностных характеристик, сопряженных с конструированием С-выбора (и при этом не связанных ни с одним из параметров субъективного конструирования П-выбора, что указывает на принципиально различный характер ситуаций выбора двух рассматриваемых уровней).

Деятельность выбора в С — это разворачивающаяся здесь-и-сейчас деятельность самоопределения в проективной жизненной ситуации, имеющая своим итогом не только непосредственное предпочтение человеком одной из альтернатив, но и расширение круга целей и мотивов, появление нового, обобщенного видения ситуации выбора в целом (Петровский, 2010), а также формирование себя в процессе выбора, трансформация личности (см., в частности: Бергсон, 1992; Кравченко, 1987; Кьеркегор, 1998; Логинова, 2001; Рубинштейн, 1986; Maddi, 1998). Более того, необходимость совладания с неопределенностью, решение «задачи на смысл» (Леонтьев, 1977; Леонтьев, 2007) в С в каком-то смысле нивелирует различия между выбирающими, поскольку требует от любого человека много ресурсов (см., напр.: Лихачева, 2012), и в том случае, если внутренних ресурсов (опоры на интуицию, опыт, смыслы и ценности) для совершения качественного выбора не хватает, человек прибегает к помощи внешних средств (обращение к авторитетным лицам, увеличение промежутка времени на обдумывание альтернатив и др.). В ситуации П такая «компенсация» не требуется, поскольку цена вопроса невелика. Субъективное конструирование П-выбора во многом обусловливается личностными особенностями и накопленным опытом разрешения аналогичных ситуаций, а потому П-выбор — это скорее индикатор типовых жизненных стратегий человека.

2. Разные параметры **П**-выбора зачастую коррелируют с одними и теми же личностными переменными. Так, в случае **П** ориентация на достижение и на новизну (шкалы **ТОМ**), а также наличие целей в жизни и общий показатель осмысленности жизни (**СЖО**) взаимосвязаны со всеми четырьмя факторами **СКВ**; социальная желательность (**ТОМ**) — с основательностью, бесконфликтностью и самостоятельностью выбора; общий показатель волевого самоконтроля и настойчивость (**ВСК**), процесс и результативность жизни (**СЖО**) — с бесконфликтностью, самостоятельностью и удовлетворенностью выбором. Между тем в **С** подобное сходство в корреляциях отсутствует.

Таким образом, субъективное конструирование **П** представляется значительно более однородным: в отличие от **С** все входящие в его состав параметры находятся в тесной взаимосвязи. Об этом, в частности, свидетельствует сопоставление данных корреляционного анализа факторов опросника **СКВ** в **С** и **П**: в **С** только бесконфликтность выбора связана с удовлетворенностью выбором (0.477; корреляция значима на уровне $p=0.05$), в то время как в **П** наблюдаются взаимосвязи самостоятельности с основательностью (0.362; $p=0.05$), бесконфликтностью (0.326; $p=0.05$) и удовлетворенностью выбором (0.274; $p=0.01$), а также удовлетворенности с бесконфликтностью выбора (0.567; $p=0.05$).

Описанное «слипание» параметров субъективного конструирования выбора в **П** можно объяснить большей легкостью данной ситуации, однозначностью ее восприятия испытуемыми. Разрешение ситуации **С**, напротив, сопряжено с большей амбивалентностью мыслей и чувств, поскольку выбор одной из альтернатив с неизбежностью предполагает жертву — отказ от другой (см.: Василюк, 1997; Кьеркегор, 1998; Шварц, 2005). Удовлетворенность принятым решением при этом может быть достаточно высокой (см. первую часть статьи), в том числе и потому, что в результате процесса выбора, нередко длительного и мучительного, возникает ряд важных личностных приобретений.

Выделение типов деятельности выбора

При постановке данной задачи мы опирались на результаты одного из проведенных нами ранее исследований (Леонтьев, Фам, 2011), в ходе которого были выделены два типа деятельности выбора (так называемые субъектный, или автономный, и спонтанный), различающиеся особенностями его субъективного конструирования. Были обнаружены статистически значимые различия в личностных особенностях испытуемых, предпочитающих тот или иной тип деятельности выбора. Те, кто совершает субъектный выбор, обладают более высоким уровнем социальной желательности, психологиче-

ского благополучия, жизнестойкости, автономии и субъективного контроля, в то время как у предпочитающих спонтанный выбор более выражены проявления отчуждения в разных сферах жизни.

В качестве объекта анализа в упомянутом исследовании выступало принятие решения об участии/неучастии в выборах местных органов власти. В настоящей работе гипотеза о существовании различных типов деятельности выбора была проверена на материале разноуровневых выборов.

С этой целью была проведена процедура кластерного анализа (*Quick Cluster*, *K means Cluster* — *ANOVA*; затем — метод Варда, интервал — квадрат евклидова расстояния, стандартизация — z-шкала) отдельно для ситуаций **С** и **П**. В качестве объектов кластеризации были выбраны испытуемые, участвовавшие в исследовании, а в качестве переменных — шкалы СКВ.

Анализируя, чем именно различаются параметры субъективного конструирования выбора у испытуемых выделенных нами групп, в каждой из ситуаций мы применяли t-критерий для сравнения подвыборок по четырем факторам опросника.

Судьбоносный выбор

В результате кластеризации выделилось два кластера (46 и 27 человек). Основанием для разделения испытуемых на две группы

Таблица 2

**Сравнение двух групп испытуемых по 4 факторам СКВ
в ситуации С (t-тест)**

Факторы СКВ	Описательные статистики				Тест для независимых выборок			
	Группы (метод Варда)	Ср. знач.	Станд. отклон.	Станд. ошибка	Тест Левина на равенство дисперсий		t-тест на равенство средних	
					F-критерий	Значимость	Двусторон. значимость (допущение равенства дисперсий)	Двусторон. значимость (допущение неравенства дисперсий)
Основательность	1	23.91	4.97	0.73	0.000	.992	.483	.493
	2	23.04	5.37	1.03				
Бесконфликтность	1	19.22	4.93	0.73	1.632	.206	.000	.000
	2	12.37	4.10	0.79				
Самостоятельность	1	15.74	3.89	0.57	1.345	.250	.660	.673
	2	15.30	4.53	0.87				
Удовлетворенность	1	32.07	3.35	0.49	1.815	.182	.000	.000
	2	23.41	4.19	0.81				

послужили различия в эмоциональном проживании ситуации С (факторы — бесконфликтность выбора и удовлетворенность им). Существенные и значимые (на уровне $p=0.000$) различия обнаружались по указанным двум инвариантным параметрам СКВ (табл. 2): испытуемые, вошедшие в первую группу (46 чел.), оценивают свой выбор как значительно более бесконфликтный и верный, нежели представители второй группы (27 чел.).

Повседневный выбор

Проведя аналогичную процедуру, мы выделили два кластера (37 и 36 чел.). Применяв t-критерий для сравнения подвыборок по факторам СКВ, мы также обнаружили существенные и значимые (на уровне $p=0.000$) различия по двум параметрам, характеризующим эмоциональные аспекты выбора, — отношению к процессу выбора и удовлетворенности его результатом (табл. 3). Испытуемые, вошедшие в первую группу (37 чел.), оценивают свой выбор как значительно более эмоционально бесконфликтный и правильный, нежели представители второй группы (36 чел.).

Таким образом, результаты выявления типов деятельности выбора в ситуациях двух уровней значимости оказались аналогичны: основанием для выделения различий между группами являются эмоциональные параметры субъективного конструирования выбора.

Таблица 3

**Сравнение двух групп испытуемых по 4 факторам СКВ
в ситуации П (t-тест)**

Факторы СКВ	Описательные статистики				Тест для независимых выборок			
	Группы (метод Варда)	Ср. знач.	Станд. отклон.	Станд. ошибка	Тест Левина на равенство дисперсий		t-тест на равенство средних	
					F-критерий	Значимость	Двусторон. значимость (допущение равенства дисперсий)	Двусторон. значимость (допущение неравенства дисперсий)
Основательность	1	19.00	6.78	1.11	4.986	.029	.520	.519
	2	19.89	4.78	0.80				
Бесконфликтность	1	20.41	4.19	0.69	0.149	.700	.000	.000
	2	12.86	3.66	0.61				
Самостоятельность	1	17.89	4.38	0.72	0.165	.686	.609	.609
	2	17.36	4.45	0.74				
Удовлетворенность	1	29.35	4.08	0.67	0.342	.561	.000	.000
	2	20.81	4.82	0.80				

Сопоставив кластеры, полученные в ситуациях С и П, мы получили четыре группы испытуемых: С+ П+ (27 чел.) С+ П- (19 чел.) С- П+ (10 чел.) и С- П- (16 чел.) (знаком «+» мы обозначили удовлетворенность, а знаком «-» — неудовлетворенность процессом и результатом выбора). Данные двоих респондентов из общей выборки (74 чел.) были неполными, а потому были исключены из дальнейшей обработки. Сопоставление показало, что распределение испытуемых по кластерам в ситуациях С и П совпадает лишь частично: 46 человек (27+19) обнаруживают устойчивость эмоциональных параметров СКВ, в то время как у 26 человек (10+16) эмоциональные параметры СКВ в ситуациях С и П различаются. Это является дополнительным подтверждением нашей гипотезы о качественных различиях ситуаций С и П.

Выявление связи типов деятельности выбора с личностными особенностями

С целью проверки гипотезы о связи типов деятельности выбора с личностными переменными с помощью t-критерия было произведено сравнение личностных особенностей испытуемых, отнесенных к разным кластерам (отдельно для ситуаций С и П). Отталкиваясь от результатов корреляционного анализа (проиллюстрировавшего, что протекание С-выбора личностными характеристиками практически не предсказывается), мы предположили, что различия в личностных особенностях могут быть более выражены в П, нежели в С. Полученные данные позволяют говорить о подтверждении этого предположения.

Две группы, сформированные для С, имеют немногочисленные и незначительные различия по значениям шкалы «Позитивная перефокусировка» опросника ОКРЭ ($p=0.003$), а также «Социальная желательность» опросника ТОМ (0.014), «Отношение к сложным задачам» опросника ШОТН (0.028), «Процесс жизни» и «Локус контроля—Я» опросника СЖО (0.041 и 0.047 соответственно) — на уровне тенденции. Испытуемые, оценившие сделанный С-выбор как более эмоционально бесконфликтный и верный, несколько больше склонны в случае затруднения отвлекаться на мысли о более приятных событиях и ситуациях, имеют более выраженную склонность к социально желательному поведению, толерантны к сложным задачам, а также в несколько большей степени воспринимают жизнь и происходящие в ней события как интересные и эмоционально насыщенные и верят в свои силы.

Две группы испытуемых, выделенных в П, имеют высокозначимые различия по показателям шкал «Процесс жизни» (0.002), «Результат жизни» (0.006) и общему показателю осмысленности жизни (0.007) опросника СЖО, шкал «Руминации» (0.003) и «Позитивная

перефокусировка» (0.007) опросника ОКРЭ, а также «Отношение к сложным задачам» (0.043) и «Толерантность/избегание неопределенности» (0.013) опросника ШОТН, «Ориентация на лидерство» опросника ТОМ (0.067), «Безличность» опросника РОКО (0.015), «Настойчивость» (0.015) и общему показателю волевого самоконтроля (0.03) опросника ВСК, шкалы «Риск» опросника ЛФР (0.02) и «Цели в жизни» опросника СЖО (0.013) — на уровне тенденции. Испытуемые, испытывавшие больше приятных эмоций в процессе и результате совершения П-выбора, воспринимают жизнь как интересную и эмоционально насыщенную, проживают ее более осмысленно и испытывают больше удовлетворенности пройденным отрезком жизни, нежели представители второй группы. Также эти испытуемые несколько меньше склонны заикливаться на пережитой трудной ситуации и, напротив, чаще отвлекаются на мысли о других, более приятных событиях. Они обладают более высокой толерантностью к неопределенности, лидерскими качествами, настойчивостью, волевым самоконтролем, склонностью к риску и имеют цели в будущем. При этом для них менее свойственна безличная каузальная ориентация, чем для испытуемых, отнесенных ко второй группе.

Задачей следующего шага работы стало исследование того, какие различия имеются в личностных особенностях испытуемых, образующих два крайних полюса по эмоциональным параметрам СКВ — С+ П+ и С- П-.

Применив t-критерий, мы обнаружили значимые различия между группами по значениям шкал «Позитивная перефокусировка» опросника ОКРЭ (0.000), «Отношение к сложным задачам» опросника ШОТН (0.007), «Социальная желательность» опросника ТОМ (0.009), «Риск» опросника ЛФР (0.008) и шкал «Цели в жизни» (0.006), «Процесс жизни» (0.003), «Результат жизни» (0.007) и общему показателю осмысленности жизни (0.006) опросника СЖО. Различия на уровне тенденции были обнаружены по значениям шкал «Фокусирование на планировании» (0.059) и «Катастрофизация» (0.042) опросника ОКРЭ, «Толерантность/избегание неопределенности» (0.029) и общему показателю толерантности к неопределенности (0.04) ШОТН. Респонденты, которые испытывали более однозначные чувства в процессе совершения и высокосignификантных и малосignификантных выборов и были удовлетворены их результатом, склонны использовать более конструктивные стратегии совладания с неприятными ситуациями, лучше справляются с неопределенностью и склонны к риску, а также обладают более высокими показателями осмысленности жизни и социальной желательности, нежели респонденты из второй группы.

Сопоставление личностных особенностей испытуемых, обнаруживших и не обнаруживших устойчивость эмоциональных параметров СКВ, не выявило значимых различий между подвыборками.

Заключение

В ходе настоящего исследования мы выполнили ряд поставленных задач.

Сравнение качественных и количественных особенностей разноразрядных ситуаций выбора позволило показать ограниченность подхода к исследованию выбора «вообще», без определения степени его значимости (и без учета параметров его субъективного конструирования). Повседневный и судьбоносный выбор имеют разное феноменологическое содержание и операциональную структуру, различаются степенью осознанности, развернутости, сложности и др. Как и ожидалось, структуры деятельности П-выбора оказались более свернутыми, шаблонными, осуществляющимися преимущественно на уровне автоматизированных операций, в то время как С выбор осуществляется на уровне целостной развернутой деятельности.

Результаты корреляционного анализа факторов СКВ с устойчивыми особенностями личности подтвердили нашу гипотезу о принципиальном различии ситуаций выбора двух уровней значимости. В процессе судьбоносного выбора происходит изменение личности; деятельность самоопределения в этом случае носит творческий и сугубо индивидуальный характер, практически не обусловленный личностными характеристиками. В то же время процессуальные особенности повседневного выбора легче предсказать исходя из особенностей личности и ее качества жизни в целом.

Гипотеза о существовании различных типов деятельности выбора в ситуациях двух градаций значимости подтвердилась частично.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. [**Bergson, A.** (1992). *Opyt o neposredstvennyh dannyh soznaniya*. In: Bergson A. *Sobr. soch.: V 4 t. T. 1*. Moskva: Moskovskij klub]

Васильюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 284—314. [**Vasiljuk, F.E.** (1997). *Psihotehnika vybora*. In: D.A. Leontiev, V.G. Shchur (Red), *Psihologija s chelovecheskim licom: Gumanisticheskaja perspektiva v postsovetskoj psihologii* (ss. 284—314). Moskva: Smysl]

Козелецкий Ю. Человек многомерный (психологические эссе). Киев: Лыбидь, 1991. [**Kozeletskiy, Yu.** (1991). *Chelovek mnogomernyj (psihologicheskie jesse)*. Kiev: Lybid']

Кравченко Л.С. Жизненный выбор личности (психологический анализ): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1987. [**Kravchenko, L.S.** (1987). *Zhiznennij vybor lichnosti (psihologicheskij analiz)*: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Moskva]

Кьеркегор С. Наслаждение и долг. М.: Феникс, 1998. [K'еркегор, S. (1998). *Naslazhdenije i dolg*. Moskva: Feniks]

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. [Leontiev, A.N. (1977). *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moskva: Politizdat]

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. [Leontiev, D.A. (2007). *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti*. Moskva: Smysl]

Леонтьев Д.А., Фам А.Х. Как мы выбираем: структуры переживания собственного выбора и их связь с характеристиками личности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 39—53. [Leontiev, D.A., Fam, A.Kh. (2011). *Kak my vybiraem: struktury perezhivaniya sobstvennogo vybora i ih svjaz' s harakteristikami lichnosti*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 39—53]

Лихачева Е.Ю. Преодоление ситуации неопределенности в имитационных играх: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2012. [Lihacheva, E.Yu. (2012). *Preodolenie situacii neopredelennosti v imitacionnyh igrakh*: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Moskva]

Логинова Н.А. Жизненный выбор личности // Психобиографический метод исследования и коррекции личности: Учеб. пособие. Алматы: Казах. университет, 2001. [Loginova, N.A. (2001). *Zhiznennyj vybor lichnosti*. In: *Psihobiograficheskij metod issledovaniya i korrekcii lichnosti: Ucheb. posobie*. Almaty: Kazah. universitet]

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. [Petrovskij, V.A. (2010). *Chelovek nad situaciej*. Moskva: Smysl]

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101—108. [Rubinshtein, S.L. (1986). *Princip tvorcheskoj samodejatel'nosti*. *Voprosy Psikhologii*, 4, 101—108]

Фам А.Х., Леонтьев Д.А. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости (Часть 1) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2013. № 1. С. 84—96. [Fam, A.Kh., Leontiev, D.A. (2013). *Sub'ektivnoe konstruirovanie vybora v situacijah raznogo urovnja znachimosti (Chast' 1)*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 84—96]

Шварц Б. Парадокс выбора: Почему «больше» значит «меньше». М.: Добрая книга, 2005. [Shvarts, B. (2005). *Paradoks vybora: Pochemu «bol'she» znachit «men'she»*. Moskva: Dobрая kniga]

Maddi, S.R. (1998). Creating meaning through making decisions. In: P.T.P. Wong, P.S. Fry (Eds), *The Human Quest for Meaning. A Handbook of Psychological Research and Clinical Applications* (pp. 1—25). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА ТИХОМИРОВА

В. Е. Клочко

ОНТОЛОГИЯ СМЫСЛА И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ (РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С ЮБИЛЕЕМ О.К. ТИХОМИРОВА)

В статье рассматривается последовательность выхода культурно-деятельностной психологии, представленной именами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, О.К. Тихомирова, к онтологии смысла и психологическим механизмам порождения смыслов. Утверждается, что смысловая теория мышления О.К. Тихомирова преодолела пределы неклассических представлений о смыслообразовании и поэтому может рассматриваться в качестве составной части теоретико-методологического базиса современной когнитивной науки, осваивающей идеалы постнеклассической рациональности. Развиваемая сибирскими учеными системная антропологическая психология в своем развитии опирается на разработанные О.К. Тихомировым представления об онтологической природе операциональных смыслов и пытается определить возможности культурно-деятельностной психологии в новых (постнеклассических) условиях. При этом она опирается на представление о комплиментарном (избирательном и направленном) взаимодействии как механизме смыслообразования. Высказывается предположение, что комплиментарное взаимодействие проявляет себя на разных уровнях организации материи, тем самым обеспечивает устойчивость Универсума как саморазвивающейся системы.

Ключевые слова: смысловая теория мышления О.К. Тихомирова, теория психологических систем, смыслообразование, системная антропологическая психология, постнеклассическая наука, открытые системы, саморазвитие.

The paper shows the path from the cultural-activity approach, represented by the names of L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev, O.K. Tikhomirov, to the ontology of personal meanings and to the psychological mechanisms of generation of such meanings. It is argued that O.K. Tikhomirov's personal meanings theory

Клочко Виталий Евгеньевич — докт. психол. наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии ф-та психологии НИ ТГУ (Томск). E-mail: klo@nextmail.ru

of thinking has exceeded the non-classical notions of sense formation and can therefore be considered as a part of the theoretical and methodological basis of cognitive science, dealing with the ideals of post-nonclassical rationality. Siberian scientists developed systematic anthropological psychology in its development is based on the O.K. Tikhomirov ideas about the ontological nature of operational meaning and tries to determine the possibility of cultural psychology in the activity of new (post-nonclassical) conditions. However, it relies on the notion of complementarity (selective and directed) as a mechanism of interaction of meaning. It is suggested that a complimentary interaction manifests itself at different levels of organization of matter, thus ensuring the stability of the universe as self-developing system.

Key words: O.K. Tikhomirov's semantic theory of thinking, theory of psychological systems, systematic anthropological psychology, postnonclassical science, open systems, self-development.

О.К. Тихомиров: опережая время

Когда к концу 1960-х гг. *Олег Константинович Тихомиров* (1933—2001) вывел зарождающуюся научную школу к проблемам экспериментального изучения смыслообразования в мыслительной деятельности, никто, в том числе и сам ученый, не мог предположить, что впоследствии и само научное направление получит название «смысловая теория мышления О.К. Тихомирова». Впрочем, вряд ли кто-нибудь из участников экспериментального проекта в полной мере осознавал подлинный уровень проблемы и ее объективную сложность, прежде всего теоретическую. Спустя полвека понятие смысла начнет реально претендовать «на роль центрального понятия в новой, неклассической или постмодернистской психологии» (Леонтьев Д.А., 2003, с. 4).

Поэтому в те уже относительно далекие времена заняться поисками эмоционально-смысловой основы избирательности познавательных и поведенческих актов было делом рискованным. Даже к началу 1980-х гг. «...вопросы внутренней, в частности эмоциональной регуляции деятельности, обеспечивающей ее “самодвижение”, “саморазвитие”, т.е. творческий характер, остаются наименее исследованными» (Васильев и др., 1980, с. 3). Заметим, что используемые понятия (самодвижение, саморазвитие), даже обрамленные кавычками, указывают на прорыв теории далеко за пределы парадигмальных устоев того времени. Та самая «новая неклассическая, или постмодернистская психология», которая создается сегодня (в том числе и под названием «постнеклассическая психология»), имеет главный определяющий признак, характерный для всех наук эпохи постнеклассицизма. Предметом их исследования являются саморазвивающиеся (в том числе и за счет присущей им способности к самоорганизации) системы.

Поэтому смысловую теорию мышления, концептуальные основы которой заложил О.К. Тихомиров, сегодня можно рассматривать в качестве составной части теоретико-методологического базиса современной когнитивистики, определяющего стратегии психологического исследования мышления как сложнейшего феномена в пространстве современной когнитивистики.

Тем не менее нам, ученикам и последователям О.К. Тихомирова, до сих пор приходится доказывать, что изучение смыслообразования в лаборатории О.К. Тихомирова сразу вошло в контекст поиска тех факторов, которые устанавливают избирательность и направленность мыслительной деятельности, или, говоря современным языком, выступают в качестве «параметров порядка» в саморазвивающихся системах.

Что представляет собой самоорганизация с синергетической точки зрения? Она происходит в *пространственно распределенных системах*, потенциально обладающих бесконечным числом степеней свободы за счет выделения небольшого числа переменных, определяющих динамику всей системы. Эти переменные и представляют собой искомые «параметры порядка». И выделение этих аттракторов, определяющих всю последующую историю становления системы, было и остается основной и крайне плохо поддающейся теоретическому осмыслению проблемой современной теории самоорганизации.

Лишь в 1994 г. Г. Хакен пришел к выводу, что взаимодействие внутреннего и внешнего порождает параметры порядка, которые по своей природе являются внутренне-внешними (Хакен, 2001). О.К. Тихомиров обнаружил феномены субъективно-объективного порядка и ввел понятие «ценностно-смысловая структура ситуации», характеризующее эффект взаимодействия человека с объективно заданными условиями, намного раньше (Тихомиров, 1972, 1974). В борьбе с «кибернетической метафорой» первоначально возникла идея разведения психологической и информационной характеристик структуры задачи, которая в дальнейшем привела к дифференциации формальной и неформальной (т.е. смысловой и ценностной) структуры задачи (Тихомиров, 1975). Эта первичная дифференциация была необходима для последующей интеграции: было доказано, что объективно заданная ситуация в ходе мыслительной деятельности обретает ценностно-смысловые измерения.

В процессе многочисленных исследований было установлено, что в реальной мыслительной деятельности условия задачи не остаются неизменными. Первый уровень определяется формально-логической структурой условий задачи, заданной, например, в виде графов или перечня знаков. Второй уровень представлен ценностно-смысловыми измерениями, которые характеризуют субъективную

значимость отдельных элементов формально-логической структуры для организации поиска решения мыслительной задачи. Меняющиеся поисково-познавательные потребности обуславливают динамику ценностно-смысловой структуры ситуации и тем самым определяют процесс мыслительной деятельности с точки зрения его избирательности и направленности.

Так в рамках смысловой теории мышления наметился путь, ведущий к исправлению того, что Л.С. Выготский назвал «ошибкой нашего анализа». Анализируя причины кризиса, которые переживала созданная им теория, Л.С. Выготский отметил: «Ошибкой нашего анализа является то, что анализ ведется в 2-х планах: внешнее поле и смысловое поле — нет единства, а параллелизм и соответствие. Надо взять единый план...» (цит. по: Завершнева, 2008, с. 129). Выготский не успел исправить эту ошибку, но О.К. Тихомиров своим понятием «динамическая ценностно-смысловая структура ситуации» наметил путь ее исправления. По моему мнению, основное достоинство смысловой теории мышления заключается в том, что она исходно была направлена на преодоление дихотомии внешнего и внутреннего, объективного и субъективного. Дихотомии, на которой держалась классическая психология и которую не смогла в полной мере преодолеть психология неклассическая.

«Наш недостаток, — подчеркивает Л.С. Выготский, продолжая анализировать “ошибки” теории, — заключается в том, что “мы слишком поздно ввели системную точку зрения. Сейчас я понимаю все это глубже”» (там же, с. 133). В чем заслуга О.К. Тихомирова? В том, что он практически на заре становления смысловой теории мышления ввел в оборот системный конструкт «ценностно-смысловая структура ситуации». Этим конструктом О.К. Тихомиров указал на существование взаимоперехода между субъективной и объективной реальностями и порождение в этом переходе ценностей и смыслов как особых (системных) качеств, которые не только указывают возможное направление развития мыслительной деятельности, но одновременно актуализируют готовность человека двигаться в этом направлении.

С выявления многомерной системной природы этого конструкта мы (я и мои первые аспиранты) начали построение *теории психологических систем* (ТПС). Замечу, что исходная идея О.К. Тихомирова не только открывала путь к познанию многомерного пространства мыслительной деятельности. Это был прямой выход к онтологии смысла. В ТПС смыслы становились тем, что определяет границы жизненного мира человека, выделяет его из того пространства, которое часто называют безликим словом «окружение». Человек проецирует в это окружение свое состояние, свои актуальные потребности и возможности, создавая неповторимую, динамичную «смысловую

разметку» многомерного пространства жизни, обеспечивающего многомерность его бытия.

Необходимо согласиться с тем, что до сих пор психология уделяет мало внимания этому встречному движению человека к миру, предпочитая видеть в мире источник причин как нашего отражения, так и наших аффектов (в виде реакции на отраженное). Тем не менее именно в культурно-деятельностной психологии деятельность выступила как способ раскрытия отношения человека к миру и к самому себе, а сущность психики стала выступать с ее «положительной стороны» как «интенциональное отношение к предмету» (Выготский, 1986, с. 59). Главным для ТПС стал вопрос о том, каким образом интенциональное отношение человека транспонируется, проецируется в предметы и явления внешнего мира, делая их многомерными «человеческими предметами», отвечающими ожиданиям, намерениям, потребностям и возможностям человека. Заметим, что Л.С. Выготский никогда не прекращал поиск «психологических свойств внешнего», через которые человек обретает способность воздействовать на себя, «извне овладевать собой» (Выготский, 1982, с. 106). Но к этим сверхчувственным (психологическим) качествам предметов еще надо было выйти, сделав невероятно сложный ход — ввести отношение в отражение. Практически это выход к совмещению двух сторон «...единой характеристики сознания. Одна сторона — это процессуальная сторона, другая — феноменальная, смысловая, она же — предметная» (Леонтьев, 1994, с. 36).

Здесь стоит оценить правоту С.Л. Франка: «Человек есть живой центр духовных сил, направленных на действительность. Это внутреннее, субъективное отношение человека к действительности, эта *направленность* человеческой души на мир, образующая самое существо того, что мы зовем нашей жизнью... оставалась совершенно вне поля зрения обычной, так называемой “эмпирической психологии”» (Франк, 1995, с. 441).

И еще одну «ошибку» теории выделяет Л.С. Выготский: «...как только мы оторвали мышление от жизни (от динамики) — взяли его как понятие психического, а не психологического — мы закрыли себе всякий путь к выяснению и объяснению его главного свойства: определять образ жизни и поведения» (цит. по: Завершнева, 2008, с. 129). Интересное совпадение: первая же докторская диссертация, выполненная в рамках ТПС, была посвящена исследованию места и роли мышления в реальной жизнедеятельности (Красноярцева, 1997), и основная функция мышления открылась в ней именно таким образом, как и предполагал Л.С. Выготский. Эта функция заключается в постоянном выявлении противоречия между образом мира и образом жизни человека и в определении способов его разрешения. Образ жизни нельзя рассматривать изолированно от образа мира,

потому что изменение образа мира предполагает изменение образа жизни и, наоборот, изменение образа жизни оборачивается изменениями в образе мира человека. Становясь суверенной личностью, т.е. личностью, обладающей всей полнотой координат многомерного мира, человек получает возможность менять образ жизни, стимулируя тем самым дальнейшее развитие собственного мира. В разрешении противоречия между образом мира и образом жизни проходит и сама жизнь человека (Клочко, 1988; Клочко, Краснорядцева, 2001).

Если бы приведенные выше выдержки из заметок и дневниковых записей Л.С. Выготского были доступны нам в те времена, когда осуществлялись наши первые исследовательские программы, это поддержало бы уверенность в правильности выбранного пути и, может быть, облегчило бы восприятие материала коллегам. Однако необходимо по достоинству оценить научную интуицию О.К. Тихомирова, который вывел научное направление к изучению онтологии смысла и начал работать прямо с того места, на котором остановился Л.С. Выготский. Тогда мы еще не знали об этапах развития науки, хотя, конечно, понимали, что классическая наука использовала свой идеал рациональности, который вовсе не предполагал вторжения иррационального в сферу рациональных рассуждений, и что неклассическая наука подошла к проблеме «единства интеллекта и аффекта», и именно эту проблему пытались разрешить. Но мы не знали о том, что решение этой проблемы возможно только в рамках постнеклассической парадигмы. О ней, впрочем, мы тоже ничего не знали до известной публикации В.С. Степина в 1989 г. ([эл. ресурс]). Именно потому, что проблема единства аффекта и интеллекта была заявлена в неклассической психологии, а решения в ней получить не могла, и начались основные трудности, причем такого масштаба, что они стали определять судьбу научных школ и направлений.

Дело в том, что связка «интеллект → аффект», т.е. движение от отражения к переживанию результатов отражения, особых трудностей не вызывала. Казалось самоочевидным, что аффект следует за интеллектом, ибо нельзя относиться к чему-то, если оно еще не отражено. Вторая половина принципа единства аффекта и интеллекта — движение по линии «аффект → интеллект» — порождала трудности, на первых порах непреодолимые. Необходимо было объяснить, каким образом аффект (отношение) может идти впереди интеллекта, прокладывая дорогу познанию, определяя его избирательность и направленность.

Относительно самой проблемы единства аффекта и интеллекта А.Н. Леонтьев писал: «Я знаю, что она не была решена в смысле обратного движения аффект — интеллект. Она и не могла быть решена. Именно в силу того, что эта проблема осталась принципиально не разрешимой, все построение Льва Семеновича возвратилось к

классическим позициям французской социологической школы» (Леонтьев, 1994, с. 39). В связи с этим отметим, что О.К. Тихомиров сконцентрировал усилия именно на этой, остававшейся «принципиально неразрешимой» проблеме «аффект → интеллект».

Уже первые исследования О.К. Тихомирова и Ю.Е. Виноградова показали, что эмоциональные состояния входят в качестве необходимого компонента в состав человеческих эвристик. Эксперименты состояли в непрерывной объективной регистрации эмоциональных состояний (записывалась реакция изменения электрического сопротивления кожи) во время умственной работы по решению трудных шахматных этюдов. Было установлено, что эмоциональные состояния непосредственно участвуют в ограничении числа просматриваемых возможностей при выборе хода. Оказалось, что момент возникновения эмоциональных состояний приурочен к выявлению нового принципа действий. В этот момент происходит фиксация умственной деятельности на изучении вариантов, связанных только с этим найденным ходом. Было выявлено, что «сознательным оценкам хода как правильного или неправильного, хорошего или плохого предшествуют оценки эмоциональные, и на основании этих оценок осуществляется как бы предварительный, ориентировочный отбор» (Тихомиров, 1966, с. 31). Создается интенция, отражающая эмоциональную оценку, т.е. позицию субъекта по отношению к ситуации. Эти эмоциональные оценки, определяющие зону дальнейшего поиска, ограничивающие его, выступают в качестве эвристик (Тихомиров, Виноградов, 1969).

Указанные идеи О.К. Тихомирова, несмотря на их экспериментальное подтверждение, с трудом пробивали себе дорогу. В 1984 г. Б.Ф. Ломов напишет: «...Неясно, конечно, являются ли эмоции специфической формой отражения (наряду, например, с образной и знаковой) или их компонентом. Однако несомненно, что эмоции характеризуют состояния субъекта отражения и поэтому не могут не влиять на процесс отражения» (Ломов, 1984, с. 131). Иными словами, процесс отражения идет сам по себе, эмоции влияют на него, поскольку характеризуют состояние субъекта отражения. Вряд ли кто-нибудь станет опровергать это заключение. Гораздо труднее представить аффект не как то, что *влияет* на отражение, а как то, что *входит в процесс* отражения в качестве его органической составляющей, благодаря которой человек открывает для себя пространство свободного движения.

Психология в поисках онтологических оснований смысла

Однако было бы не совсем корректным считать, что вклад смысловой теории мышления в изучение процессов смыслообразования определяется исключительно открытием операциональных смыслов,

понимаемых как результат проекции в ситуацию деятельности текущих познавательных поисковых потребностей, развитие которых определяет смысловую динамику ситуации. Образ потребности, которая «находит себя в предмете» и тем самым порождает смысл как особую характеристику предмета, отражающую его способность отвечать на поисковый запрос, избыточно метафоричен. В нем сквозит антропоморфизм в виде образа потребности, обладающей собственной активностью, направленной на отыскание отвечающего ей предмета, и способностью различать предметы и оценивать их по критерию соответствия себе. Сам механизм смыслообразования при этом остается невскрытым. Исследования показывали, что в условиях актуальной (не мыслительной) деятельности проецируются не только потребности, но и возможности человека, которые также могут выполнять функцию источника активности, порождая смыслы другого рода, т.е. выступая в качестве «мотивообразующих смыслов», участвующих в трансформации тривиальной (алгоритмической, стереотипной и т.п.) деятельности в деятельность мыслительную (Тихомиров, Клочко, 1974, 1976, 1980; Тихомиров и др., 1984).

Задача поиска онтологических оснований смысла тем не менее не потеряла своей сложности. Трудности стали концентрироваться вокруг проблемы взаимосвязи смыслов и эмоций. Так, В.К. Вилюнас отметил, что психологическая интерпретация процессов смыслообразования «затрудняется прежде всего из-за неопределенного положения понятия «эмоция» среди объяснительных категорий теории деятельности, что проявляется, в частности, в неоднозначном описании соотношения между эмоцией и смыслом, эмоцией и мотивом» (Вилюнас, 1983, с. 198—199). Анализируя утверждение А.Н. Леонтьева о том, что эмоции регулируют деятельность, отражая тот смысл, который имеют объекты и ситуации, воздействующие на субъекта, В.К. Вилюнас говорит, что это утверждение можно понять двояко. С одной стороны, эмоции сами выражают смысл, являются формой его существования; с другой стороны, можно думать, что смысл имеет независимое онтологическое выражение, тогда как эмоции его отражают, о нем сигнализируют. По мнению исследователя, к последней трактовке склоняет утверждение А.Н. Леонтьева о том, что эмоции способны ставить перед субъектом «задачу на смысл», из которого следует, что эмоция — еще не смысл, последний возникает вслед за эмоцией в результате решения субъектом поставленной ею задачи (там же). Итак, являются ли эмоции формой существования смысла или смысл имеет независимое онтологическое выражение?

С моей точки зрения, эмоции могут быть признаны формой существования смысла в том случае, если сам смысл будет понят в его онтологическом выражении. Смыслы возникают в результате взаимодействия человека (понимаемого как открытая, саморазви-

вающаяся и самоорганизующаяся система) с его средой. В силу этого они (смыслы) выступают в качестве динамических внечувственных системных качеств, фиксирующих соответствие явлений и предметов текущим состояниям человека, его запросам и ожиданиям, обращенным в мир. Вот эти сверхчувственные качества предметов (смыслы и ценности) и «считывают» эмоции. Смыслы можно рассматривать как своеобразный отклик мира на эти запросы, а эмоции выступают в функции того, что обеспечивает смысловой характер сознания, благодаря чему достигается эффект осмысленности: в поле ясного сознания всегда попадает то, что имеет для человека актуальный смысл и ценность. Благодаря этому сознание человека оказывается сконцентрированным не на любом фрагменте «объективной реальности», а на выделенном смысловой разметкой актуальном («напряженном») секторе пространства жизни. В моей книге «Саморегуляция мышления и ее формирование» (Клочко, 1987) утверждалось, что если эти теоретические построения адекватны, то должны быть обнаружены нейроны подкорковых структур, специализированные на отражении смыслов.

Сделанное позднее открытие в области нейрофизиологии (Н.П. Бехтерева и соавторы), занесенное в Государственный реестр научных открытий СССР в 1990 г., поддержало мои усилия по дальнейшей разработке теории. Формула открытия: «Установлено неизвестное ранее свойство нейронов подкорковых образований мозга человека реагировать на смысловое содержание воспринимаемой органами чувств информации, обуславливающее их функционирование в качестве звеньев системы, реализующей мысленную деятельность, и заключающееся в появлении вследствие процесса восприятия информации отсроченных (длиннолатентных) изменений частоты разрядов этих нейронов» (Государственный реестр открытий [эл. ресурс]).

Смыслообразование: постнеклассический ракурс

Так что же лежит в основании смыслообразования? С моей точки зрения, его основу составляет процесс, функционирование которого подчиняется принципу избирательного и направленного взаимодействия. На этом принципе базируется системная антропологическая психология — направление, в которое постепенно переросла ТПС (Galazhinskiy, Klochko, 2012).

В широком смысле этот принцип применим по отношению к любым открытым системам, которые изучают как гуманитарные, так и естественные науки. Суть этого принципа в следующем. Можно утверждать, что все открытые системы умеют распознавать в безразличной для них среде то, что имеет для них актуальный смысл, т.е. непосредственное отношение к их текущему состоянию. Они не

ждут, когда к ним случайным образом или, что почти то же самое, в процессе бессмысленного перебора всего сущего «прилетит» извне нечто, имеющее смысл здесь и теперь. Существовая за счет обмена со средой, они имеют свои, отработанные эволюцией органы отбора, принцип работы которых при всей несопоставимости их сложности одинаков.

Открытые системы способны проецировать в среду свое ожидание, свои дефициты и возможности и тем самым так *искажать ее своим присутствием*, что в ответ на этот запрос, обращенный к среде, из нее отзывается, резонирует только то, что способно ответить на это ожидание, т.е. то, что имеет для нее актуальный смысл. На этом принципе работают как электрические поля, окружающие заряженную частицу, так и смысловые поля человека (подробнее см.: Клочко, 2012; Galazhinskiy, Klochko, 2012). Если это так, то намечается возможность выйти к общему основанию, позволяющему сблизить естественно-научное и гуманитарное мышление, а такое сближение является составной частью более глубокой проблемы синтеза двух культур мышления в рамках построения целостной картины мира. Наблюдающийся до сих пор разрыв между двумя культурами мышления принципиальным образом ограничивает развитие самого научного знания, одновременно гася надежду на построение единой самосогласованной научной картины реальности.

Культуры мышления в своей развитой форме не опознают друг друга как взаимодополняющие. В.С. Библер (1991) указывает, что дополнительность взаимоисключающих определений оказалась «труднопереносимой для разума», воспитанного классической наукой, хотя теперь (с учетом опыта освоения неклассической парадигмы) труднопереносимой для нашего разума становится совсем другая идея, гораздо более сложная. Признав на переходе к неклассическим идеалам рациональности комплементарное взаимодействие (от латинского *complementum* — дополнение), сегодня, на стадии освоения идеалов постнеклассической рациональности, мы вынуждены признать существование комплиментарных взаимодействий (от французского *compliment*, имеющего специальный научный оттенок: «взаимная симпатия», приводящая к слиянию взаимодействующих сторон). По Л.Н. Гумилеву, использовавшему оба термина, комплиментарность — это акт понимания, выходящий за границы эмпирического опыта данной культуры, основа симбиоза культур, вторжение одной действительности в другую, вызывающее *порождение новой действительности*. Но разве не об этом пишет О.К. Тихомиров? «Перед современным отечественным психологом, изучающим природу психического, лежат, по крайней мере, два пути. Один состоит в конкретизации представлений о психике как “отражении” реальности, второй — в разработке представлений о

психике как порождении новой реальности. Я выбираю второй путь» (Тихомиров, 1992, с. 59).

Однако если идея дополнительности взаимоисключающих определений до сих пор кажется сложной, то через комплиментарность мы сталкиваемся с вещами сверхсложными, лежащими за пределами гносеологически понятого взаимодействия субъекта с объектом. Например, у В. Франкла дополнительность конституирует себя через принцип «соприсутствия духовного сущего другому сущему». Пытаясь определить принцип экзистенции, он приходит к выводу, что сопричастие есть «интенциональность духовного сущего». Признание этого, считает Франкл, освобождает нас от бремени доказательства, как одно проникает в другое. Плата за это освобождение заключается в отказе от дальнейших вопросов, в том числе и от вопроса, что стоит за этой последней предельной способностью духа сопричастиваться иному сущему (Франкл, 1990). Онтология познания, считал В. Франкл, не может открыть сущность сопричастия: духовное сущее «как-то» сопричастивается иному сущему, и это надо принять, избегая вопроса о том «как именно» это происходит. Ясно, что наука не обойдет этот вопрос. Она выйдет к онтологии взаимодействия, к механизмам его избирательности и направленности, к отношению, включенному в сердцевину акта взаимодействия, как условия, обеспечивающего саму возможность взаимодействия, обладающего порождающим эффектом. Этим открывается путь к познанию сущности саморазвития, к объяснению механизмов усложнения системной организации как способа устойчивого существования открытых систем.

Таким образом, всего одна буква отличает понятия «комплементарность» и «комплиментарность», но каждое из них знаменует собой целую эпоху в развитии научной мысли, а дистанция между ними конституирует тенденцию закономерного усложнения научного мышления. Самое же интересное заключается в том, что если понятие «комплементарность» (и его аналоги) пришло в гуманитарные и социально-экономические науки из естественно-научных дисциплин, то понятие «комплиментарность» совершает обратную эволюцию — из гуманитарного знания в естественно-научное. И если пять лет назад частота употребления этих двух связанных понятий и их аналогов, например, в Рунете была зафиксирована на уровне тысячи различного рода работ, то сегодня мы имеем уже вряд ли легко поддающееся исчислению количество работ практически во всех науках, как естественных, так и гуманитарных.

О чем это говорит? Может быть, о том, что различные культуры пусть и неосознанно, но приближаются к признанию того, что расхождение присущих им логик не исключает, а, наоборот, предполагает общую точку их происхождения, некое исходное первородное

начало. Во всяком случае, сегодня практически ни одна из наук не может обойти своим вниманием избирательность и направленность взаимодействия, которые открываются в пределах свойственных этим наукам предметов исследования. О комплементарных (и комплиментарных) взаимодействиях нуклеотидов в молекулах ДНК пишут в молекулярной генетике, но о таких же взаимодействиях пишут этнологи, экономисты, химики, лингвисты и т.д. Однако до сих пор очень мало внимания уделяется тому, о чем говорит использование одних и тех же понятий в разных науках, на какие универсалии мироустройства они указывают.

Принцип избирательности и направленности взаимодействия представляет собой теоретико-методологическое обоснование идеи о том, что Универсум, вбирающий в себя все виды систем, в том числе и живых, имеет общий семантический базис. Иными словами, разные уровни организации материи, представляя разные по своей сложности семантические структуры, используют один и тот же принцип смыслообразования, благодаря которому Универсум обеспечивает свою устойчивость как саморазвивающееся явление.

Непонимание возникает в том случае, когда на вопрос, который задает сегодня физик психологу по поводу избирательной работы мозга, явно сформулированный в бинарной логике, он получает ответ, сформулированный в многомерной логике. Очень трудно объяснить физику, математику, физиологу, что мозг не перерабатывает весь объем информации, поступающий через рецепторы. Что на переработку поступает только то, что имеет смысл и ценность. И что дело, может быть, даже не в мозге, потому что с задачей отбора значимой информации справляются существа, не имеющие мозга, но в том, что их пространство жизни представлено своей пусть и более простой, но семантически оформленной реальностью. Я уверен, что представители разных наук смогут лучше понять друг друга, если осознают, что за используемыми ими понятиями и формулами просвечивает исходная семантика Универсума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. [Bibler, V.S. (1991). *От naukouchenija — k logike kul'tury. Dva filosofskih vvedenija v dvadcat' pervyj vek.* Moskva: Politizdat]

Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. [Vasiljev, I.A., Popluzhnyi, V.L., Tikhomirov, O.K. (1980). *Jemocii i myshlenie.* Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Вилюнас В.К. Теория деятельности и проблемы мотивации // А.Н. Леонтьев и современная психология. (Сб. статей памяти А.Н. Леонтьева) / Под

ред. А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой, О.К. Тихомирова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 191—200. [Vilyunas, V.K. (1983). Teorija dejatel'nosti i problemy motivacii. In: A.V. Zaporozhec, V.P. Zinchenko, O.V. Ovchinnikova, O.K. Tikhomirov (Eds), A.N. Leontiev i sovremennaja psihologija. (Sbornik statej pamjati A.N. Leontieva) (ss. 191—200). Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. [Vygotsky, L.S. (1982). *Sobranie sochintnij*: V 6 t. T. 1. Moskva: Pedagogika]

Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52—63. [Vygotsky, L.S. (1986). Konkretnaja psihologija cheloveka. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 52—63]

Галажинский Э.В., Ключко В.Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. 2011. № 4 (68). С. 14—31. [Galazhinskiy, E.V., Klochko, V.E. (2011). Kategorija «otnoshenie» v psihologii v svete paradigmal'noj dinamiki nauki. *Mir Psikhologii*, 4 (68), 14—31]

Государственный реестр открытий СССР. [Gosudarstvennyj reestr otkrytij SSSR] URL: <http://ross-nauka.narod.ru/03/03-347.html>

Завершнева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120—135. [Zavershneva, E.Yu. (2008). Zapisnye knizhki, zametki, nauchnye dnevniki L.S. Vygot'skogo: rezul'taty issledovaniya semejnogo arhiva. *Voprosy Psikhologii*, 2, 120—135]

Ключко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование. Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. [Klochko, V.E. (1987). *Samoreguljacija myshlenija i ee formirovanie*. Karaganda: Izd-vo KarGU]

Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал (Томск). 1988. Вып. 8—9. С. 7—15. [Klochko, V.E. (1988). Stanovlenie mnogomernogo mira cheloveka kak suschnost' ontogeneza. *Sibirskij Psihologicheskij Zhurnal (Tomsk)*, 8—9, 7—15]

Ключко В.Е. Проблема одаренности: транспективный анализ тенденций развития // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 3. С. 67—77. [Klochko, V.E. (2012). Problema odarennosti: transspektivnyj analiz tendencij razvitiya. *Teoreticheskaja i Jeksperimental'naja Psikhologija*, 5, 3, 67—77]

Ключко А.В., Краснорядцева О.М. Суверенность как результат становления человека в совмещенной психологической системе // Вестник БГПУ. Психолого-педагогические науки. 2001. № 1. С. 4—9. [Klochko, A.V., Krasnoryadceva, O.M. (2001). Suverenost' kak rezul'tat stanovlenija cheloveka v sovmeschennoj psihologicheskoy sisteme. *Vestnik BGPU. Psihologo-pedagogicheskie nauki*, 1, 4—9]

Краснорядцева О.М. Психологические особенности возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997. [Krasnoryadceva, O.M. (1997). *Psihologicheskie osobennosti vznikonovenija i reguljicii myshlenija v real'noj zhiznedejatel'nosti*: Avtoref. diss. ... dokt. psihol. nauk. Moskva]

Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. [Leontiev, A.N. (1994). *Filosofija psihologii: Iz nauchnogo nasledija* / A.A. Leontiev, D.A. Leontiev (Red). Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. [Leontiev, D.A. (2003). *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti*. Moskva: Smysl]

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. [Lomov, B.F. (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii*. Moskva: Nauka]

Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. 1989. [Электронный ресурс]. URL: http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml [Stepin, V.S. (1989). *Samorazvivajushiesja sistemy i postneklassicheskaja racional'nost'*. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml]

Тихомиров О.К. Экспериментальный анализ эвристик // Эвристические процессы в мыслительной деятельности: XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 25. М.: Наука, 1966. С. 25—32. [Tikhomirov, O.K. (1966). *Jeksperimental'nyj analiz jevristik*. In: *Jevristicheskie processy v myslitel'noj dejatel'nosti: XVIII Mezhdunarodnyj psihologicheskij kongress. Simpozium 25* (ss. 25—32). Moskva: Nauka]

Тихомиров О.К. Психология и кибернетика // США: экономика, политика, идеология. 1972. № 7. С. 94—104. [Tikhomirov, O.K. (1972). *Psihologija i kibernetika*. SShA: *jekonomika, politika, ideologija*, 7, 94—104]

Тихомиров О.К. Информационная и психологическая теории мышления // Вопросы психологии. 1974. № 1. С. 40—48. [Tikhomirov, O.K. (1974). *Informacionnaja i psihologicheskaja teorii myshlenija*. *Voprosy Psihologii*, 1, 40—48]

Тихомиров О.К. Актуальные проблемы развития психологической теории мышления // Психологические исследования творческой деятельности / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1975. С. 5—22. [Tikhomirov, O.K. (1975). *Aktual'nye problemy razvitija psihologicheskoi teorii myshlenija*. In: O.K. Tikhomirov (Ed), *Psihologicheskie issledovanija tvorcheskoj dejatel'nosti* (ss. 5—22). Moskva: Nauka]

Тихомиров О.К. Замечания рецензента на статью Е.А. Климова «Об амбифлукторной природе психического» // Вестн. Моск ун-та. Сер. 14. Психология. 1992. № 1. С. 51—60. [Tikhomirov, O.K. (1992). *Zamechanija recenzenta na stat'ju E.A. Klimova «Ob ambiflekornoj prirode psihicheskogo»*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 51—60]

Тихомиров О.К., Виноградов Ю.Е. Эмоции в функции эвристик // Психологические исследования. Вып. 1 / Под ред. А.Н. Леонтьева и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 3—24. [Tikhomirov, O.K., Vinogradov, Yu.E. (1969). *Jemocii v funkcii jevristik*. In: A.N. Leontiev i dr. (Eds) *Psihologicheskie issledovanija*, 1 (ss. 3—24). Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Формирование оценок на начальной стадии решения задачи // Сб. науч. трудов по гуманитарным наукам. Караганда: КарГУ, 1974. С. 283—288. [Tikhomirov, O.K., Klochko, V.E. (1974). *Formirovanie ocenok na nachal'noj stadii reshenija zadachi*. *Sbornik nauchnyh trudov po gumanitarnym naukam* (ss. 283—288). Karaganda: KarGU]

Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Обнаружение противоречия как начальный этап формирования задачи // «Искусственный интеллект» и психология / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1976. С. 176—205. [Tikhomirov, O.K., Klochko,

V.E. (1976). Obnaruzhenie protivorechija kak nachal'nyj etap formirovanija zadachi. In: O.K. Tikhomirov (Ed), «*Iskusstvennyj intellekt*» i *psihologija* (ss. 176—205). Moskva: Nauka]

Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 23—31. [Tikhomirov, O.K., Klochko, V.E. (1980). Jemocional'naja reguljacija myslitel'noj dejatel'nosti. *Voprosy Psihologii*, 5, 23—31]

Тихомиров О.К., Ключко В.Е., Краснорядцева О.М. Саморегуляция мыслительной деятельности на стадии инициации. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 15772. Караганда: КарГУ, 1984. [Tikhomirov, O.K., Klochko, V.E., Krasnoryadceva, O.M. (1984). Samoreguljacija myslitel'noj dejatel'nosti na stadii iniciacii. Dep. v INION AN SSSR. № 15772. Karaganda: KarGU]

Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. [Frank, S.L. (1995). *Predmet znanija. Dusha cheloveka*. Sankt-Peterburg: Nauka]

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. URL: <http://www.gennadij.pavlenko.name/ex-book?text=44> [Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskah smysla*. Moskva: Progress. URL: <http://www.gennadij.pavlenko.name/ex-book?text=44>

Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М.: ПЕР СЭ, 2001. [Khaken, G. (2001). *Principy raboty golovnog mozga*. Moskva: PER SE]

Galazhinskiy, E.V., Klochko, V.Y. (2012). System Anthropological Psychology: Methodological Foundations. In: Yu.P. Zinchenko & V.F. Petrenko (Eds), *Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook* (pp. 81—98). Moscow: Lomonosov Moscow State University; Russian Psychological Society.

НЕЙРОПСИХОЛОГИЯ

Ж. М. Глозман, П. Крукow

СОЦИАЛЬНЫЙ МОЗГ: НОВАЯ ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ

В работе анализируются история развития и различные аспекты понятия «социальный мозг» в современной нейропсихологии, их связь с культурно-историческим подходом и с пониманием субъекта как био-социального единства в трудах Л.С. Выготского и А.Р. Лурия. Описаны теоретические модели социального познания и экспериментальные исследования влияния поражения мозга на социальное познание и социальное поведение. Показано, что социальные характеристики раннего развития ребенка имеют первостепенное значение для понимания теории социального мозга, которая неразрывно связана с ведущим положением детской психологии (П.Я. Гальперина) о двойном взаимодействии морфо- и функциогенеза в развитии ребенка. Эта теория доказывается фактами негативных последствий социальной депривации для развития мозга ребенка, а также данными о социальной и культурной специфике нейропсихологических тестов. Предложена новая трактовка понятия «социальный мозг» как социокультурной регуляции функционирования мозга человека.

Ключевые слова: нейропсихология, функции мозга, культурно-исторический подход, социальное познание.

The paper considers the history of development and different aspects of the new neuropsychological theory of social brain, its relations with Luria's and Vygotsky's understanding of humans as a social and biological unity. Different theoretical models of analyzed. Experimental studies of influence of brain damages on social cognition and social behavior are described. Social features of child early development are of primordial value for understanding of social brain. This understanding is closely related to the important theory of developmental psychology, proposed by P. Galperin, underlying a double interaction between

Глозман Жанна Марковна — докт. психол. наук, профессор, вед. науч. сотр. лаборатории нейропсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* glozman@mail.ru

Крукow Павел (Paweł Krukow) — докт. психол. наук, адъюнкт кафедры клинической психологии и нейропсихологии Института психологии Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине (Польша). *E-mail:* pkrukow@poczta.onet.pl

Исследование выполнено в рамках международного сотрудничества между факультетом психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и Институтом психологии Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине (Польша).

morphological and functional development. It is proved by negative consequences of child social deprivation on his brain development as well as by evidences of cultural differences in neuropsychological assessment. New understanding of social brain is proposed to be social and cultural determination and regulation of brain functioning.

Key words: neuropsychology, brain functioning, cultural-historical approach, social cognition.

Введение

Термин «социальный мозг» был введен в нейropsychологию в исследованиях нарушений эмоционального реагирования и межличностного общения после поражений правого полушария мозга (Gazzaniga, 1985). Затем нейropsychологи стали употреблять этот термин в более широком контексте для характеристики переработки социальной информации (социального познания, если пользоваться термином социальной психологии) и мозгового обеспечения человеческой психики в целом (Brothers, 1990; Brüne et al., 2003; Insel, Fernald, 2004; Dunbar et al., 2010). Появились даже термины «социальные нейронауки», «социальная рабочая память», указывающие на существование особой нейросети, предназначенной для переработки и хранения информации о социальных характеристиках субъекта (Meyer, Lieberman, 2012). Выделяются три функции социального познания: 1) интеграция комплексной информации в эмоционально и социально значимое целое; 2) оценка ситуации с точки зрения этики поведения; 3) саморегуляция.

Для объяснения феноменов социального познания используются две теоретические модели — «теория психического» (*Theory of Mind* — см.: Brownell et al., 2000; Weed et al., 2010) и «теория стимуляции» (*Simulation Theory* — см.: Adolphs et al., 2000). В соответствии с первой из моделей каждый человек имеет имплицитную теорию внутренних, невидимых психических процессов, которые порождают видимое поведение. «Теория психического» тесно связана с процессами коммуникации и речевой деятельностью. Например, использование метафор, юмора, иронии, сарказма, а также способность донести их до партнеров по общению требуют постоянного осознания их интенций, убеждений, жизненного опыта. Постулируется также, что активация «теории психического» обеспечивается мобилизацией таких регуляторных подсистем, как когнитивная пластичность, избирательность (выбор адекватных стимулов и торможение неадекватных) и способность использовать представления и метапредставления (Aboulafia-Brakha et al., 2011). Нарушения социального познания, неспособность понимать чувства других из-за дефицита «теории психического» сейчас выдвигаются как один из

механизмов расстройства поведения при аутизме (Никольская и др., 2005). Методы нейровизуализации выявляют у аутистов остановку в развитии дендритного дерева в лимбической системе и рост числа аномальных клеток в мозжечке (Joseph, 1999).

«Теория симуляции» исходит из того, что непосредственно наблюдать душевное состояние другого нельзя, но можно использовать воображение и собственное душевное состояние в качестве модели. «Теория симуляции» связана с открытием в премоторной вентральной коре и частично в теменной доле «зеркальных нейронов» (Rizzolatti et al., 1996), которые активируются как при действиях самого субъекта, так и при наблюдении аналогичного поведения другого. Предполагается, что «зеркальные нейроны» «транслируют» наблюдаемое действие в собственное внутреннее психическое состояние.

Взаимосвязь социального познания и социального поведения пока не очень ясна. Она неоднозначна, многоаспектна и включает другие процессы регуляции поведения человека. Скорее всего, неправильно прямо переносить результаты социального познания на социальное поведение. Но очевидно, что в основе нарушений межличностной адаптации больных с поражениями мозга лежит патология обеих этих составляющих.

В изучении социального мозга можно выделить 5 аспектов: 1. Влияние поражения мозга на социальное познание и социальное поведение; 2. Социальные характеристики раннего развития ребенка; 3. Двойное взаимодействие морфо- и функциогенеза в развитии ребенка; 4. Негативное влияние социальной депривации на развитие мозга; 5. Социальная и культурная специфика нейропсихологических тестов. Рассмотрим далее каждый из этих аспектов.

1. Влияние поражения мозга на социальное познание и социальное поведение

Последствия поражений правого полушария мозга и лобных структур для нарушений функций социального познания, социального поведения, личности и коммуникации первыми привлекли внимание исследователей (Borod et al., 1983; Stuss, Benson, 1984; Brothers, 1990; Malloy et al., 1993; Tompkins, 1997; Eslinger, Geder, 2000; Herzyk, 2000). Функции правого полушария даже получили характеристику «спрятанное сокровище» (Peresman, 1983). Особую роль в социальном познании связывают с функциональной специфичностью правого полушария в области телесных ощущений и восприятия образа тела (Devinsky, 2000). Это в свою очередь указывает на роль соматики и висцеральных процессов в социальном познании и аффективном поведении, что послужило основанием для создания теории нейросоматики, описывающей соматические маркеры мозговой деятельности (Damasio, 1999).

Трудности межличностного взаимодействия и изменения личности больного отмечают члены семьи и окружающие среди основных симптомов как в острый, так и в отдаленный период (через 1, 5, 15 лет) после поражения (O'Shanic, O'Shanick, 1994). Эти трудности составляют наиболее серьезные проблемы при реабилитации больных после сосудистых поражений мозга (Lezak, 1986; Glass et al., 1993; Pächalska, 2007).

Появился также новый подход в нейропсихологии, названный нейропсихоанализом и описывающий взаимосвязь структур и функций правого полушария с социальным поведением, в частности с копинг-стратегиями при стрессе (Schore, 1994; Krukow, 2008).

К негативным последствиям поражения мозга для социального познания и социального поведения необходимо отнести:

- трудности восприятия эмоций и душевного состояния другого после поражения правого полушария и лобных структур (при этом лобные дисфункции оказывают наиболее негативное влияние на социальное поведение);

- нарушения поведения (критичности, адекватности реакций на социальные стимулы) при лобном синдроме (Лурия, 1973);

- аффективные расстройства при болезни Паркинсона (Глозман, 2002);

- патологические реакции страха и трудности узнавания выражения страха и испуга на лице при билатеральном поражении амигдалы (Ammerlaan et al., 2008);

- расстройства поведения и социального познания после унилатерального ишемического инсульта в бассейне правой средней мозговой артерии (Krukow, 2012);

- социальные последствия синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) (Глозман, 2009).

Этот список можно продолжить.

2. Социальные характеристики раннего развития ребенка

Исследования с помощью метода функциональной МРТ дали много новой информации о нейронной организации социального познания. Авторы указывают на участие в этой организации различных лобных структур, верхней височной области и теменно-височной области. Так, активация верхней височной области происходит при восприятии движения живых существ. Новорожденный ребенок прослеживает взором движения человеческого лица и не реагирует на неодушевленные предметы (Goren et al., 1975). Те же мозговые структуры обеспечивают феномен антропоморфизации у взрослых, заключающийся в том, что геометрические фигуры, движущиеся в течение двух минут, воспринимаются как живые существа, обладающие личностными свойствами и интенциональностью. Было

показано также, что в процессах антропоморфизации активно участвует амигдала (Heberlein, Adolphs, 2004), которая, по мнению многих исследователей, инициирует процесс социального познания и составляет его основу (Grossman et al., 2000; Weed et al., 2010).

Отмеченная активация мозговых структур билатеральна, однако экспериментально было подтверждено преимущество правого полушария для восприятия движения живых существ (Saxe, 2006). Это может быть связано со спецификой анатомического и функционального развития правого полушария у детей. По некоторым данным (Schore, 1994) правое полушарие развивается в первые два года жизни ребенка только в условиях тесных детско-материнских отношений. Эти отношения стимулируют развитие всех психических функций ребенка: сначала он воспринимает мать (прежде всего ее лицо и голос) и отличает ее от других людей, затем начинает понимать ее намерения, формируя собственные интеллектуальные способности. Связь с матерью способствует развитию социального познания в онтогенезе. Ребенок очень рано начинает отличать человеческий голос от всех других звуков, что создает предпосылки для формирования фонематического слуха. Показано, что и первые экспрессивные действия ребенка социально детерминированы: мелодия плача отражает особенности родного языка (Mampe et al., 2009).

Есть и негативные проявления социальной детерминации развития ребенка. Так, чрезмерная нагрузка на зрительную систему в результате длительного просмотра телепередач приводит к сенсорной депривации других анализаторных систем, и в первую очередь двигательных функций и навыков коммуникации. Или: отсутствие фазы ползания в раннем развитии ребенка, иногда индуцированное родителями, опасаящимися инфекций или травм, вызывает недоразвитие пространственных навыков и представлений (Глозман, 2009).

3. Двойное взаимодействие морфо- и функциогенеза в развитии ребенка

Между созреванием мозга и формированием психических функций имеется двойное взаимодействие: с одной стороны, для появления функции требуется определенная степень зрелости нервной системы, с другой стороны, само функционирование, активное развивающее воздействие на психическую функцию способствует созреванию структурных элементов мозга (Гальперин и др., 1978). «Воздействие окружающих ребенка факторов, как благоприятных, так и неблагоприятных, взаимодействует с такими процессами развития мозга, как нейрогенез, миграция, дифференциация, образование нейронного дерева, синаптогенез, синаптическое моделирование и миелинизация» (Perry, 2002, p. 79).

Увеличение доли неокортекса по сравнению с эволюционно более старыми областями значимо коррелирует с размером и сложностью социальной группы, в которой развивается ребенок (там же). Иначе говоря, эволюционное развитие мозга зависит от воздействия социальных факторов.

4. Негативное влияние социальной депривации на развитие мозга

В связи со сказанным выше *социальная депривация* имеет крайне негативные последствия для развития мозга. Это было доказано в сравнительном исследовании мозга нормальных и социально де-

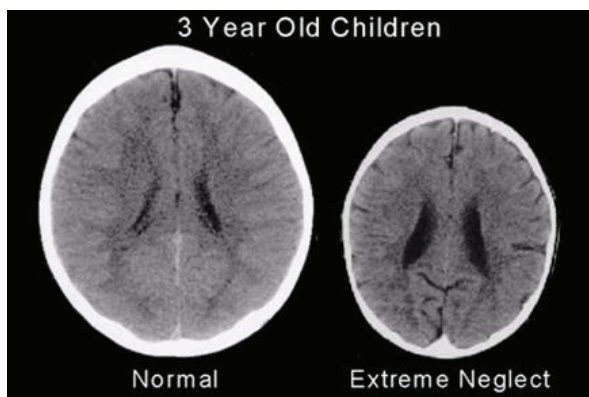


Рис. 1. Негативные последствия социальной депривации для развития мозга (по: Perry, 2002)

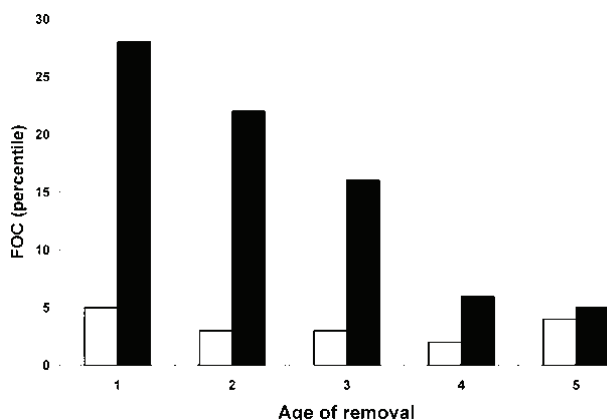


Рис. 2. Влияние раннего (от 8 месяцев до 5.7 года) исправления неблагоприятной социальной ситуации на развитие ребенка (по: Perry, 2002)

привированных 3-летних детей (Perry, 2002). На рис. 1 видно, что мозг социально депривированного ребенка значительно меньше по размерам, чем в норме. Автор показал также, что раннее изменение неблагоприятной социальной ситуации способствует ускоренному развитию мозговых структур, т.е. чем раньше ребенка перевели в ситуацию нормальной социализации, тем более интенсивно происходит развитие его психических функций — больше различие в величине темных и светлых столбиков на рис. 2.

5. Социальная и культурная специфика методов нейропсихологического обследования

Было установлено, что при нейропсихологическом обследовании хорошо образованные больные с поражением мозга дают показатели, характерные для необразованных испытуемых без поражений мозга (Puente, 2012).

Каждый нейропсихологический тест имеет также *культурные ограничения и специфику анализа*: некоторые показатели в одних условиях могут свидетельствовать о патологии или несформированности структур мозга, а в других — о низком уровне образования или об отсутствии навыков. Идентичные тесты могут квалифицировать человека по сравнению со средней популяцией как гения в одной культуре и как умственно отсталого — в другой (Nell, 2000, р. 13). Так, ребенок, живущий на Крайнем Севере, не теряется в лишенном для нас ориентиров снежном пространстве, а городской ребенок прекрасно разбирается в лабиринте мегаполиса. Различия могут быть связаны также с особенностями латеральной организации психических функций (Ardila, 1995). Т. Джонсон (Johnson, 2006) описал 62 культурно-специфические переменные в процедуре применения и интерпретации психометрических тестов. Использование стандартных нормативов приводит к неправомерной диагностике когнитивных нарушений у значительной части испытуемых, относящихся к этническим меньшинствам, что ставит под сомнение диагностическую валидность теста без культурно-специфических нормативов. Перевод теста на другой язык требует отбора материала, соответствующего лингвистическим и культурным нормам. Язык, на котором проводится обследование, имеет первостепенное значение для билингвов. Известно, что неправильный вывод о негативном влиянии билингвизма на интеллектуальное развитие детей был сделан только потому, что дети-билингвы обследовались не на материнском языке, а на языке страны обитания. Интересные данные были получены также в *сравнительном исследовании* результатов нейропсихологического исследования *двуязычных* (с разными сочетаниями языков и в разных странах) и *одноязычных* детей с помощью батареи NEPSY (Garratt, Kelly, 2008). Тесты на имитацию

поз руки и на копирование изображений билингвы (вне зависимости от страны обитания) выполняли лучше, чем монолингвы, а монолингвы были значимо сильнее в речевых тестах и в пробе на зрительное внимание.

Культурная специфичность характерна как для вербальных, так и для невербальных тестов. Картинки для называния, для исследования понимания смысла сюжета различаются в разных культурах при применении одной и той же батареи тестов. Например, сюжетная картинка «Разбитое окно» из луриевского альбома неадекватна для испытуемых, которые никогда не видели снега (Дэвид, Глозман, 2010).

Важна также процедура применения теста. Например, в одном эксперименте (Serpell, 1979) английских и африканских детей просили воспроизвести орнамент, используя карандаш, бумагу и проволоку. Английские дети превосходили африканцев в работе с карандашом и бумагой, а у африканских детей были лучше результаты при работе с проволокой.

Значимость разных компонентов психической деятельности также культурно обусловлена. Так, например, *скорость умственных процессов* — важная составляющая в оценке большинства психометрических тестов — привычна в американской культуре, так как уже в начальной школе применяются тесты с заданным и контролируемым временем выполнения и формируется принцип «быстрее — значит лучше». В российской системе обучения скорость решения задачи гораздо менее значима, чем устойчивость и избирательность деятельности, а эти составляющие не учитываются при психометрическом подходе. Нередко высокая скорость выполнения теста мешает устойчивости и избирательности поведения. Поэтому в сравнительном тестировании двух выборок студентов американские испытуемые превосходят русских в психометрических тестах с ограниченным временем выполнения (Agranovich, 2004).

Кросс-культурные исследования позволяют найти нейропсихологические тесты, менее связанные с влиянием социальных различий (культурно-нейтральные стимулы), выявляющие общие факторы или когнитивные механизмы. Так, в исследовании А. Агранович (Agranovich, 2004) к ним относились тесты на вербальные ассоциации (*Verbal Fluency Test*), на повторение цифр в прямом и обратном порядке (*Digit Span*), на вербальную и зрительную память, а также и луриевский тест на пространственный гнозис (узнавание времени на «немых часах»).

Культурная специфичность нейропсихологических тестов — это одновременно и социальная и этическая проблема. Культурная однозначность тестов не менее значима, чем их валидность при исследовании мозговых функций.

Заключение

Еще в 1922 г. А.Р. Лурия в своей первой книге сформулировал принцип «реальной» психологии: «...изучить человека как цельный биологический, социальный и психологический комплекс» (Лурия, 2003, с. 296). Тем самым он заложил основы культурно-исторической психологии, развиваемой впоследствии вместе с Л.С. Выготским (1930/1982; Vygotsky, 1978), и в частности культурно-исторической нейропсихологии, рассматривающей взаимодействие культуры и функционирования мозга. Еще более определенно эти положения были сформулированы в последней книге А.Р. Лурия, обобщающей его научный путь: «Мы должны выйти за пределы организма, чтобы вскрыть источники специфически человеческих форм психической активности» (Лурия, 1982, с. 43; см. также: Luria, 1979).

Эти идеи получили интенсивное развитие в современной западной нейропсихологии и нейронауках, и в первую очередь в концепции социального мозга, занимающей сейчас одно из ведущих мест в литературе по проблемам нейронаук (Pfeiffer et al., 2013). Однако развитие этой концепции не избежало влияния узколокализационистских тенденций западной нейропсихологии, и основной акцент был сделан на выявление мозговых представительств разных форм социального познания и социального поведения.

Культурно-исторический подход в нейропсихологии означает в первую очередь перенос акцентов в изучении социального мозга с *проблем локализации на вопросы социальной и культурной детерминации мозговых функций* человека (Glozman, 2010).

Это открывает новые перспективы для будущих нейропсихологических исследований. Важен анализ не только когнитивных и регуляторных процессов субъекта, но и его взаимодействия с другими людьми на самых разных уровнях. Анализ поведения больного делает акцент на экологической валидности теста.

В реабилитационных программах все чаще используется холистический подход, учитывающий межличностный аспект (Jojek, 2008). Создаются междисциплинарные программы, объединяющие когнитивную терапию с нейропсихоаналитическими методами (Kaplan-Solms, Solms, 2001).

Единство познания и социального поведения предполагает, что больной, затрудняющийся в восприятии и понимании эмоций, проявляет также эмоционально индифферентное и эмоционально неадекватное поведение. Больной, не воспринимающий мотивацию поведения другого, не способен правильно на него реагировать.

Подводя итог, проанализируем возможности и ограничения применения понятия «социальный мозг», ответив на ряд важных для нейропсихологии вопросов.

Вопрос: Открывает ли изучение социального познания новые возможности для клинической **нейропсихологической диагностики**?

Ответ: Скорее «нет», поскольку социальное познание обеспечивается многими мозговыми структурами.

Вопрос: Найдется ли применение данным социальных нейронаук в **реабилитации** неврологических и нейропсихиатрических больных с нарушениями социального поведения?

Ответ: Определенно «да».

Вопрос: Значимы ли данные социальных нейронаук для **детской нейропсихологии**?

Ответ: Определенно «да».

Таким образом, диагностика и терапия должны учитывать межличностные отношения больного, экологические параметры нейропсихологических данных, чтобы понять, *как в результате взаимопроникновения социального, культурного и биологического возникают новые функциональные системы*, отражающие высшие уровни сознательной деятельности и «позволяющие психике познавать и совладать со сложностью одновременно физического и социального мира» (Bruner, 2004, p. xii).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выготский Л.С. О психологических системах [1930] // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 109—132. [Vygotsky, L.S. (1982). O psihologicheskikh sistemah [1930]. In: Vygotsky L.S. *Sobranije sochinenij*: V 6 t. T. 1. Moskva: Pedagogika, 109—132]

Гальперин П.Я., Запорожец А.В., Карпова С.Н. Актуальные проблемы детской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1978. [Galperin, P.Ya., Zaporozhets, A.V., Karpova, S.N. (1978). *Aktualnyje problemy detskoj psihologii*. Moskva: Izd-vo MGU]

Глозман Ж.М. Общение и здоровье личности. М.: Академия, 2002. [Glozman, Zh.M. (2002). *Obschenie i zdorov'e lichnosti*. Moskva: Akademija]

Глозман Ж.М. Нейропсихология детского возраста. М.: Академия, 2009. [Glozman, Zh.M. (2009). *Neyropsihologija detskogo vozrasta*. Moskva: Akademija]

Дэвид Ж., Глозман Ж.М. Российско-португальский опыт нейропсихологического обследования дошкольников // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 1. С. 117—124. [Devid, Zh., Glozman, Zh.M. (2010). Rossijsko-portugal'skij opyt nejropsihologicheskogo obsledovanija doskol'nikov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 117—124]

Лурия А.Р. Принципы реальной психологии [1922] // Лурия А.Р. Психологическое наследие / Под ред. Ж.М. Глозман, Д.А. Леонтьев, Е.Г. Радковской. М.: Смысл, 2003. С. 295—384. [Luria, A.R. (2003). Principy real'noj psihologii [1922]. In: Luria A.R. *Psihologicheskoe nasledie* (ss. 295—384) / Zh.M. Glozman, D.A. Leontiev, E.G. Radkovskaya (Eds). Moskva: Smysl]

Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. [Luria, A.R. (1973). *Osnovy neyropsihologii*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. [Luria, A.R. (1982). *Etapy proydennogo puti: Nauchnaya avtobiografiya*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Никольская О.С., Баенская Е.П., Либлинг М.М. и др. Дети и подростки с аутизмом: Психологическое сопровождение. М.: Теревинф, 2005. [Nikolskaya, O.S., Baenskaya, E.P., Libling, M.M. et al. (2005). *Deti i подростки s autizmom: Psihologicheskoe soprovozhdeniye*. Moskva: Terevinf]

Aboulafia-Brakha, T., Christe, B., Martory, M.-D., Annoni, J.-M. (2011). Theory of mind tasks and executive functions: A systematic review of group studies in neurology. *Journal of Neuropsychology*, 5, 39—55.

Adolphs, R., Damasio, H., Tranel, D., Cooper, G., Damasio, A.R. (2000). A role for somatosensory cortices in the visual recognition of emotions as revealed by three-dimensional lesion mapping. *Journal of Neuroscience*, 20, 2683—2690.

Agranovich, A. (2004). Cross-cultural differences in neuropsychological performance: A comparison between Russian and American samples. In: T.V. Ahutina, J.M. Glozman, L.I. Moskovich, D. Robbins (Eds), A.R. Luria and contemporary psychology: *Festschrift celebrating the centennial of his birth* (pp. 181—188). N.Y.: Nova Science.

Ammerlaan, E., Hendriks, M., Colon, A., Kessels, P. (2008). Emotion perception and interpersonal behavior in epilepsy patients after unilateral amygdalohippocampectomy. *Acta Neurobiologiae Experimentalis*, 68, 214—218.

Ardila, A. (1995). Directions of research in cross-cultural neuropsychology. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 17, 143—150.

Borod, J.C., Koff, E., Caron, H.S. (1983). Right hemisphere specialization for expression and appreciation of emotion: A focus on the face. In: E. Perecman (Ed), *Cognitive Processing in the Right Hemisphere* (pp. 83—110). N.Y., London: Academic Press.

Brothers, L. (1990). The social brain: A project for integrating primate behavior and neurophysiology in a new domain. *Concepts in Neuroscience*, 1, 27—51.

Brownell, H.H., Griffin, R., Winner, H., Friedman, O. et al. (2000). Cerebral lateralization and theory of mind. In: S. Baron, H. Tager-Flusberg, D.J. Cohen (Eds), *Understanding other minds: Perspectives from autism and cognitive neuroscience* (pp. 306—333). (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press.

Brüne, M., Ribbert, H., Schiefenhover, W. (2003). *Social Brain: Evolution and Pathology*. N.Y.: Wiley.

Bruner, J. (2004). Preface. In: T.V. Akhutina, J.M. Glozman, L.I. Moskovich, D. Robbins (Eds), A.R. Luria and Contemporary Psychology: *Festschrift celebrating the centennial of his birth*. N.Y.: Nova Publishers, p. XI—XIII.

Damasio, A. (1999). *Biąd Kartezyusza*. [Descartes Error]. Warszawa: Dom Wydawniczy Rebis.

Devinsky, O. (2000). Right cerebral hemisphere dominance for a sense of corporeal and emotional self. *Epilepsy and Behavior*, 1, 60—73.

Dunbar, R., Gamble, C., Gowlett, J. (2010). *Social Brain, Distributed Mind*. Oxford: Oxford University Press.

Eslinger, P.J., Geder, L. (2000). Behavioral and emotional changes after focal frontal lobe damage. In: J. Bogusslavsky, J.L. Cummings (Eds), *Behavior and mood disorders in focal brain lesions* (pp. 217—260). Cambridge: Cambridge University Press.

- Garratt, L., Kelly, T.** (2008). To what extent does bilingualism affect children's performance on the NEPSY? *Child neuropsychology*, 14, 1, 71—81.
- Gazzaniga, M.** (1985). *The social brain: Discovering the networks of the Mind*. N.Y.: Basic Books.
- Glass, T.A., Matchar, D.B., Belyea, M., Feussner, J.R.** (1993). Impact of social support on outcome in first stroke. *Stroke*, 24, 64—70.
- Glozman, J.M.** (2010). On the fundamental principles in the contemporary development of Russian neuropsychology. In: Yu.P. Zinchenko, V.P. Petrenko (Eds), *Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook* (pp. 433—451). Moscow: Lomonosov Moscow State University; Russian Psychological Society.
- Goren, C.C., Sarty, M., Wu, P.Y.** (1975). Visual following and pattern discrimination of face-like stimuli by newborn infants. *Pediatrics*, 56, 4, 544—549.
- Grossman, E., Donnelly, M., Price, ... Neighbor, G.** (2000). Brain areas involved in perception of biological motion. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 12, 5, 711—720.
- Heberlein, A.S., Adolphs, R.** (2004). Impaired spontaneous anthropomorphizing despite intact perception and social knowledge. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 101, 19, 7487—7491.
- Herzyk, A.** (2000). *Myz — emocje — uczucia. Analiza neuropsychologiczna*. [Brain — emotions — feelings. A neuropsychological analysis]. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Insel, Th.R., Fernald, R.D.** (2004). How the brain processes social information: Searching for the Social Brain. *Annual Review of Neuroscience*, 27, 1, 697—722.
- Johnson, T.** (2006). Methods and frameworks for crosscultural measurements. *Medical care*, 44, 11, 3, 17—20.
- Jojek, E.** (2008). Rehabilitacja neuropsychologiczna osób po uszkodzeniach prawej półkuli mózgu. [Neuropsychological rehabilitation of patients with right hemisphere injury]. In: E. Jojek, A. Bolewska (Eds), *Wybrane zagadnienia rehabilitacji neuropsychologicznej*. [Selected problems of neuropsychological rehabilitation]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar.
- Joseph, R.M.** (1999). Neuropsychological frameworks for understanding autism. *International Representation of Psychiatry*, 11, 309—325.
- Kaplan-Solms, K., Solms, M.** (2001). *Clinical Studies in Neuro-Psychoanalysis: Introduction to a Depth Neuropsychology*. London: Karnac Books.
- Krukow, P.** (2008). Kliniczne znaczenie aktualnych badań nad neuroetologią i neuropsychologią przywiązania. [Clinical Significance of Modern Neuroethological and Neuropsychological Studies of Social Attachment]. *Psychologia — Etologia — Genetyka*, 17, 39—57.
- Krukow, P.** (2012). Neuropsychological determinants of social functioning in patients with right hemisphere ischemic damage — clinical applications. *Polish Journal of Applied Psychology*, 10, 2, 21—47.
- Lezak, M.D.** (1986). Psychological implications of traumatic brain damage for the patient's family. *Rehabilitation Psychology*, 31, 241—250.
- Luria, A.R.** (1979). *The Making of Mind: A Personal Account of Soviet Psychology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Malloy, P., Bihle, A., Duffy, J.** (1993). The orbitomedial frontal syndrome. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 8, 185—201.

Mampe, B., Friederici, A.D., Christophe, A., Wermke K. (2009). Newborns' cry melody is shaped by their native language. *Current Biology*, 19, 1994—1997.

Meyer, M.L., Lieberman, M.D. (2012). Social working memory: Neurocognitive networks and directions for future research. *Frontiers in Psychology*, 3, 571.

Nell, V. (2000). *Cross-cultural neuropsychological assessment: Theory and practice*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

O'Shanick, G.J., O'Shanick, A.M. (1994). Personality and intellectual changes. In: J.M. Silver, S.C. Yudofsky, R.E. Hales (Eds), *Neuropsychiatry of traumatic brain injury* (pp. 163—188). Washington, DC: American Psychiatric Press.

Pächalska, M. (2007). Neuropsychologia kliniczna. Urazy myzgu, t. 2. Procesy komunikacyjne i powrót do społeczeństwa. [Clinical neuropsychology. Traumatic brain injuries, t. 2. Communication processes and return to society]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Pfeiffer, U.J., Timmermans, B., Vogeley, K., Frith, C.D., Schilbach, L. (2013). Towards a neuroscience of social interaction. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7, 22.

Perecman, E. (1983). Introduction: discovering buried treasure — a look at the cognitive potential of the right hemisphere. In: E. Perecman (Ed), *Cognitive Processing in the Right Hemisphere* (pp. 1—18). New York, London: Academic Press.

Perry, B.D. (2002). What childhood neglect tells us about nature and nurture. *Brain and Mind*, 3, 79—100.

Puente, A. (2012). The cultural in cross-cultural neuropsychology. A paper, presented at Moscow International Congress, devoted to 110th Anniversary of Luria's birthday (Moscow, 30.11.2012).

Rizzolatti, G., Fadiga, L., Gallese, V., Fogassi, L. (1996). Premotor cortex and the recognition of motor actions. *Cognitive Brain Research*, 3, 131—141.

Saxe, R. (2006). Uniquely human social cognition. *Current Opinion in Neurobiology*, 16, 2, 235—239.

Schore, A.N. (1994). *Affect regulation and the origin of the Self. The neurobiology of emotional development*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates.

Serpell, R. (1979). How specific are perceptual skills? A cross-cultural study of pattern reproduction. *British Journal of Psychology*, 70, 365—380.

Stuss, D.T., Benson, D.F. (1984). Neuropsychological studies of the frontal lobes. *Psychological Bulletin*, 95, 3—28.

Tompkins C.A. (1997). *Right hemisphere communication disorders: Theory and management*. San Diego, CA: Singular Publishing Group.

Vygotsky, L.S. (1978). *Mind in Society. The development of higher psychological processes*. Cambridge: Harvard Univ. Press.

Weed, E., McGregor, W., Nielsen, J.F., Roepstorff, A., Frith, U. (2010). Theory of mind in adults with right hemisphere damage: What's the story? *Brain and Language*, 113, 65—72.

Поступила в редакцию

09.01.13

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

О. В. Алмазова

ТИПОЛОГИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЗРОСЛЫХ СИБЛИНГОВ

В статье анализируются взаимоотношения взрослых сиблингов, их специфика и многообразие, а также воздействующие на них факторы. Дан краткий обзор современных зарубежных исследований в этой области. Представлены результаты эмпирического исследования сиблинговых взаимоотношений на отечественной выборке (102 взрослых человека, имеющих одного сиблинга и более) с точки зрения их близости, доверия, конфликтности/враждебности и других параметров. Использовались два адаптированных опросника — *Adult Sibling Relationship Questionnaire* (К. Стокер и др.) и *Lifespan Sibling Relationship Scale Items* (Х. Риггио). Выделено и описано четыре типа взаимоотношений: близкие и неконфликтные (45% выборки), менее близкие и более конфликтные (31%), безразличные (19%), не близкие и конфликтно-конкурирующие (5%). Дополнительно оценивалось влияние на характер отношений между взрослыми сиблингами таких факторов, как пол, разница в возрасте, порядок рождения, близость проживания и супружеский статус. Женщины более внимательны к своим сиблингам и знают их лучше; противоборство и конкуренция сильнее выражена в однополых парах сиблингов. Разница в возрасте является значимым фактором для отношений в детстве и перестает быть важной и определяющей отношения между взрослыми братьями и сестрами. Как правило, младшие больше знают о своих сиблингах, оказывают значимую эмоциональную поддержку и рассчитывают получать ее в ответ в большей степени, чем старшие. Сиблинги, живущие близко друг от друга, больше конкурируют между собой, чаще и позитивнее общаются, и уровень практической поддержки у них выше, чем у проживающих далеко друг от друга. Братья и сестры, имеющие собственные семьи, склонны к более позитивным сиблинговым взаимоотношениям.

Ключевые слова: взрослые сиблинги, типология взаимоотношений сиблингов, сфера семейных отношений во взрослом возрасте, привязанность.

Алмазова Ольга Викторовна — аспирант кафедры возрастной психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: almaz.arg@gmail.com

Работа выполнена под руководством канд. психол. наук Г.В. Бурменской.

The article analyzes the relations between adult siblings, their specifics and diversity, as well as some factors affecting these relations. A brief review of modern foreign research in this area is also given in the article. We have presented the results of empirical research of sibling relationships on the national sample (102 adults who have at least one sibling) from the point of view of their closeness, trust, conflict/hostility and other parameters. We used two adapted questionnaires — Adult Sibling Relationship Questionnaire (C. Stocker and coll.) and Lifespan Sibling Relationship Scale Items (H.R. Riggio). The article highlights and describes four types of relationships: close and non-conflict (45% of the sample), less close and more conflict (31%); indifferent (19%), not close and conflict-competitive (5%). In addition we assessed the impact on the nature of the relationship between adult siblings of such factors as sex, age gap, the order of birth, the proximity of residence and marital status. Women are more attentive to their siblings and know them better; men are more likely to recognize that admire brothers more than sisters; dominance and opposition expressed more in same-sex pairs of siblings. In childhood the less age spacing the more active interaction between siblings and the higher trust between them is. In adulthood this factor is of no importance. As a rule, the younger know more about their siblings; they lend more emotional support to their siblings and count on getting the same from them. Siblings who live near to each other have more competition, they are more supportive of each other in practical terms and they interact more actively and positively. Adults who are married have closer and less conflict relationships with their siblings.

Key words: adult siblings, typology of relationships among siblings, the sphere of family relations in adulthood, attachment.

Специфика siblingовых взаимоотношений

Сиблинговые взаимоотношения — одни из самых долгих и значимых в жизни человека. Как заметил Марсель Руфо (2006), сиблинговые связи продолжительнее, чем связи «дети—родители»: обычно братом или сестрой остаешься дольше, чем даже сыном или дочерью. Внутри всех долгосрочных отношений есть много факторов, влияющих на них, но особенность сиблинговых отношений в том, что они начинаются в довольно закрытой системе, в которой у ребенка нет возможности выбора, какого пола его сиблинг и сколько внимания он будет получать от родителей. Кроме того, сиблинговые отношения строятся исходя из наличия общих родителей, места проживания и среды (Кузьмина, 2000).

С психологической точки зрения сиблинговые взаимоотношения имеют двойственную природу. С одной стороны, это отношения родственные: сиблингов прежде всего следует рассматривать, как подсистему семьи, члены которой связаны очень тесными узами (эмоциональными, практическими и др.), а также условиями развития и воспитания, семейными ценностями и традициями. С другой стороны, сиблинговые отношения — это, по сути, отношения со

сверстниками, т.е. *не взрослыми* (какой бы ни была разница в возрасте между ними). Кроме того, сиблинги могут сильно влиять на систему семьи, некоторым образом преобразуя ее. В этом еще одна особенность взаимоотношений сиблингов.

Долгое время предметом исследований были не сами отношения между сиблингами, а то, как сиблинговая позиция (единственный ребенок, старший (первенец), средний, младший) влияет на развитие личности человека. А. Адлер, Ф. Гальтон, А. Анастаси и др. описывали особенности Я-концепции, социальных достижений, интеллектуального уровня, коммуникативной компетентности, риска возникновения девиаций для каждой из сиблинговых позиций. О.А. Карабанова (2008) рассматривает комплементарность браков у людей с различными сиблинговыми позициями. По мнению автора, модель отношений с братьями и сестрами с легкостью переносится на собственного супруга и детей.

Активное изучение специфики и роли отношений между сиблингами в детстве началось в возрастной психологии около 30 лет назад. Однако первоначально основное внимание исследователей привлекала практическая сторона взаимоотношений между братьями и сестрами, в частности проблемы соперничества и ревности и снижения роли старшего ребенка после рождения младшего (Крайг, Бокум, 2006). Автор одной из первых книг, посвященных развитию сиблингов, американская исследовательница Джуди Дан (Dunn, 1996) выделила пять основных характеристик для описания особенностей отношений между братьями и сестрами — соперничество, привязанность, доверие, близость и общие фантазии.

Также долгое время шли споры о том, какова оптимальная разница в возрасте сиблингов для их максимально благоприятного развития. М. Кузьмина (2000) считает оптимальной разницу в 3—4 года. Так, первые 3 года мать и ребенок представляют собой в некотором смысле единое существо. В возрасте 3—4 лет происходит существенная перестройка детского сознания, появляется тенденция к самостоятельности («хочу» и «могу»). В этом возрасте ребенок начинает стремиться получить в семье новые обязанности, ответственность, желает все делать сам, поэтому уход и забота о младшем брате или сестре придется ему по душе. Опираясь на психоаналитический подход, М. Руфо (2006) указывает другой интервал как оптимальную разницу в возрасте, а именно 6—7 лет. Автор полагает, что та организация личности, которую приносит с собой период эдипова комплекса, позволяет ребенку более надежно идентифицировать себя с ролью родственника. Кроме того, у ребенка 6—7 лет было время сформировать свои собственные, только ему принадлежащие семейные воспоминания и насладиться позицией единственного ребенка; это также возраст приобретения друзей вне семьи.

Другой аспект влияния разницы в возрасте между сиблингами являлся предметом изучения М. Фейнберга и Т. Хетерингтона (Feinberg, Hetherington, 2000). Эти авторы рассматривают разницу в возрасте сиблингов в свете двух одновременно действующих параметров — их схожести в силу схожести окружения и различий, связанных с процессом дифференциации. Последняя происходит из-за того, что каждый ребенок пытается найти для себя собственную нишу, да и окружающие (родители и пр.) также пытаются подчеркнуть в сиблингах разные черты. Авторы предположили, что чем ближе сиблинги по возрасту, тем более они отличаются друг от друга по личностным качествам из-за влияния процесса дифференциации. Эта гипотеза в целом подтвердилась, но не для сиблингов с разницей в один год. Был сделан вывод, что для них влияние общей среды пересиливает процессы дифференциации.

Сиблинговые отношения во взрослом возрасте (по материалам зарубежных исследований)

Отношения взрослых сиблингов изучены значительно меньше, чем отношения между братьями и сестрами в детском и подростковом возрасте. Тем не менее интерес к этой теме явно усилился в 1990-е гг. Западные исследования того периода в основном были посвящены трем вопросам (Kang, 2002): 1. Какова роль сиблинговых взаимоотношений во взрослом возрасте? 2. Каковы структура и типология этих отношений? 3. Какие факторы оказывают влияние на взаимоотношения взрослых сиблингов? Коротко осветим основные результаты этих исследований, продвигаясь в логике ответов на поставленные вопросы.

Роль сиблинговых взаимоотношений. Взрослые сиблинги в большей или меньшей степени оказывают друг другу не только эмоциональную, но и практическую помощь (Kang, 2002).

В. Бедфорд занимался исследованием противостояний и споров, которые так часты в сиблинговых отношениях (Bedford, 1996). Автор отмечает благоприятное влияние этой традиционно считающейся негативной стороны взаимоотношений между братьями и сестрами. Так, выяснилось, что противостояние и споры сиблингов в детском и во взрослом возрасте повышают эффективность воспитания детей, помогают приобретению ими социальных навыков, дают опыт открытого и честного взаимодействия, способствуют формированию адекватной самооценки и реалистичной картины мира. В этой же работе В. Бедфорд показал, что для личностного благополучия во взрослом возрасте крайне важен процесс переосмысления («когнитивного пересмотра») конфликтов, берущих свое начало в детстве, в том числе конфликтов с сиблингами.

Структура и типология взаимоотношений между сиблингами.

Взаимоотношения между сиблингами складываются по-разному, а потому встает вопрос об их типологии и структуре. Рассмотрим три примера типологии сиблинговых взаимоотношений: две из них построены эмпирически, одна исходит из гендерной принадлежности.

Конечно, прежде всего возникает принцип разделения пар сиблингов по половому признаку на три вида: «брат—брат», «брат—сестра», «сестра—сестра». Дж. Лидер (Leder, 1993) отмечает, что пары «сестра—сестра» являются наиболее эмоционально близкими, а «брат—брат» — конкурирующими.

Для построения типологии взаимоотношений между взрослыми сиблингами Р. Стивард с коллегами (Steward et al., 2001) провели масштабное исследование, в котором участвовали более 500 человек. Критериями для классификации выступили такие качества, как привязанность сиблингов друг к другу, конкуренция, безразличие, аттракция и критицизм. Используя разработанный ими опросник (*The Sibling Type Questionnaire*), авторы выделили 5 типов значимо разных взаимоотношений между братьями и сестрами:

1) *поддерживающие* (*supportive group* — 26% от общей выборки) — отношения, для которых характерны высокие показатели по привязанности и низкие по конкуренции;

2) *испытывающие потребность друг в друге* (*longing group* — 24%) — отношения, отличающиеся высокой привязанностью и аттракцией;

3) *безразличные* (*apathetic group* — 19%) — отношения с низкими показателями по привязанности и высокими по апатии;

4) *враждебные* (*hostile group* — 16%) отношения с низкими показателями по привязанности и высокими по критицизму и безразличию;

5) *конкурирующие* (*competitive group* — 15% выборки) — отношения, характеризующиеся высокой степенью конкуренции.

В целом можно сказать, что для половины выборки сиблинговые отношения высокосignимы, т.е. играют важную роль в жизни взрослых людей. Авторы отмечают, что конкуренция между сиблингами во взрослом возрасте ослабевает; безразличные же отношения между взрослыми братьями и сестрами встречаются значимо чаще, чем в детстве или подростковом возрасте. При этом никаких гендерных различий в принадлежности тому или иному типу обнаружено не было. На уровне тенденций только отмечается, что во втором типе больше женщин, а в пятом — мужчин.

Близкое по направленности исследование провели в Индии Ш. Нандвана и М. Катош. Их целью было построение типологии сиблингов в возрасте от 40 до 60 лет (Nandwana, Katoch, 2009). Этот возраст имеет следующие особенности: 1) дети покидают «родитель-

ское гнездо» (колледжи, университеты и т.д.), 2) родители становятся беспомощными (или умирают). Поэтому отношения с сиблингами приобретают особую значимость.

Исследователи использовали разработанный ими опросник (*Adult Sibling Relationship Scale*), состоящий из 50 утверждений, оцениваемых на основе 4-балльной шкалы Лайкерта. Были выделены факторы: 1) забота, эмоциональная близость; 2) доверие к сиблингу; 3) конфликтность и конкурентность; 4) частота и позитивный характер контактов. В результате кластерного анализа данных были получены 5 типов взаимоотношений между сиблингами в возрасте от 40 до 60 лет:

1) *очень близкие, дружеские (intimate)*; сиблинги отличаются очень тесными, эмоционально близкими, неконфликтными, доверительными отношениями; контакты весьма часты; на долю этой подгруппы приходится 8% выборки (0% мужчин и 14% женщин);

2) *родственные, близкие по духу (congenial)*; сиблинги имеют тесные дружеские отношения, поддерживают друг друга, но отношения не настолько глубоки, как в первом типе; контакты между братьями и сестрами часты и регулярны, приносят радость и удовольствие; 24% выборки (27% мужчин и 22% женщин);

3) *лояльные (loyal)*; сиблинги поддерживают друг друга в сложных жизненных ситуациях, контакты их регулярны, но не часты, этот тип отношений в наибольшей степени соответствует социальным ожиданиям и строится скорее на обязательствах, чем на свободном выборе; 33% выборки (35% мужчин и 32% женщин);

4) *безразличные (apathetic)*; сиблинги недостаточно интересуются друг другом, их жизни идут параллельными курсами, контакты редки и поверхностны; 29% выборки (38% мужчин и 20% женщин);

5) *враждебные (hostile)*; контактов практически нет; сиблинги испытывают по отношению друг к другу негативные чувства и эмоции; представители этого типа занимают 6% выборки (0% мужчин и 12% женщин).

Отличия своих данных от результатов Р. Стиварда и др. (Steward et al., 2001) Ш. Нандвана и М. Катош объясняют особенностями исследованной возрастной выборки. В возрасте 40—60 лет конкурентные мотивы в отношениях между сиблингами утрачивают свою актуальность, поскольку уже более или менее определено, кто чего добился как в семейной, так и в профессиональной сфере. Тот факт, что к крайним типам принадлежат только женщины, исследователи объясняют их большей эмоциональностью и эмпатийностью (Nandwana, Katoch, 2009).

Факторы, оказывающие влияние на взаимоотношения сиблингов. Западными исследователями, работающими в бихевиористской традиции, проведено немало исследований, направленных на уста-

новление факторов, оказывающих влияние на взаимоотношения между взрослыми сиблингами (Brody, Neubaum-Carlan, 2002). Приведем основные результаты, полученные в этих работах.

В работе И. Конидис и Л. Кэмпбел (Connidis, Campbell, 1995) утверждается, что характер отношений между взрослыми братьями и сестрами определяется тремя главными факторами: 1) *полом* — в отличие от мужчин женщины склонны к более тесным связям со своими братьями и сестрами; 2) *семейным положением* — одинокие и вдовы/вдовцы тяготеют к более тесным связям со своими сиблингами; 3) *родительским статусом* — бездетные сиблинги стремятся к более близким отношениям.

Х. Риггио (Riggio, 2000) несколько иначе, чем И. Конидис и Л. Кэмпбэл интерпретирует влияние пола на взаимоотношения между взрослыми сиблингами. Он утверждает, что женщины просто больше делятся личной информацией и чаще общаются со своими сиблингами, чем мужчины. При этом в исследовании Х. Риггио не было выявлено никаких связанных с полом различий в привязанности сиблингов и удовлетворенности их взаимоотношениями. Мужчины лишь по-другому проявляли свои отношения, например пожимая руки, выпивая вместе и беседуя на сексуальные темы.

В свою очередь И. Конидис (Connidis, 1992) показал, что такие серьезные жизненные события, как развод, потеря члена семьи, рождение ребенка (за исключением женитьбы), обычно приводят к эмоциональному сплочению сиблингов.

В исследовании Т. Ли и Дж. Манчини (Lee, Mancini, 1990) было продемонстрировано, что к контактам взрослых сиблингов часто побуждает не только эмоциональная, но и территориальная близость между братьями и сестрами.

Л. Уайт и А. Риедман (White, Riedmann, 1992) установили, что на эмоциональную близость между сиблингами влияет мера генетического родства. В процессе этого исследования сравнивалась степень привязанности между следующими группами респондентов: 1) монозиготные близнецы, 2) дизиготные близнецы; 3) сиблинги с общими родителями; 4) братья и сестры, имеющие только одного общего родителя; 5) люди, не имеющие общих генов, но выросшие в одной семье. Наименьшая степень привязанности отмечена у людей, не имеющих генетического родства, наибольшая — у монозиготных близнецов. Значимых различий в качестве отношений между дизиготными близнецами и просто детьми одних родителей (одинаковое количество общих генов) выявлено не было.

Согласно результатам исследования А. Фолвела с коллегами (Folwell et al., 1997), есть три основные причины для поддержания сиблинговых отношений за пределами детства: 1) переживание важ-

ных событий/трудностей, 2) фактор сходства (признание похожести), 3) проблемы, связанные со старением.

Таким образом, можно видеть, что хотя получено немало интересных и важных данных относительно сиблинговых отношений, тем не менее они достаточно фрагментарны, а главное — практически не затрагивают механизмов, лежащих в основе формирования того или иного типа отношений между сиблингами.

С учетом того, что исследований взаимоотношений взрослых сиблингов на отечественной выборке не проводилось, было принято наше исследование.

Эмпирическое исследование особенностей взаимоотношений взрослых сиблингов

Исследование было направлено на изучение особенностей взаимоотношений и построение типологии взаимоотношений взрослых сиблингов на российской выборке. Кроме определения национальной специфики отношений между взрослыми братьями и сестрами мы ставили перед собой задачу рассмотреть динамику этих отношений (с детства до настоящего времени) и построить типологию с учетом того, как с течением времени меняются (или сохраняются) отношения между сиблингами.

Выборка. В исследовании приняли участие 102 взрослых человека (старше 18 лет; 40 мужчин и 62 женщины), у которых есть хотя бы один сиблинг. Разница в возрасте между респондентами и их сиблингами не превышала 12 лет.

Методики. Особенности отношений к сиблингу оценивались при помощи двух адаптированных опросников — *Adult Sibling Relationship Questionnaire* (Stocker et al., 1997) и *Lifespan Sibling Relationship Scale Items* (Riggio, 2000). При помощи первого опросника были получены значения по трем факторам: 1) сердечности; 2) конфликтности и конкурентности; 3) ревности по поводу отношения родителей. Во втором опроснике оценивались три параметра: 1) частота и позитивный либо негативный характер общения; 2) эмоциональный аспект отношений; 3) доверие. Все три параметра оценивались не только в момент проведения исследования, но и в детстве.

Результаты

При проведении исследования мы убедились, что взаимоотношения между взрослыми сиблингами существенно варьируются по степени близости, эмоциональной и практической поддержки, принятия, привязанности, признания, доверия, ощущения сходства друг с другом, а также по проявлению доминирования, конкуренции, противостояния и т.д. На основе кластерного анализа полученных

данных и с учетом динамики изменений оцениваемых параметров во времени были выделены 4 основных типа взаимоотношений между взрослыми сиблингами:

1) *близкие и неконфликтные* (45% выборки): респонденты воспринимают свои отношения с сиблингами как близкие и неконфликтные, улучшившиеся во взрослом возрасте по сравнению с детством; при этом родители, с их точки зрения, больше поддерживают сиблинга, а не респондента;

2) *близкие конфликтно-конкурирующие* (31%): отношения с сиблингом воспринимаются как тесные, но конфликтно-конкурирующие, с возрастом они стали менее близкими, чем были в детстве; отцы больше выделяют и поддерживают респондента, а не его сиблинга;

3) *безразличные* (19%): отношения с сиблингом воспринимаются как не очень близкие, конкуренция отсутствует, отношения практически не изменились с детства; отцы больше поддерживают респондента, а не его сиблинга;

4) *не близкие, конфликтно-конкурирующие* (5% выборки): отношения не близкие, конфликтно-конкурирующие, с течением времени ухудшились, отцы больше выделяют и поддерживают сиблинга, а не респондента.

Проводился также анализ некоторых факторов, традиционно рассматриваемых исследователями в качестве условий, влияющих на взаимоотношения между сиблингами (пол, разница в возрасте, порядок рождения и др.).

Пол респондентов (и их сиблингов). Если вернуться к полученной нами типологии взаимоотношений взрослых сиблингов, то мы не можем говорить о том, что какой-то тип взаимоотношений присущ в большей степени мужчинам или женщинам. Однако можно отметить некоторую гендерную специфику взаимоотношений:

1. Женщины более внимательно относятся к своим сиблингам и, как следствие лучше знают их, чем мужчины.

2. Взаимопомощь среди сестер и братьев неодинакова. Практическую поддержку более всего оказывают сестры сестрам, менее всего — братья сестрам. В остальных двух группах (сестры братьям и братья братьям) уровень практической поддержки находится примерно на одном уровне.

3. Мужчины чаще признают превосходство над собой своих братьев, а не сестер.

4. Доминирование и противоборство менее всего выражены со стороны братьев к сестрам (напомним, что у мужчин и практическая помощь наименьшая). Наивысшие значения эти два параметра имеют в парах «брат—брат» и «сестра—сестра». Можно полагать, что более тесные и близкие отношения у сиблингов сильнее способ-

ствуют проявлениям доминирования и противоборства, чем более дистантные.

5. Вопреки ожиданиям, в обследуемой выборке в разнополых парах сиблингов отец чаще выделяет и поддерживает дочь, чем сына.

6. В детстве наиболее активное и тесное взаимодействие наблюдается между братьями, наименее — в парах «брат—сестра».

7. Доверие к сиблингу в детстве выше всего в парах «брат—брат».

Многие психологи говорят о важности *разницы в возрасте* для характера взаимоотношений между сиблингами в детстве и отрочестве. Это было подтверждено в нашем исследовании. Меньшая разница в возрасте способствовала большей активности взаимодействия, его более позитивному характеру и повышению доверительности отношений в детстве. Однако при оценке взаимоотношений с братом или сестрой в настоящее время (когда оба сиблинга выросли) разница в возрасте особого значения не имеет, т.е. роль этого фактора сглаживается по мере взросления сиблингов.

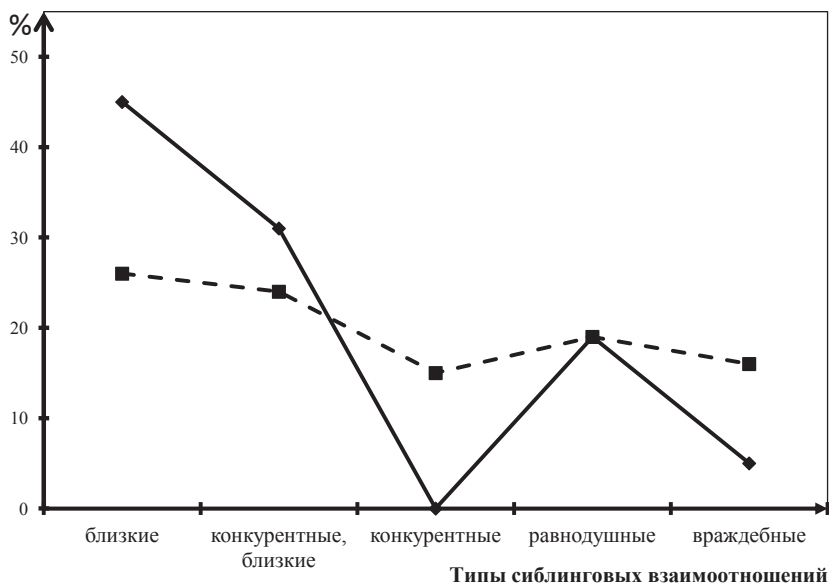
Ранее уже отмечалось то значение, которое придается сиблинговой позиции, т.е. *порядку рождения* в семье. Мы получили, что младшие сиблинги, как правило, лучше знают своих старших сиблингов, больше оказывают им эмоциональную поддержку и больше рассчитывают на нее. В этом отношении наши данные подтверждают результаты других исследователей, отмечающих, что младшие сиблинги часто больше привязаны к своим старшим братьям и сестрам (Крайг, Бокум, 2006).

Еще один часто упоминающийся в контексте взаимоотношений сиблингов фактор — *условия проживания*, прежде всего территориальная близость или удаленность друг от друга. В нашем исследовании оказалось, что сиблинги, проживающие близко друг к другу, больше поддерживают друг друга в практическом плане. В то же время они больше конкурируют и более активно взаимодействуют друг с другом. В целом их взаимодействие носит более позитивный характер, чем у сиблингов, проживающих далеко друг от друга.

Если говорить о *супружеском статусе* респондента (и его сиблинга), то по результатам нашего исследования можно сделать вывод, что большее благополучие с точки зрения семейного положения, как правило, сочетается с более ровными отношениями между сиблингами. Иными словами, замужние сестры и женатые братья имеют тенденцию к более позитивным сиблинговым взаимоотношениям.

Обсуждение

С помощью двух объемных опросников, адаптированных нами для русскоязычной выборки, было детально показано, что сиблинговые взаимоотношения могут очень сильно различаться по степени



Распределение респондентов по типам взаимоотношений с сиблингом.
Сплошная линия — в отечественной выборке, штриховая — в США

эмоциональной близости, конфликтности, привязанности, дистантности, а также по динамике во времени и т.д.

Наиболее существенным результатом проведенного исследования мы считаем намеченную типологию взаимоотношений между сиблингами на отечественной выборке. Она наглядно показывает широко варьирующий спектр отношений, причем соотношение «поддерживающих» и «враждебных» сиблингов заметно отличается от аналогичного соотношения в исследованиях западных авторов (рисунок): первых, например, у нас в два раза больше, а вторых в три раза меньше. В российской выборке также обращает на себя внимание следующая особенность: конкурентные отношения между сиблингами практически всегда сочетаются с ощущением родства и близости к брату или сестре. Такого типа, как «чисто конкурентные» отношения (по аналогии с типологией Стewardа и коллег), нами выявлено не было. Представленные данные носят предварительный характер, тем не менее они могут указывать на определенную национально-культурную специфику, что могло бы стать предметом специального исследования.

Исследование показало, что дистантные и одновременно конфликтные отношения определились у весьма малой части выборки — только у 5% наших респондентов, тогда как достаточно

близкие и доверительные имели место почти у половины сиблингов. Еще у трети выборки отношения можно назвать конкурентными, но одновременно они характеризуются близостью и высокой эмоциональностью. Кроме того, по свидетельству респондентов, многие получают в лице сиблинга источник психологической поддержки и практической помощи, что также определяет высокую значимость этих отношений.

Намеченная нами типология взаимоотношений взрослых сиблингов поднимает вопрос о тех базовых факторах, которые лежат в основе такого распределения отношений. Традиционно рассматриваемые факторы (пол, порядок рождения, разница в возрасте и т.д.), конечно, как-то влияют на взаимоотношения, но, скорее, носят внешний характер и не могут быть определяющими.

Как известно, изначально «ребенок входит в этот мир и воспринимает его в буквальном смысле сквозь призму привязанности к матери» (Бурменская, 2009). И хотя позже (в детстве и подростковом возрасте) круг лиц, к которым формируется привязанность, расширяется, мать чаще всего сохраняется в качестве основного объекта привязанности (Burmenskaya, 2009). А так как именно в это время закладываются и начинают развиваться отношения с сиблингом, то в перспективе нашей работы стоит исследование привязанности к матери и связи привязанности к матери с типом взаимоотношений между взрослыми сиблингами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2009. № 4. С. 17—31. [**Burmenskaya, G. V.** (2009). *Privjazannost' rebenka k materi kak osnovaniye tipologii razvitija*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 4, 17—31]

Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2008. [**Karabanova, O. A.** (2008). *Psikhologija semejnyh otnoshenij i osnovy semejnogo konsul'tirovaniya*. Moskva: Gardariki]

Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2006. [**Krajg, G., Bokum, D.** (2006). *Psikhologija razvitija*. Sankt-Peterburg: Piter]

Кузьмина М. Сиблинги, или Каин и Авель в одной квартире // Школьный психолог. 2000. № 17. URL: <http://www.psy.1september.ru/?year=2000&num=17> [**Kuz'mina, M.** (2000). *Siblingi, ili Kain i Avel' v odnoj kvartire*. *Shkol'nyj psiholog*, 17. URL: <http://www.psy.1september.ru/?year=2000&num=17>]

Руфо М. Братья и сестры, болезнь любви. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. [**Rufo, M.** (2006). *Brat'ja i sestry, bolezni ljubvi*. Ekaterinburg: U-Faktoriya]

Bedford, V. (1996). Relationships between adult siblings. In: A. Auhagan, M. Von Salisch (Eds), *The diversity of human relationships* (pp. 120—140). New York: Cambridge University Press.

Brody, G. H., Neubaum-Carlan, E. (2002). Siblings and sibling relationships. In: N.J. Salkind (Ed), *Macmillan psychology reference series: Vol. 1. Child Development* (pp. 363—365). New York: Macmillan Reference USA.

Burmenskaya, G.V. (2009). Child's attachment to mother as the basis of mental development typology. In: Y. Zinchenko, V. Petrenko (Eds), *Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook* (pp. 385—404). Moscow: Lomonosov Moscow State University, Russian Psychological Society.

Connidis, I.A. (1992). Life transitions and the sibling tie. *Journal of Marriage and the Family*, 54, 972—982.

Connidis, I.A., Campbell, L.D. (1995). Closeness, confiding, and contact among siblings in middle and late adulthood. *Journal of Family Issues*, 16, 6, 722—745.

Dunn, J. (1996). Siblings: The first society. In: N. Vanzetti, S. Duck (Eds), *A lifetime of relationships* (pp. 105—124). Pacific Grove, CA: Brooks/Cole Publishing Co.

Feinberg, M.E., Hetherington, T.M. (2000). Sibling differentiation in adolescence: Implications for behavioral genetic theory. *Child Development*, 71, 6, 1512—1524.

Folwell, A.L., Chung, L.C., Nussbaum, J.F., Bethea, L.S., Grant, J.A. (1997). Differential accounts of closeness in older adult sibling relationships. *Journal of Social and Personal Relationships*, 14, 6, 843—849.

Kang, H. (2002). *The nature of adult sibling relationship literature review*. Children and Family Research Center, School of social work, University of Illinois, Urbana, Illinois.

Leder, J. (1993). Adult sibling rivalry. *Psychology Today*, 26, 1, 56—63.

Lee, T., Mancini, J. (1990). Sibling relationships in adulthood: Contact patterns and motivations. *Journal of Marriage and the Family*, 52, 2, 431.

Nandwana, S., Katoch, M. (2009). Perception of sibling relationship during middle adulthood years: A Typology. *Journal of the Social Sciences*, 21, 1, 67—72.

Riggio, H.R. (2000). Measuring attitudes toward adult sibling relationships: The lifespan sibling relationship scale. *Journal of Social and Personal Relationships*, 17, 6, 707—728.

Steward, R.B., Kozak, A.L., Tingley, L.M., ... Casse, W. (2001). Adult sibling relationships: Validation of a typology. *Personal Relationships*, 8, 3, 299—324.

Stocker, C., Lanthier, R., Furman, W. (1997). Sibling relationships in early adulthood. *Journal of Family Psychology*, 11, 2, 210—221.

White, L.K., Riedmann, A. (1992). When the Brady Bunch grows up: Step/half- and full sibling relationships in adulthood. *Journal of Marriage and the Family*, 54, 1, 197—208.

Поступила в редакцию
12.11.12

МЕТОДИКА

Е. Н. Осин, Е. И. Рассказова

КРАТКАЯ ВЕРСИЯ ТЕСТА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ: ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРИМЕНЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

В статье обсуждается роль жизнестойкости в организационном контексте и возможности ее психологической диагностики. Представлены результаты исследования, посвященного разработке и проверке надежности, структурной и конвергентной валидности сокращенной версии русскоязычного теста жизнестойкости, разработанного Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой. На основе данных студенческой выборки ($N=1285$) из полной версии теста (45 пунктов) были отобраны 24 утверждения. Анализ психометрических характеристик краткой версии проводился на выборке сотрудников производственного предприятия ($N=4647$). Конфирматорный факторный анализ подтвердил одномерную структуру методики (с выделением единого фактора жизнестойкости и двух факторов систематической ошибки, отражающих особенности реакции респондентов на прямые и обратные пункты и не коррелирующих друг с другом и с общим показателем). Показатель внутренней согласованности сокращенной шкалы оказался высоким (альфа Кронбаха 0.91). О конвергентной валидности методики свидетельствуют полученные корреляции с другими показателями психологического благополучия: диспозициональным оптимизмом, оптимистическим атрибутивным стилем, надеждой, общей самооффективностью, толерантностью к неопределенности, витальностью, удовлетворенностью жизнью и трудовой деятельностью, а также внутренней мотивацией учебной и трудовой деятельности. Полученные результаты позволяют рекомендовать краткую версию в качестве средства экспресс-диагностики жизнестойкости на различных выборках.

Ключевые слова: жизнестойкость, психологическая диагностика, организации, конфирматорный факторный анализ.

Осин Евгений Николаевич — канд. психол. наук, доцент кафедры общей и экспериментальной психологии ф-та психологии НИУ «Высшая школа экономики». *E-mail:* keen-psy@mail.ru

Рассказова Елена Игоревна — канд. психол. наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* l_rasskazova@yahoo.com

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-06-00806).

The paper discusses the role of hardiness in organizations and the issues of its assessment. The results of a study aimed at development and validation of a short 24-item Russian version of the Hardiness Survey by D.A. Leontiev and E.I. Rasskazova are presented. Using a student sample data (N=1285), a subset from the set of 45 existing items were selected for the short version that was subsequently validated in a large process plant employee sample (N=4647). Using confirmatory factor analysis, a one-dimensional structure of the test was supported (with a single hardiness factor and two independent method factors corresponding to systematic bias associated with regular and reverse-scored items). The resulting shortened scale showed high reliability (Cronbach's alpha of 0.91). Convergent validity was demonstrated by predictable associations with other measures of psychological well-being, including dispositional optimism, optimistic attributional style, hope, general self-efficacy, tolerance for ambiguity, subjective vitality, life satisfaction, work satisfaction, and intrinsic motivation in academic and professional domains. The resulting short version of the Hardiness Survey can be recommended for diverse samples.

Key words: hardiness, psychological assessment, organizations, confirmatory factor analysis.

Жизнестойкость и ее роль в жизни человека

Постановка во главу угла задач диагностики и развития личностных ресурсов, способствующих совладанию со стрессом, снижению заболеваемости, улучшению продуктивности и качества «рабочей жизни» (Мандрикова, 2011; Hengry, 2004), привела к развитию целой серии теоретических конструкторов и моделей, в частности модели жизнестойкости (*hardiness*) С. Кобейса и С. Мадди (Maddi, 1998), получившей широкую известность и активно применяющейся как в мировой организационной психологии, так и в российских исследованиях (Рассказова, Леонтьев, 2011).

Под *жизнестойкостью* (ЖС) С. Мадди понимает систему представлений о себе, мире и отношениях с ним, которая препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях, а также способствует совладанию со стрессом. В структуре ЖС выделяются три сравнительно автономных компонента — вовлеченность, контроль и принятие риска. *Вовлеченность* — это уверенность человека в возможности и важности активного участия в происходящих в жизни событиях, в возможность находить путем активного поиска в различных ситуациях то, что является интересным и субъективно значимым. При низкой выраженности вовлеченности человек чувствует себя отвергнутым, находящимся «вне жизни» (Maddi, 1987). *Контроль* подразумевает уверенность в том, что борьба и преодоление позволяют повлиять на происходящее, изменить жизнь в желаемую сторону. При высоком уровне контроля человек

чувствует, что сам управляет своей жизнью, выбирает свой путь; при низком уровне ощущает себя беспомощным. *Принятие риска* — это уверенность в том, что важно действовать даже тогда, когда нет никаких гарантий успеха, поскольку отрицательный результат — тоже полезный опыт. Выраженное принятие риска заставляет человека пренебрегать простым комфортом и безопасностью и действовать ради саморазвития (ibid.).

Можно выделить пять механизмов влияния ЖС на жизнь человека (Maddi, 1998; Maddi et al., 1998). Во-первых, благодаря ей события изначально оцениваются как менее стрессогенные. Во-вторых, если стресс развился, человек мотивирован к активному совладанию, а также (в-третьих) к активному поиску необходимой для этого социальной поддержки. Четвертый механизм связан с тем, что ЖС способствует здоровому образу жизни и более ответственному отношению к практикам здоровья, что сказывается на состоянии человека. Наконец, С. Мадди не исключает, что ЖС может напрямую положительно влиять на иммунную систему человека.

К настоящему времени накоплено значительное количество данных о роли ЖС в обеспечении здоровья, качества жизни, совладания со стрессом, продуктивности рабочей деятельности и т.п. (см.: Рассказова, Леонтьев, 2011).

Жизнестойкость в организационном контексте

Первое исследование ЖС в организационном контексте было проведено в крупной телекомпании штата Иллинойс (Maddi, 1987). В результате изменений в законодательстве США компании предстояли значительные сокращения персонала в течение нескольких месяцев, о чем знали все сотрудники. Созданная волей случая ситуация позволила исследовать роль ЖС в совладании со стрессом и в развитии у персонала проблем со здоровьем: так, у сотрудников с низким уровнем всех трех компонентов ЖС вероятность заболевания в течение последующего года составляла 92.5%, тогда как у сотрудников с высоким уровнем всех трех компонентов — лишь 7.7%. Близкие результаты были получены недавно при обследовании более 7000 работников. Уровень ЖС предсказал как наличие пропусков работы по болезни, так и их количество. Интересно, что был отмечен опосредствующий эффект ЖС: у сотрудников с низким ее уровнем строгие требования на работе сказывались на количестве пропусков, тогда как у испытуемых с высоким уровнем — нет (Hystad et al., 2011).

Эти закономерности устойчиво повторялись на материале самых разных профессий. Исследования шоферов, юристов, медицинских сестер, военных в стрессовых обстоятельствах, американцев, работающих за границей, а также иммигрантов в США позволили зафиксировать значимые обратные корреляции между уровнем ЖС

и вероятностью заболевания, культурного шока, посттравматических расстройств, депрессии (Maddi, Khoshaba, 1994). У работников производственной компании ЖС позволяет предсказать уровень психического здоровья (Ebrahim, Hasan, 2011). Низкая выраженность ЖС связана с риском эмоционального выгорания (Alarcon et al., 2009; Otero Lopez et al., 2008).

Дальнейшие исследования продемонстрировали связь ЖС не только со здоровьем, но и с успешностью деятельности, особенно в стрессовых условиях. В частности, выраженность ее компонентов у консультантов позволяла предсказать эффективность их работы в течение последующего года (Maddi et al., 2006). Успешность игры баскетболистов университетских команд (Maddi, Hess, 1992), регбистов (Golby, Sheard, 2004) также зависела от ЖС. Помимо этого, жизнестойкие испытуемые лучше справлялись с утомлением при монотонной деятельности (Sansone et al., 1999), были более удовлетворены работой и в меньшей степени испытывали стресс в условиях, когда стрессовые события сменяются длительным ожиданием и периодами монотонной деятельности (например, в работе пожарных — Maddi et al., 2007).

Интересные данные были получены в исследовании топ-менеджеров: высокий уровень ЖС был характерен для предпринимателей, создавших свой успешный бизнес, но не для управляющих этим бизнесом (Курганская и др., 2011).

Наконец, ЖС положительно коррелирует с удовлетворенностью разными аспектами работы и уверенностью в том, что организация предоставляет достаточную автономию и свободу принятия решений (Maddi, Kobasa, 1984; у учителей — Otero Lopez et al., 2010).

Таким образом, ЖС является одним из ключевых личностных ресурсов, позволяющих предсказать продуктивность работы, здоровье и качество жизни работников. Несмотря на это, эмпирические исследования ее роли в продуктивности деятельности и удовлетворенности работой относительно редки и, как правило, проводятся на узкоспециализированных выборках (спортсмены, консультанты, учителя и т.п.). Это объясняется тем, что модель исходно была акцентирована на проблемах здоровья и совладания со стрессом. Масштабные исследования популяционного уровня и изучение работников производственных компаний единичны.

Кроме того, остается неясным, применимы ли к российской действительности данные, полученные на материале зарубежных компаний (насколько нам известно, соответствующие исследования на производственных предприятиях в России не проводились). Отчасти это может объясняться методическими трудностями: в частности, объем русскоязычной версии теста жизнестойкости (45 пунктов) велик для использования в популяции (Леонтьев, Рас-

сказова, 2006). В данной работе предпринята попытка преодолеть указанные ограничения.

Целью исследования стала разработка и валидизация сокращенной версии *теста жизнестойкости* (ТЖС), а также изучение особенностей ее применения в организационном контексте (на модели российского производственного предприятия). Для контроля эффекта выборки, в силу которого отбор стимульного материала на основе данных одной специфической группы испытуемых может приводить к снижению валидности и надежности теста в других группах, анализ факторной структуры и психометрических характеристик краткой версии проводился на двух независимых выборках (кросс-валидизация).

Испытуемые и процедура исследования

Для сокращения методики использовались обобщенные данные ряда выборок студентов различных специальностей вузов Москвы и Томска, собранные на протяжении 2005—2010 гг. сотрудниками лаборатории позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ, а также Томского государственного университета¹. Количество испытуемых — 1285 человек в возрасте от 16 до 56 лет², средний возраст 21.6 (станд. откл. 7.49; медиана 18) года; доля мужчин — 39.6%. Студентам предъявлялась полная версия ТЖС (45 пунктов) в составе различных психодиагностических батарей. Исследование проводилось анонимно, в рамках различных курсов по психологии.

Выборкой кросс-валидизации стали сотрудники одного из российских производственных предприятий с филиалами в 6 регионах страны³. В исследовании участвовали 4647 человек в возрасте от 18 до 75 лет, средний возраст 42.6 (станд. откл. 11.2; медиана 43) года; доля мужчин — 66.0%. Респондентам этой выборки предъявлялась краткая версия ТЖС (24 пункта) в составе компьютеризированной тестовой батареи, которую они заполняли на своих рабочих местах. Респондентам сообщалось, что независимая исследовательская компания проводит изучение психологического климата в коллективе; ответы были анонимными.

Методики

С целью проверки конвергентной и дискриминантной валидности краткой версии ТЖС использовались следующие методики:

¹ Авторы благодарят проф. Д.А. Леонтьева и проф. С.А. Богомаза за разрешение использовать собранные под их руководством данные.

² В исследованиях участвовали также студенты, получающие второе высшее образование.

³ Авторы благодарят Т.Ю. Иванову за помощь в организации и проведении исследования.

1. Тест диспозиционного оптимизма Ч. Карвера и М. Шейера (Гордеева и др., 2010).
 2. Краткая версия (36 пунктов) опросника «Стиль объяснения успехов и неудач» (Гордеева и др., 2009).
 3. Шкала надежды как черты (Snyder et al., 1991, русская версия Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осина).
 4. Опросник общей самооффективности (Шварцер и др., 1996).
 5. Шкала толерантности к неопределенности *MSTAT-I* Д. Мак-Лейна (Луковицкая, 1998).
 6. Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера и др. (Осин, Леонтьев, 2008).
 7. Шкала ситуативной витальности Р. Райана и К. Фредерик (Александрова, 2011).
 8. Опросник компонентов удовлетворенности трудом (Иванова и др., 2012).
 9. Опросник мотивации деятельности (Ryan, Connell, 1989) для учебного (Гордеева, Сычев, Осин, 2013) и профессионального контекста.
- Методики 2, 3 и 7 применялись только в студенческой выборке; методики 4, 8 — только в выборке кросс-валидации. Анализ данных проводился в программах SPSS 19 и Mplus 6.12.

Результаты

Разработка краткой версии ТЖС

До начала анализа обратные пункты теста были инвертированы; ответы кодировались в диапазоне 0—3 в соответствии с рекомендациями авторов оригинальной методики (Леонтьев, Рассказова, 2006). На выборке, использованной для сокращения методики, надежность версии теста из 45 пунктов (альфа Кронбаха) составила 0.92. На основе анализа корреляций пунктов с общим показателем и содержательного анализа формулировок пунктов из теста последовательно исключались пункты, дававшие наиболее низкие корреляции со шкалой. Исключение пунктов проводилось таким образом, чтобы сохранить характеристики исходной шкалы — количественное соотношение прямых и обратных пунктов и пунктов, относящихся к различным содержательным группам, составляющим конструкт ЖС (вовлеченность, контроль и принятие риска). Для классификации пунктов по содержанию использовался ключ к полной версии теста, разработанный авторами оригинальной методики на основании данных эксплораторного и конфирматорного факторного анализа.

Среди исключенных оказались пункты, содержащие идиоматические выражения (напр.: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе»), пункты, подверженные эффекту социальной желательности.

сти (напр.: «Я всегда контролирую ситуацию настолько, насколько это необходимо»), а также пункты, содержание которых не вполне специфично для конструкта ЖС («Мне трудно сближаться с другими людьми»). Всего был исключен 21 пункт (в том числе 8 прямых и 13 обратных). Усредненная (через преобразование Фишера) корреляция со шкалой для исключенных пунктов составила 0.34, для сохраненных — 0.50 (в оригинальной версии для 45 пунктов она составляла в среднем 0.43). Набор из 24 сохраненных пунктов содержит 7 прямых и 17 обратных пунктов, в том числе 11 относящихся к вовлеченности, 7 — к контролю и 6 — к принятию риска. Такое соотношение примерно соответствует доле пунктов каждого вида в полной версии теста.

Надежность-согласованность теста

Надежность полученной краткой версии ТЖС из 24 пунктов составила на студенческой выборке 0.90, на выборке кросс-валидации — 0.91. Корреляции пунктов с общим показателем (с поправкой, исключающей дисперсию каждого пункта из суммы перед расчетом корреляции) в обеих выборках представлены в табл. 1. Все пункты в обеих выборках демонстрируют средние или высокие коэффициенты корреляции со шкалой ($r > 0.2$). В силу того что пункты, измеряющие конструкт ЖС, сформулированы не прямо (в терминах ЖС), а косвенно (в терминах представлений о себе, мире и взаимодействии с ним), дальнейшее ограничение набора пунктов могло привести к снижению валидности шкалы и потому не проводилось.

Среднее для полной версии ТЖС из 45 пунктов на выборке сокращения ($N=1285$; $M=85.84$; $SD=19.20$) значимо (критерий Стьюдента $t(1449)=3.25$, $p<0.01$) превышало тестовые нормы ($N=166$; $M=80.72$;

Таблица 1

Корреляции утверждений краткой версии ТЖС с общим показателем в двух выборках

Краткая версия	Полная версия	Утверждение	Студенты $N=1285$	Сотрудники $N=4647$
№	№		r	r
1	1	Я часто не уверен в собственных решениях	.50	.45
2	2	Иногда мне кажется, что никому нет до меня дела	.59	.55
3	4	Я постоянно занят, и мне это нравится.	.33	.33
4	11	Порой все, что я делаю, кажется мне бесполезным	.61	.54

Краткая версия	Полная версия	Утверждение	Студенты N=1285	Сотрудники N=4647
№	№		r	r
5	14	Вечером я часто чувствую себя совершенно разбитым	.44	.48
6	16	Иногда меня пугают мысли о будущем	.50	.54
7	17	Я всегда уверен, что смогу воплотить в жизнь то, что задумал	.47	.49
8	18	Мне кажется, я не живу полной жизнью, а только играю роль	.57	.64
9	19	Мне кажется, если бы в прошлом у меня было меньше разочарований и невзгод, мне было бы сейчас легче жить на свете	.44	.51
10	20	Возникающие проблемы часто кажутся мне неразрешимыми	.55	.62
11	23	Когда кто-нибудь жалуется, что жизнь скучна, это значит, что он просто не умеет видеть интересное	.37	.27
12	24	Мне всегда есть чем заняться	.40	.43
13	26	Я часто сожалею о том, что уже сделано	.58	.55
14	31	Я довольно часто откладываю на завтра то, что трудноосуществимо, или то, в чем я не уверен	.47	.51
15	32	Мне кажется, жизнь проходит мимо меня	.64	.69
16	33	Мои мечты редко сбываются	.52	.54
17	35	Порой мне кажется, что все мои усилия тщетны	.62	.71
18	37	Мне не хватает упорства закончить начатое	.45	.57
19	38	Бывает, жизнь кажется мне скучной и бесцветной	.64	.68
20	41	Как правило, я работаю с удовольствием	.45	.49
21	42	Иногда я чувствую себя лишним даже в кругу друзей	.53	.58
22	43	Бывает, на меня наваливается столько проблем, что просто руки опускаются	.51	.57
23	44	Друзья уважают меня за упорство и непреклонность	.33	.34
24	45	Я охотно берусь воплощать новые идеи	.36	.44

Примечание. Выборке студентов предъявлялась полная версия опросника из 45 пунктов.

SD=18.53), однако размер эффекта был слабым (показатель d Коэна, отражающий различие между средними в единицах стандартного отклонения, составил 0.27), что позволяет считать объединенную студенческую выборку достаточно репрезентативной по отношению к выборке, использованной при разработке русскоязычной методики (Леонтьев, Рассказова, 2006). Описательная статистика по краткой версии ТЖС для двух выборок представлена в табл. 2. Среднее для выборки сотрудников оказывается значимо более высоким (критерий Стьюдента $t(5930)=8.74$, $p<0.001$) по сравнению со студенческой выборкой, но размер эффекта вновь невелик ($d=0.28$).

Таблица 2

Описательная статистика по краткой версии ТЖС

Параметры	Студенты (N=1285)	Сотрудники (N=4647)
Среднее	47.76	50.93
Стандартное отклонение	12.39	11.26
Размах	3—72	0—72
Медиана	48	51
Асимметрия (станд. ошибка)	-0.44 (0.07)	-0.25 (0.04)
Экссесс (станд. ошибка)	0.01 (0.14)	-0.34 (0.07)

Учитывая, что размер эффекта во всех случаях был слабым, можно объяснить различия в средних показателях для разных выборок случайными колебаниями или влиянием ситуативных факторов, таких, как фактор социальной желательности. Однако нельзя исключить и того, что уровень ЖС у студентов ниже уровня ЖС у взрослых работающих испытуемых в силу возраста или жизненных обстоятельств. Хотя данные предыдущих исследований (Рассказова, Леонтьев, 2011) не подтверждают это предположение (так, было показано, что принятие риска с возрастом ослабевает), его проверка требует национальной репрезентативной выборки. Поскольку выборка сотрудников организации является более широкой и репрезентативной, чем студенческая, мы рекомендуем использовать именно ее показатели в качестве тестовых норм для краткой версии ТЖС.

Графический анализ обоих распределений свидетельствует о достаточно хорошем соответствии нормальному распределению. Хотя показатели асимметрии и эксцесса не равны нулю, их абсолютные значения невелики. В силу большого объема выборок статистическая проверка распределений на нормальность, как и сопоставление показателей асимметрии и эксцесса с их стандартными ошибками, не имеет смысла, поскольку в этой ситуации даже несущественные отклонения эмпирических распределений от теоретического нормального распределения будут статистически значимыми (см., напр.:

Tabachnik, Fidell, 2007). Наблюдаемая правосторонняя асимметрия характерна для большинства распределений по шкалам психологического благополучия (в том числе и в российских выборках — см., напр.: Осин, Леонтьев, 2008) и свидетельствует о меньшей склонности респондентов сообщать о неблагополучии, чем о благополучии. Поскольку отклонения распределений от нормального вида выражены слабо, для использования теста достаточно применения линейной нормализации с использованием приведенных выше описательных статистик (Клайн, 1994). Баллы, отличающиеся от среднего более чем на одно стандартное отклонение, можно интерпретировать как высокие (63 и выше) или низкие (39 и ниже).

Структурная валидность шкалы

Для оценки размерности шкалы использовался эксплораторный факторный анализ. Затем с помощью конфирматорного факторного анализа оценивалось соответствие моделей различной размерности имеющимся данным с целью выбора наилучшей модели.

Эксплораторный факторный анализ. Для оценки количества факторов в шкале использовались традиционный критерий Кеттелла (точка излома на графике собственных значений) и критерий *Minimum average partial* (MAP) У. Велицера (Velicer, 1976). Суть последнего состоит в том, что выбирается такое количество факторов, при котором средняя частная корреляция между переменными за вычетом их общей дисперсии с факторами минимальна (обсуждение этого метода см.: O'Connor, 2000).

Как по данным визуального анализа, так и на основе критерия MAP оптимальной структурой в обеих выборках была признана двухфакторная, причем собственное значение второго главного компонента было низким (значения 1 и 2 главных компонентов составили соответственно 7.46 и 1.72 в выборке сокращения и 8.12 и 1.79 в выборке кросс-валидации). Эксплораторный факторный анализ вне зависимости от вида вращения приводил к выделению двух факторов, соответствующих прямым и обратным пунктам методики (так называемые “*method factors*”). Подобная картина характерна для многих методик, включающих прямые и обратные утверждения: примером может являться шкала одиночества UCLA Д. Рассела (Russell, 1996), использовавшего аналогичный нашему подход к структурной валидации.

Конфирматорный факторный анализ. В ходе конфирматорного факторного анализа проверялись три модели. В рамках модели 1 все 24 пункта методики были нагружены на единый фактор ЖС (корреляции ошибок измерения для отдельных пунктов методики в эту и другие модели не включались). Модель 2 включала два коррелирующих фактора (один с нагрузками прямых и другой — обратных

пунктов). Наконец, модель 3 включала единый фактор ЖС и два фактора, моделирующие систематическую ошибку (особенности реакции респондентов на прямые и обратные пункты). Эти два фактора не коррелировали друг с другом и с фактором ЖС. Таким образом, в

Таблица 3

Показатели конфирматорных моделей

Показатели	Студенты (N=1285)		Сотрудники (N=4647)	
	MLM	WLSMV	MLM	WLSMV
Модель 1 (df=252)				
Chi-sq.(df)	1260.15	2196.47	4918.32	12452.97
RMSEA	0.056	0.077	0.063	0.102
(90% CI)	(0.053; 0.059)	(0.074; 0.080)	(0.062; 0.065)	(0.101; 0.104)
SRMR	0.051	—	0.056	—
CFI	0.855	0.895	0.832	0.882
TLI (NNFI)	0.842	0.885	0.815	0.871
Модель 2 (df=251)				
Chi-sq.(df)	940.33	1424.04	3466.27	7387.48
RMSEA	0.046	0.060	0.053	0.078
(90% CI)	(0.043; 0.049)	(0.057; 0.063)	(0.051; 0.054)	(0.077; 0.080)
SRMR	0.042	—	0.045	—
CFI	0.901	0.937	0.884	0.931
TLI (NNFI)	0.891	0.930	0.872	0.924
Модель 3 (df=228)				
Chi-sq.(df)	715.23	1107.00	3027.83	5969.75
RMSEA	0.041	0.055	0.051	0.074
(90% CI)	(0.037; 0.044)	(0.051; 0.058)	(0.050; 0.053)	(0.072; 0.075)
SRMR	0.035	—	0.043	—
CFI	0.930	0.952	0.899	0.945
TLI (NNFI)	0.915	0.942	0.878	0.933

Примечание. Chi-sq. — значение статистики хи-квадрат, df — число степеней свободы, RMSEA — корень среднеквадратической ошибки подгонки, 90% CI — границы доверительного интервала для RMSEA, SRMR — стандартизированный корень среднего остатка (не рассчитывается для метода WLSMV), CFI — сравнительный индекс соответствия Бентлера, TLI (NNFI) — ненормированный индекс соответствия Такера—Льюиса, MLM — метод максимального правдоподобия, WLSMV — метод взвешенных наименьших квадратов.

рамках модели 3 каждый пункт имел две нагрузки — на общий фактор и на один из двух факторов систематической ошибки (в зависимости от того, прямой пункт или обратный). Для исключения проблем с идентификацией параметров при оценке модели 3 дисперсии латентных факторов были фиксированы, а все нагрузки факторов на наблюдаемые переменные оценивались свободно. Корреляции между ошибками пунктов ни в одну из моделей не вводились.

Для проверки моделей использовалась программа Mplus 6.12. Поскольку шкале ответа из 4 альтернатив могут быть более адекватны неметрические методы, модели оценивались с использованием двух подходов, рекомендуемых для интервальных переменных (*MLM*—метод максимального правдоподобия со статистикой хи-квадрат Саторра—Бентлера, устойчивой к отклонениям от нормального распределения) и порядковых переменных (*WLSMV*—метод взвешенных наименьших квадратов). Показатели соответствия моделей данным представлены в табл. 3.

Как отмечают ряд методологов конфирматорного факторного анализа (Brown, 2006; Byrne, 2012), вопросы критериев принятия решения для показателей соответствия модели данным активно обсуждаются в литературе. Большинство авторов считают показателями хорошего соответствия значения RMSEA и SRMR, не превышающие 0.05, а также значения CFI и TLI не ниже 0.95 (такие критерии, как значимость статистики хи-квадрат и соотношение значения хи-квадрат, к настоящему времени признаны неоптимальными). Тем не менее ряд авторов предлагают считать значения RMSEA в диапазоне от 0.05 до 0.08, а также CFI и TLI в диапазоне от 0.90 до 0.95 не исключающими приемлемого соответствия модели данным. Как отмечает Б. Берн (Byrne, 2012), решение о соответствии модели данным лежит на плечах исследователя и должно опираться не только на совокупность статистических показателей, но также и на теоретические и практические соображения.

По результатам конфирматорного факторного анализа на студенческой выборке показатели однофакторной модели 1 нельзя назвать удовлетворительными, показатели модели 2 с двумя коррелирующими факторами близки к приемлемым, а показатели модели 3 можно считать удовлетворительными ($RMSEA < 0.06$; $CFI > 0.90$). На выборке кросс-валидации наблюдается в целом сходная картина, но разница в показателях соответствия между моделью 3 и моделью 2 оказывается менее выраженной, а показатели всех моделей в целом — несколько более низкими. Это может быть вызвано более высоким уровнем «шума», обусловленного наличием респондентов с низкой мотивацией. На обеих выборках в модели 3 нагрузки всех 24 пунктов на фактор жизнестойкости были статистически значимыми и превышали 0.3 по модулю. По данным табл. 3, значения показателей

соответствия определяются используемым методом оценки: метод MLM дает более низкие значения RMSEA, но и более низкие значения CFI по сравнению с методом WLSMV, так что результаты применения обоих методов можно считать примерно сопоставимыми и убедительно свидетельствующими в пользу одномерной структуры краткой версии теста.

Социально-демографические и организационные факторы

Анализ связи показателей ЖС с демографическими характеристиками респондентов проводился на выборке кросс-валидации. Гендерные различия в ЖС не достигли уровня значимости $p < 0.05$, что полностью соответствует данным студенческой выборки и свидетельствует в пользу достаточности использования одних и тех же нормативных данных (см. табл. 2) для мужчин и женщин. Возрастные различия были крайне слабыми (8 возрастных групп: $F(8; 4635) = 7.31$; $p < 0.001$; $\eta^2 = 0.012$; $p = 0.03$), эффектов взаимодействия возраста и пола не обнаружено. ЖС демонстрировала слабые связи с уровнем образования ($p = 0.12$; $p < 0.001$), положением в должностной иерархии ($p = 0.13$; $p < 0.001$) и стажем работы в организации ($p = -0.11$; $p < 0.001$).

Конвергентная и дискриминантная валидность

Для анализа связей показателей ЖС с другими переменными использовалась часть студенческой выборки (студенты химического

Таблица 4

Корреляции Пирсона показателей жизнестойкости с другими переменными ($p < 0.001$ во всех случаях)

Показатель	Студенты, N=155		Сотрудники, N=4627
	45 пунктов	24 пункта	24 пункта
1. Диспозиционный оптимизм	0.47	0.46	0.61
2. Оптимистический атрибутивный стиль	0.53	0.53	не прим.
3. Надежда	0.69	0.68	не прим.
4. Общая самооэффективность	не прим.	не прим.	0.53
5. Толерантность к неопределенности	0.67	0.64	0.36
6. Удовлетворенность жизнью	0.56	0.57	0.42
7. Ситуативная витальность	0.57	0.56	не прим.
8. Удовлетворенность трудом	не прим.	не прим.	0.54
9.1. Внутренняя мотивация	0.36	0.38	0.40
9.2. Внешняя мотивация	-0.34	-0.36	-0.45
9.3. Амотивация	-0.33	-0.37	-0.40

факультета МГУ, N=155) и выборка кросс-валидации. Результаты подтверждают имеющиеся данные о том, что жизнестойким людям более свойственны оптимистическое мышление, конструктивный характер мотивации, более высокий уровень субъективного благополучия (табл. 4). Сопоставление связей общего показателя ЖС по данным краткой и полной версии, а также полученных на двух выборках, свидетельствует в пользу эквивалентности двух версий опросника.

Обсуждение

В данной работе ставились три основные задачи. Во-первых, содержательный анализ особенностей применения модели ЖС в организационном контексте. Во-вторых, разработка, апробация и кросс-валидация краткой версии ТЖС. Третьей задачей было выявление возможностей и ограничений методики в организационном контексте.

Применение модели жизнестойкости в организационном контексте: возможности и ограничения. В данной работе ЖС понимается как один из личностных ресурсов (см., напр.: Мандрикова, 2011). Ее ключевая роль в организационном контексте обусловлена предиктивной способностью в отношении здоровья, благополучия, продуктивности работников. Очевидно, что в большинстве случаев улучшение продуктивности и здоровья персонала экономически выгодно компании. Не столь понятно, но не менее важно, что представления, удовлетворенность и благополучие человека сказываются на *процессе* его работы и взаимодействия с другими людьми, т.е. определяют уникальный рисунок функционирования организации как натуральной системы (Scott, 2003). Управление, принятие решений, выявление трудностей, организация работы — это процессы, для понимания которых нередко недостаточно проанализировать видимый результат. Метафорически выражаясь, личностные факторы определяют те «силы», которые находятся под верхушкой айсберга и задают его структуру и движение. На наш взгляд, переход от организационных и социальных к психологическим (личностным) переменным потенциально позволяет дополнить видение проблем, задач и особенностей функционирования компании. Кроме того, многие личностные ресурсы, и в частности жизнестойкость, могут развиваться прижизненно (Maddi, 1998), что открывает пространство для воздействия на организационный процесс через индивида и/или группу.

К сожалению, относительно мало работ рассматривают личностные факторы с точки зрения их прямого и косвенного (через эмоциональное состояние, удовлетворенность и т.п.) влияния на организационный процесс. Как было показано выше, отчасти это связано с изначальным интересом психологов к проблематике здо-

ровья и совладания со стрессом, тогда как к проблемам удовлетворенности и самореализации внимание исследователей обратилось сравнительно недавно (Henry, 2004), в первую очередь в рамках позитивной психологии. Другая проблема связана с методическими ограничениями: подобные исследования требуют скрининговых методик, апробированных на больших выборках работников предприятий (с учетом специфики культуры и страны), а также (если они проводятся не анонимно) не подверженных эффекту социальной желательности.

Краткая версия ТЖС: психометрические показатели и результаты кросс-валидации. В организационном контексте существенным ограничивающим фактором зачастую является объем стимульного материала. Разработанная сокращенная версия ТЖС позволяет сделать процесс исследования более эффективным благодаря экономии времени на предъявление методики при сохранении надежности и валидности получаемого показателя. Результаты кросс-валидации на независимой выборке подтверждают данные о высокой надежности, а также о структурной и конвергентной валидности опросника.

В рамках проделанной работы мы опирались на методологию эксплораторного факторного анализа и классическую тестовую теорию (анализ характеристик пунктов и расчет показателя надежности) для оценки показателей пунктов, которые в сочетании с результатами содержательного анализа дали основу для сокращения шкалы. Конфирматорный факторный анализ позволил обосновать гипотезу об одномерном характере шкалы и наличии двух артефактных факторов (*method factors*), соответствующих прямым и обратным пунктам, но не имеющих отношения к содержанию последних (если бы два фактора, соответствующие прямым и обратным пунктам, были не артефактами, а содержательными измерениями конструкта, различия между показателями соответствия моделей 2 и 3 не были бы столь существенными).

Полноценная валидизация нового опросника требует накопления данных о связи показателя ЖС со стрессом и особенностями совладания, соматическими и психическими проблемами. Однако существенный массив данных о валидности полной версии ТЖС дают основания использовать его краткую версию как валидное исследовательское средство. Мы надеемся, что появление краткого инструмента приведет к росту количества исследований ЖС в различных контекстах, в частности в образовательном, организационном и клиническом.

Особенности применения ТЖС в организационном контексте. Согласно полученным данным, краткая версия теста на выборках сотрудников производственных предприятий сохраняет надежность и валидность. ЖС работников практически не связана с социально-

демографическими показателями, должностью и стажем работы и, напротив, сильно коррелирует с другими личностными ресурсами (оптимизмом, самоэффективностью, толерантностью к неопределенности), трудовой мотивацией и удовлетворенностью трудом. Иными словами, на материале российской производственной компании получено подтверждение важной роли ЖС в структуре мотивации и удовлетворенности работника. Задача дальнейших исследований — изучение механизмов, обеспечивающих эти связи. Несмотря на многообещающие прогностические возможности моделей личностных ресурсов (в том числе ЖС) в организационной психологии, следует указать на несколько ограничений, связанных с диагностикой самих ресурсов. Во-первых, до настоящего времени неизвестно, следует ли рассматривать их как общие или специфические для деятельности (например, трудовой). Так, например, по данным А. Бандуры (см.: Шварцер и др., 1996), самоэффективность существенно варьируется в зависимости от контекста конкретной деятельности. С. Мадди (1998) пишет об общих жизнестойких убеждениях, влияющих на жизнь человека, однако возможно, что ситуативные факторы накладывают отпечаток на особенности их проявления в рабочей ситуации. Во-вторых, при диагностике личностных ресурсов встает вопрос о соответствии оценок реальной ситуации, а также о возможной нелинейности их связей со здоровьем, качеством жизни и продуктивностью. Так, например, чрезмерный контроль может быть связан с отсутствием гибкости, неумением признавать существующие ограничения и в конечном счете с ухудшением, а не улучшением здоровья (см.: Beck et al., 2004). В-третьих, как и большинство личностных методик, ТЖС подвержен эффектам социальной желательности (Леонтьев, Рассказова, 2006), снизить которые позволяет анонимное предъявление анкет (Осин, 2011).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова Л.А. Субъективная витальность как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 382—403. [**Aleksandrova, L.A.** (2011). Sub'ektivnaja vital'nost' kak sostavljajuschaja lichnostnogo potenciala. In: D.A. Leontiev (Red), *Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika* (ss. 382—403). Moskva: Smysl]

Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Шевяхова В.Ю. Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач: Опросник СТОУН. М.: Смысл, 2009. [**Gordeeva, T.O., Osin, E.N., Shevyakhova, V.Yu.** (2009). *Diagnostika optimizma kak stilja ob'jasnenija uspehov i neudach: Oprosnik STOUN*. Moskva: Smysl]

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика.

2010. № 2. С. 36—64. [Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Osin, E.N. (2010). Razrabotka russkojazychnoj versii testa dispozicionnogo optimizma (LOT). *Psihologicheskaja Diagnostika*, 2, 36—64]

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: источники и следствия для психологического благополучия // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 35—45. [Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Osin, E.N. (2013). Vnutrennjaja i vneshnjaja uchebnaja motivacija studentov: istochniki i sledstviya dlja psihologicheskogo blagopoluchija. *Voprosy Psikhologii*, 1, 35—45]

Иванова Т.Ю., Рассказова Е.И., Осин Е.Н. Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 3. С. 2—15. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2012--3/62021308.html> [Ivanova, T.Yu., Rasskazova, E.I., Osin, E.N. (2012). Struktura i diagnostika udovletvorennosti trudom: razrabotka i aprobacija metodiki. *Organizacionnaja Psihologija*, 2 (3), 2—15]

Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов: Введение в психометрическое проектирование. Киев: Пан Лтд, 1994. [Kline, P. (1994). *Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniu testov: Vvedenie v psihometricheskoe proektirovanie*. Kiev: Pan Ltd]

Курганская М.В., Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Личностный потенциал предпринимателей и менеджеров высшего управленческого звена // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 491—510. [Kurganskaya, M.V., Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I. (2011). Lichnostnyj potencial predprinimatelej i menedzherov vysshego upravlencheskogo zvena. In: D.A. Leontiev (Red), *Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika* (ss. 491—510). Moskva: Smysl]

Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. [Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I. (2006). *Test zhiznestojkosti*. Moskva: Smysl]

Луковицкая Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. [Lukovitskaya, E.G. (1998). *Social'no-psihologicheskoe znachenie tolerantnosti k neopredelennosti*: Unpublished PhD thesis. Sankt-Peterburg]

Мандрикова Е.Ю. Личностный потенциал в организационном контексте // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 469—490. [Mandrikova, E.Yu. (2011). Lichnostnyj potencial v organizacionnom kontekste. In: D.A. Leontiev (Red), *Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika* (ss. 469—490). Moskva: Smysl]

Осин Е.Н. Проблема социальной желательности в исследованиях личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 454—468. [Osin, E.N. (2011). Problema social'noj zhelatel'nosti v issledovanijah lichnostnogo potenciala. In: D.A. Leontiev (Red), *Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika* (ss. 454—468). Moskva: Smysl]

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Мат-лы III Всеросс. социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008 (ISBN 978-6-89697-157-3). [Osin, E.N., Leontiev, D.A. (2008). Aprobacija

russkojazychnyh versij dvuh shkal jekspress-ocenki sub"ektivnogo blagopoluchija. In: Materialy III Vseross. sociologicheskogo kongressa. Moskva: Institut sociologii RAN, Rossijskoe obshhestvo sociologov. ISBN 978-6-89697-157-3]

Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 178—209. [Rasskazova, E.I., Leontiev, D.A. (2011). Zhiznestojkost' kak sostavljajuschaja lichnostnogo potenciala. In: D.A. Leontiev (Red), *Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika* (ss. 178—209). Moskva: Smysl]

Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71—76. [Schwarzer, R., Jerusalem, M., Romek, V. (1996). Russkaja versija shkaly obschej samojeffektivnosti R. Schwarzera i M. Jerusalema. *Inostrannaja Psihologija*, 7, 71—76.]

Alarcon, G., Eschleman, K.J., Bowling, N.A. (2009). Relationships between personality variables and burnout: A meta-analysis. *Work and Stress*, 23, 3, 244—263.

Beck, A.T., Baruch, E., Balter, J., Steer, M.A., Warman, D.M. (2004). A new instrument for measuring insight: The Beck Cognitive Insight Scale. *Schizophrenia Research*, 68, 319—329.

Brown, T.A. (2006). *Confirmatory factor analysis for applied research*. N.Y.: The Guilford Press.

Byrne, B. (2012). *Structural equation modeling with Mplus*. N.Y.: Routledge.

Ebrahim, A.M., Hasan, A. (2011). Hardiness and attributional styles as predictors of mental health in factory workers. *Australian Journal of Basic and Applied Sciences*, 5, 9, 435—440.

Golby, J., Sheard, M. (2004). Mental toughness and hardiness at different levels of rugby league. *Personality and Individual Differences*, 37, 933—942.

Henry, J. (2004). Positive and creative organization. In: A. Linley, S. Joseph (Eds), *Positive Psychology in Practice* (pp. 269—286). Hoboken, NJ: Wiley.

Hystad, S.W., Eid, J., Brevik, J.I. (2011). Effects of psychological hardiness, job demands, and job control on sickness absence: A prospective study. *Journal of Occupational Health Psychology*, 16, 3, 265—278.

Maddi, S.R. (1987). Hardiness training at Illinois Bell Telephone. In: J.P. Opatz (Ed), *Health promotion evaluation* (pp. 101—115). Stevens Point, WI: National Wellness Institute.

Maddi, S. (1998). Dispositional hardiness in health and effectiveness. In: H.S. Friedman (Ed), *Encyclopedia of Mental Health* (pp. 323—335). San Diego, CA: Academic Press.

Maddi, S., Harvey, R., Khoshaba, D., ... Brow, M. (2006). The Personality construct of hardiness III: Relationships with repression, innovativeness, authoritarianism and performance. *Journal of Personality*, 74, 32, 575—598.

Maddi, S., Harvey, R., Resurreccion, R., Giatras, C., Raganold, S. (2007). Hardiness assessment and training as potential management tools in firefighter recruitment program. *International Journal of Fire Service, Leadership and Management*, 1, 2, 3—9.

- Maddi, S., Hess, M.** (1992). Personality hardiness and success in basketball. *Journal of Sport Psychology*, 23, 360—368.
- Maddi, S., Kahn, S., Maddi, K.** (1998). The effectiveness of hardiness training. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 50, 2, 78—86.
- Maddi, S., Khoshaba, D.** (1994). Hardiness and mental health. *Journal of Personality Assessment*, 63, 2, 265—274.
- Maddi, S., Kobasa, S.** (1984). *The hardy executive: Health under stress*. Homewood, IL: Dow Jones—Irvin.
- O'Connor, B.P.** (2000). SPSS and SAS programs for determining the number of components using parallel analysis and Velicer's MAP test. *Behavior Research Methods, Instrumentation, and Computers*, 32, 396—402.
- Otero López, J.M., Santiago, M.J., Godás, A., ... Ponte, D.** (2008). An integrative approach to burnout in secondary school teachers: examining the role of student disruptive behaviour and disciplinary issues. *International Journal of Psychology and Psychological Therapy*, 8, 2, 259—270.
- Otero López, J.M., Bolaño, C.C., Mariño, M.J., Pol, E.V.** (2010). Exploring stress, burnout, and job dissatisfaction in secondary school teachers. *International Journal of Psychology and Psychological Therapy*, 10, 1, 107—123.
- Russell, D.W.** (1996). UCLA Loneliness Scale (version 3): Reliability, validity, and factor structure. *Journal of Personality Assessment*, 66, 1, 20—40.
- Ryan, R.M., Connell, J.P.** (1989). Perceived locus of causality and internalization: Examining reasons for acting in two domains. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57, 749—761.
- Sansone, S., Wiebe, D., Morgan, C.** (1999). Self-regulating interest: The moderating role of hardiness and conscientiousness. *Journal of Personality*, 67, 4, 701—732.
- Scott, R.** (2003). *Organizations: Rational, natural and open systems*. 5th ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Sirgy, M.J., Michalos, A.C., Ferris, A.L., ... Pavot, W.** (2006). The quality of life (QOL) research movement: past, present and future. *Social Indicators Research*, 76, 343—466.
- Snyder, C.R., Harris, C., Anderson, J.R., ... Harney, P.** (1991). The will and the ways: Development of an individual-differences measure of hope. *Journal of Personality and Social Psychology*, 60, 570—585.
- Tabachnik, B.G., Fidell, L.S.** (2007). *Using multivariate statistics*. Boston, MA: Pearson Education.
- Velicer, W.F.** (1976). Determining the number of components from the matrix of partial correlations. *Psychometrika*, 41, 321—327.

Поступила в редакцию
15.11.12

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ СЕРГЕЕВНЫ КАБАЧЕНКО

1 марта 2013 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончалась **Татьяна Сергеевна Кабаченко**, доктор психологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии.

Т.С. Кабаченко родилась 20 мая 1948 г. в Москве, окончила факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (1972), где специализировалась по кафедре нейро- и патопсихологии; в 1977 г. защитила кандидатскую диссертацию об особенностях учебной деятельности студентов, страдающих некоторыми формами шизофрении; работала в лаборатории экспериментальной патопсихологии Института психиатрии МЗ РСФСР, на кафедре психологии и социологии управления Московского института управления имени Серго Орджоникидзе; с 1984 г. — на кафедре психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ.

В 2000 г. Т.С. Кабаченко защитила докторскую диссертацию «Психологическое воздействие в деятельности различных профессионалов как фактор нарушения психологической безопасности». В этой работе психологическая безопасность личности выступала как самостоятельное измерение наряду с безопасностью физической. Под психологическим воздействием Т.С. Кабаченко понимала внешнее по отношению к адресату воздействие, которое в разной мере может отображаться, рефлексироваться адресатом, что в результате может изменять психологические регуляторы его активности. Способность работника обеспечивать психологическую безопасность в своей профессиональной деятельности по отношению к людям, с которыми ему приходится взаимодействовать (и по отношению к собственной личности), рассматривалась как важное условие исполнения работником профессионального долга. Татьяне Сергеевне удалось выделить характеристики трудовых постов, определяющие их «воздейственный потенциал», ею был разработан показатель, позволяющий оценить риск нарушения психологической безопасности в связи с активностью конкретного специалиста; разработана классификация методов психологического воздействия на основе представлений о психологической сущности регуляторов поведения и той роли, которую играют в их изменении различные психологические образования; при этом было выделено более 100 моделей конкретных приемов воздействия, реализуемых в различных областях общественной практики.

Выполненное Т.С. Кабаченко исследование имеет особое значение для практики: упорядоченная совокупность приемов психологического воздействия позволяет психологам вычленять в целостном процессе воздействия его отдельные этапы, выявлять, описывать, рефлексировать состав использованных воздейственных приемов, оптимизировать процесс их подготовки и реализации (равно как и способы защиты в интересах повышения психологической безопасности личности — адресата воздействия).

На факультете психологии Т.С. Кабаченко читала курсы «Методы психологического воздействия», «Психология управления», вела занятия в спецпрактикуме. Ею разработаны полезные методики; особенно стоит отметить ее методику, направленную на выявление ценностных регуляторов организационного поведения (методику «ЦРОП» — см.: Практикум по психологии труда и эргономике. М.: АCADEMIA, 2003. С. 228—253). В этой методике обследуемому предлагается делать выбор между утверждениями не с позиции их предпочтения, а, напротив, с точки зрения тех ресурсов, которыми можно пренебречь. Методика хорошо зарекомендовала себя во многих исследованиях в области психологии управления.

Сфера научных интересов Т.С. Кабаченко охватывала психологические аспекты профессионализма как ресурса власти, проблемы социальной и профессиональной адаптации, управления, психологической безопасности в связи с различными видами психологического воздействия, реализуемыми в деятельности работников, а также вопросы психологического обеспечения управления человеческими ресурсами. Она руководила рядом важных для практики проектов, к ним относятся, в частности, Программа психологического обеспечения работы с кадрами государственных служащих — «Роскадры» (М., 1992); Модель психологического обеспечения работы с кадрами РАО «Газпром» (М., 1995); Модель психологического обеспечения работы с персоналом администрации г. Ленинска (Байконур) (М., 1996). Под руководством Т.С. Кабаченко были разработаны программа и методические материалы профессионального тренинга для ИТР по вопросам организации безопасной работы в коллективе (исследование, выполненное по заказу Специального конструкторско-технологического бюро высоковольтной и криогенной техники «Мосэнерго»).

Т.С. Кабаченко опубликовано свыше 60 научных работ по проблемам медицинской, социальной, политической психологии, психологии труда, психологии воздействия и психологии управления, в том числе монографии «Психология управления. Управленческая деятельность и управленческое взаимодействие» (М., 1997, 2000), «Методы психологического воздействия» (М., 2000) и учебное пособие «Психология в управлении человеческими ресурсами» (СПб., 2003; пособие

выпущено в рамках издательской программы «300 лучших учебников для высшей школы в честь 300-летия Санкт-Петербурга»).

Татьяна Сергеевна Кабаченко была одним из самых уважаемых и любимых студентами профессоров, она много лет руководила виртуальной научной лабораторией, объединявшей студентов и аспирантов, интересовавшихся широким кругом проблем психологии управления и организационной психологии. Под ее руководством подготовлено свыше 60 дипломных работ и 7 кандидатских диссертаций.

Отечественная психология труда, организационная психология понесли невосполнимую утрату. Память о Татьяне Сергеевне Кабаченко, замечательном ученом и преподавателе, доброжелательном, мудром и принципиальном наставнике и коллеге, мужественной и скромной женщине навсегда сохранится в наших сердцах.

Коллеги и ученики